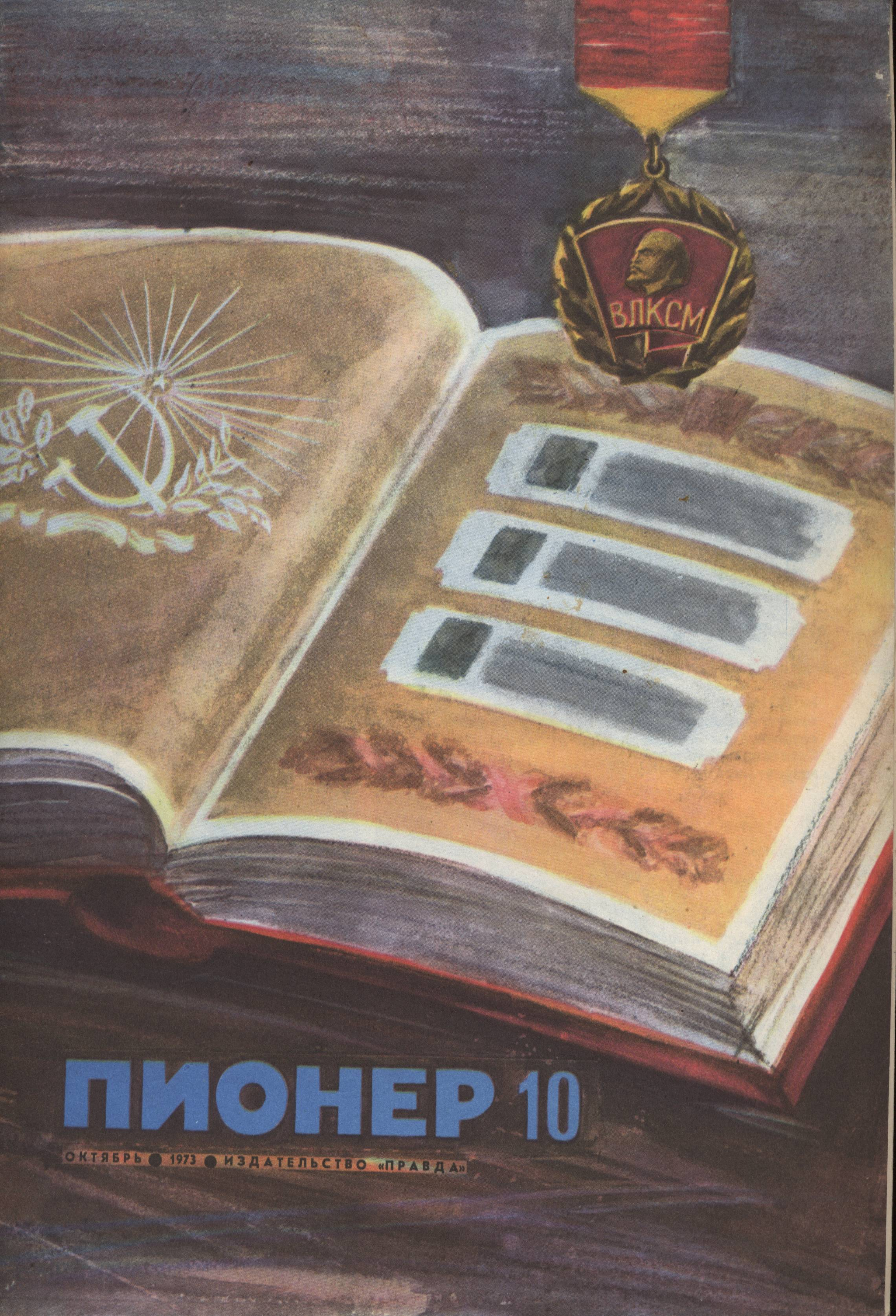

ПИОНЕР 10

ОКТЯБРЬ ● 1973 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

М. КОТОВ,
ответственный секретарь Советского комитета защиты мира

ЗА ЯСНОЕ НЕБО

У людей нашей планеты тысячи мирных профессий. И где бы эти люди ни жили, чем бы они ни занимались— все они хотят жить и трудиться под мирным небом.

Война... Сколько страданий и бедствий она принесла человечеству, сколько унесла драгоценных жизней, погубив еще не раскрывшиеся таланты ученых, поэтов, зодчих, людей, которые могли многое свершить во имя расцвета нашей планеты Земля.

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Издательство «Правда»

Москва 1973 г.

...Великий ученый древности Архимед чертил на песке фигуры, когда нависла над ним тень римского легионера.

— Отойди! Ты мешаешь мне! — сказал Архимед. Он думал над загадкой Вселенной. Он думал принести людям новые знания.

Но опустился меч!..

До нового открытия ученому не хватило одного мгновения мира!

Меня всегда глубоко волнует этот эпизод... Да, ученому нужна утренняя тишина, луч солнца на чертеже, привычный шум улицы и разноголосица детей, спешащих в школу.

А вот утро хлебопашца. Наверное, никто так, как он, не чувствует тепло подымаемого чернозема. Но каково ему видеть, как по земле его движется не трактор, а танк! И взрывы рвут ее в клочья, и засевают ее черные зерна свинца.

Врач. Доброе его призвание — отводить боль, умерять страдания. А война множит и множит человеческую боль.

Москва, Кремль,
11 июля 1973 года. Вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» товарищу Л. И. Брежневу.

Добрые отношения с Францией получили новое развитие.

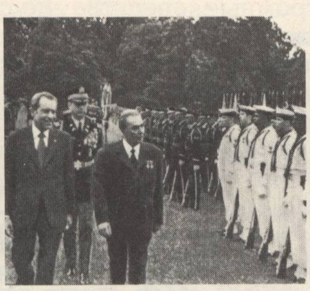
В Москве состоялись переговоры с премьер-министром Канады Пьером Эллиотом Трюдо.

На этом плакате написано «Дружба с СССР!». Так приветствовали в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС.

НАД ПЛАНЕТОЙ

Перед началом переговоров с партийно-правительственной делегацией победившего мирного Вьетнама.

Братская Варшава радостно встречает высокого и дорогого гостя.

В Вашингтоне посланца советского народа встречали с большими почестями.

Л. И. Брежнев вручает орден Ленина Первому секретарю ЦК СЕПГ товарищу Э. Хонеккеру.

Учитель. Вчера он опять распекал вас за какие-то шалости. Но уже сейчас он видит в вас не мальчишек и девчонок, а больших, сильных, красивых людей, которые принесут новую славу нашей стране.

Мир нужен ученому, врачу, учителю, хлеборобу, рудокопу, строителю.

Кто твой отец и твоя мама?.. Спроси их, они скажут: «Да, мир нужен нам». Они скажут так . хотя бы потому, что у них растешь ты и растут надежды, с тобою связанные.

Недавно Леонид Ильич Брежнев рассказывал о своих поездках прошлого года. Он побывал во многих районах нашей страны — в Сибири, Узбекистане, Казахстане, на Алтае. В деловых беседах речь шла и об урожае и о выполнении планов. Но где бы и о чем бы ни заходил разговор — было ли это в научном институте, на заводе или в поле,— повсюду звучало короткое и емкое слово МИР.

С этим словом мы, советский народ, связываем очень многое: любовь к жизни и к своей Родине, свои успехи в работе и свою уверенность в счастливом будущем нашей страны, в счастливом будущем всего человечества.

Шли первые минуты нашей советской истории. Владимир Ильич Ленин провозгласил: «Мир народам!» Первыми словами нашего государства были слова о мире.

Наши взгляды известны сегодня всем. Они завещаны нам великим Лениным, их в каждодневных своих делах проводит в жизнь наша партия. Вот они, наши взгляды, на внешнюю политику: братское единствс социалистических стран, укрепление союза с народами, которые ведут борьбу за свое освобождение, мирное сосуществование со всеми странами. Уважение всех народов — великих и малых.

Но вместе с тем это еще и решительная борьба с каждым агрессором. С ними, с захватчиками, у нас разговор иной — суровый. На нас не однажды шли с войной. На каждые полтора мирных года в нашей истории приходится год войны или восстановления разрушенного войной. Да, нам не раз приходилось отстаивать мир с оружием в руках!

Борьба за мир — наше кровное дело. Во главе этой борьбы наша партия. Коммунисты знают, лучший вид защиты мира — это развертывание МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ.

И сейчас наконец планета чувствует, что время, которое называлось «холодной войной», миновало.

«Холодная война» — она окружала наш социалистический лагерь своей враждебностью. «Холодная война» — с тобой вроде бы еще не воюют... пока, но держат «ракету за пазухой». И разжигают ненависть и подозрение...

«Холодная война» продолжалась ни много ни мало двадцать пять лет. А это четверть века! И прекратилась она не вдруг и не сама. Главный, решающий удар по ней нанес XXIV съезд партии коммунистов Советского Союза, наша Программа мира. Она нашла поддержку на всех континентах, ей сказали «Да!» все народы мира. Даже самые отчаянные головы призадумались. Над планетой повеяло теплом.

Усилиями всех поборников мира прекращена война во Вьетнаме. И хотя еще тлеет огонь в Камбодже, колонизаторы сеют смерть в Мозамбике, Анголе и на островах Зеленого Мыса, а израильские агрессоры топчут захваченные арабские земли,— в мире становится легче дышать.

Сотни миллионов людей на всей нашей планете выступают сегодня за мир, за то, чтобы все народы жили в дружбе, чтобы огромные средства не шли больше на вооружение, чтобы спорные вопросы между государствами решались не оружием, а мирным путем.

Весной нынешнего года собрались в Москве все члены Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Такое собрание называется пленумом. А оттого, что он происходил в апреле, пленум этот останется в памяти людей как АПРЕЛЬСКИЙ. Да, вот так его и запомнят: апрельский 1973 года...

Пленум уполномочил Политбюро ЦК активно бороться за полную реализацию Программы мира.

Это был «мандат мира», который дала партия, весь наш народ Генеральному секрета-

рю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу перед его визитами в Польшу и ГДР, в ФРГ, США, Францию.

Полномочный представитель советского народа. От его личных качеств, его дипломатической зоркости зависело теперь очень многое.

Для установления прочного и крепкого мира нужны конкретные действия. Успех этих действий зависит от мудрости, опыта и авторитета человека, который садится за стол переговоров. Садится, зная чаяния планеты, понимая свою ответственность перед народами.

Все мы знаем, какой богатый опыт коммуниста-борца у Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. С начала минувшей войны до ее последнего дня Л. И. Брежнев разделял трудную и славную судьбу воина. После Великой Отечественной войны особенно ярко раскрылся талант товарища Брежнева как политического деятеля. Выдвинутый на самые высокие посты в нашей стране, Леонид Ильич все свои силы отдает работе для счастья своего народа. Он умеет решать самые сложные проблемы внешней и внутренней политики. Залог успеха его деятельности в том, что он глубоко владеет научным наследием марксизма-ленинизма и творчески развивает его.

Встречи товарища Брежнева с государственными деятелями США, ФРГ, Франции и других стран стали подлинным триумфом нашей мирной политики.

Заключены договоры, которые открывают дорогу сотрудничеству. А это значит — развернется торговля, которая принесет пользу каждой стране. А это значит — люди глубже узнают культуру и искусство друг друга. А это значит — наука обогатится новыми идеями. Ведь известно: если два человека обменяются яблоками, у каждого будет по яблоку. А если они обменяются научными идеями, у каждого будет по две идеи!

Советский Союз и Соединенные Штаты Америки договорились воздерживаться от угрозы силой друг против друга, против союзников друг друга, против всех других стран. Они согласились действовать так, чтобы исключить возникновение ядерной войны в мире.

Если бы было заключено одно только это соглашение, то и тогда какая великая радость для человечества! А ведь сделано куда больше!

Леониду Ильичу Брежневу за выдающиеся заслуги в сохранении и укреплении мира вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Мы вправе гордиться своей страной, своей партией, ее ленинским Центральным Комитетом, во главе которого стоит вдохновенный борец за мир — Леонид Ильич Брежнев.

...Хотя в мире произошла разрядка напряженности, еще предстоит сделать много усилий, чтобы заставить отступить тех, кто ратует за войну. Это империалисты, магнаты капитала. Война им приносит прибыли. Мы всегда должны быть бдительны к проискам империалистических агрессоров!

Вот почему руководители коммунистических и рабочих партий социалистических стран на дружеской встрече, проходившей 30 и 31 июля этого года в Крыму, заявили, что, выполняя волю своих народов, они решительно будут продолжать борьбу за прекращение гонки вооружений.

За мир выступает сегодня подавляющее большинство человечества. Вместе со всеми народами сражается за мир и юность нашей планеты. Это стремление она убедительно показала на недавно прошедшем X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине.

В конце октября в столице нашей Родины Москве соберется Всемирный конгресс миролюбивых сил. Со всех уголков земного шара к нам приедут несколько тысяч людей самых разных взглядов и убеждений, чтобы сообща обсудить жгучие и волнующие вопросы борьбы за мир. Этот конгресс позволит участникам определить конкретные пути дальнейшего объединения всех сил, выступающих против угрозы новой войны.

Советский народ, вместе с ним и вся наша молодежь, наша славная советская пионерия готовятся достойно встретить наших дорогих гостей.

Мы уверены, что предстоящий конгресс в Москве пройдет успешно и внесет свой большой вклад в дело укрепления всеобщего мира на земле.

Мир — дело всех и каждого! — это боевой девиз всех сторонников мира.

Пусть же этот девиз звучит сильней и сильней от края и до края. Дело мира непременно победит. Над всей нашей планетой должно быть чистое небо! ★

ПО СЕКРЕТУ

Я хочу рассказать о том, как ребята города Каунаса дружат с пионерами разных стран. Когда люди интересно работают, считается, что они владеют каким-то секретом. Каким же? Это я и хотела узнать в Каунасе. И узнала не один секрет, а несколько. И тебе об этих секретах сейчас расскажу. А ты прочитаешь и, может быть, тоже станешь работать интереснее, веселее, умнее. Для этого и пишу. А не для того, чтобы ты прочитал и сказал: «Ничего они там дружат. А мы и не знали. Теперь будем знать». Для чего знать? Для того, чтобы твой отряд, дружина, городской клуб интернациональной дружбы могли что-то перенять у каунасских ребят, чему-то поучиться.

КОНКУРС ПИСЬМА

Во Дворце пионеров есть КИД — клуб интернациональной дружбы. В комнате, где он расположен, цветные вымпелы на стенах, сидят в шкафах за стеклом красивые куклы в национальных костюмах. А главное — письма. Их очень много, писем с иностранными марками. В каждом КИДе главное — письма. Честно говоря, потому ребята и в КИД поначалу приходят, что хотят переписываться с далекими друзьями. И ничего предосудительного в этом нет. Лучше всего узнаешь человека, если с ним поговоришь. А если он далеко и поговорить невозможно, — тогда по письмам. Знать про разные страны и разных людей, конечно, интересно. Хорошо иметь много друзей. Вот и летят письма во все концы. В разных школах Каунаса разные ребята писали письма. Так же, как, наверное, и в твоей школе пишут. Письма были иногда интересные, а иногда так себе. «Здравствуй, дорогой незнакомый друг. Я хочу с тобой переписываться. Я собираю от-

ВСЕМУ СВЕТУ

Людмила МАТВЕЕВА

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

крытки с видами городов. А ты что собираешь?» Допустим, «незнакомый друг» поймет намек и пришлет открытку с видом площади или моста. Даже две пришлет или три. А зачем? Ничего ты об этом городе не узнал. И площадь для тебя ничем не знаменита. Не читал про нее, не слыхал, не представляешь себе. Получается пустая переписка.

И вот, поразмыслив обо всем об этом, КИД объявил конкурс письма. Письма писать надо поучиться, не всякий умеет, сердиться нечего.

Стали учиться. Организовали специальные уроки. Руководила всем Дануте Визгирдене. Она в КИДе уже много лет. А помогали ей ребята. Приходит в КИД мальчишка или девочка, говорит:

— Я хочу переписываться с кем-нибудь, дайте, пожалуйста, адреса.

А ребята отвечают:

— Ты умеешь письма писать? Не обижайся, не все умеют. Мы и сами только учимся. Хочешь, оставайся с нами, поучишься и ты.

— Хорошее письмо долго не забывается, тем оно и хорошее,— говорила Дануте.— Есть люди, которые были когда-то в нашем КИДе, давно уже выросли, работают, а их письма помнят. Вот что значит — сумел человек душу вложить в письмо.

Они занимались несколько месяцев, вместе писали письма, думали, как получше рассказать о самом главном.

Потом КИД объявил конкурс. Ребята пришли в каждую школу города и повесили объявление: «Проводится конкурс на лучшее письмо зарубежному другу». Стали приходить во Дворец пионеров письма. Сначала немного. Ребята хотели теперь подумать, получше написать, не торопились. Писем становилось все больше. И вот заседает жюри. Кто вошел в него? Понимающие люди. Преподаватели литературы. Конечно, Дануте Визгирдене. Студентка филологического факультета Виргиния Кавалюнайте. Опытные кидовцы.

Жюри отобрало лучшие письма. Не в том смысле лучшие, что так уж все гладко в них было написано. Лучшие они потому, что за каждым письмом был виден человек, его дела, характер, увлечения.

Здесь не буду приводить эти письма целиком, только отдельные строчки.

«Вчера я получил «пятерку» по географии. Спасибо тебе, Карел. Я получил твое письмо, где ты написал про машиностроительный завод и про города твоей страны Чехословакии. И еще прочел книгу про чешское стекло. Когда меня вызвала учительница и я стал рассказывать все, что знаю о стране, ребята все слушали внимательно, им, значит, тоже было интересно. А учительница сказала, что я молодец. Раньше-то у меня с географией было не очень».

«У меня тоже есть собака, только не пудель, а жесткошерстный фокстерьер. Зовут Бим. Он веселый и даже немного хулиган. Но мы с сестрой Линой его очень любим. Недавно он болел, ветеринарный врач сказал, что нельзя давать много сладкого, от этого нарушается обмен веществ, собака жиреет, болят глаза. Мы теперь не даем ему конфет. И Бим поправился. Посылаю тебе его портрет. Прекрасный пес? Портрет, учти, я сделал сам. Потому что уже год учусь фотографировать».

«Вчера я поссорилась со своей подругой Алдоной. Вышла глупая вспышка. Она сказала, что я сказала одной девочке про нее. А я вообще никогда не сплетничаю, презираю это. А ты? Я на Алдону обиделась. А потом подумала, что она же не нарочно, просто вышло недоразумение. Немного остыну, а завтра пойду и подойду. Что же из-за ерунды дружбу рушить? Ведь у нас с Алдоной общие пионерские дела. Мы, тимуровцы, вместе помогаем взрослым, вместе готовим отрядные сборы, вместе ходим в походы... Нам ссориться нельзя».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Несколько строчек, а видны люди, их мысли, их переживания. Потому эти письма и отметило жюри как лучшие. А самым лучшим признали письмо старшеклассницы Берты Живулинскайте. Она написала:

«Наш Каунас — древний город Литвы. Он стоит на реках Неман и Нерис. Здесь уже в одиннадцатом веке была крепость.

А теперь это город, где каждая улица знает сказку. Шумят листья каштанов. Я иду в школу по своему городу, а он приветствует меня, он знает, что я люблю его. За его честное прошлое и светлое настоящее...»

ОПЕРАЦИЯ «КОНГО»

Клуб интернациональной дружбы — это не только письма.

Пришло письмо из Конго от девочки. «У нас пионерская организация недавно. Я тоже пионерка, меня приняли единогласно. Правда, галстука у меня пока нет. Еще не у всех есть красные галстуки, организация но-

вая». Кидовцы подумали: «Как же пионеру без галстука?» Решили: «Пошлем детям Конго красные галстуки».

Но как пошлем, где возьмем? Можно попросить деньги у мамы, она не откажет. Купить галстуки в магазине, и все в порядке. Но сделали не так, а лучше.

Работали сами, все лето собирали лекарственные травы, сдавали их в аптекоуправление, там за травы платили. Согласись, это совсем другие деньги — те, что сам заработал вместе с товарищами. Пока шла операция «Конго», во всех школах висели листы — сколько собрано, кто больше. Больше всех собрали трав пионеры средней школы номер тридцать.

Когда сложили все деньги вместе, оказалось, что хватит на полторы тысячи галстуков. Вот такую посылку и отправили пионеры Каунаса пионерам Конго.

И это была уже не просто дружба, не просто переписка. Это была настоящая пионерская солидарность.

ЛУЧШИЙ СУВЕНИР

Это было еще до X Всемирного фестиваля молодежи. Ребята решили: приготовим сувениры. Только уговор — все делать своими руками, иначе неинтересно. Так начала работать мастерская сувениров. Сколько красивых вещей появилось в комнате клуба! Маленькая записная книжка, переплет отделан янтарем. Мария сама нашла кусочки янтаря летом на берегу Балтики.

Человек из шишек и корней держит на руках маленького человечка, тоже из шишек: мать укачивает своего ребенка.

Рисунки, вышивки, чеканка, деревянные скульптурки. Если сделал небрежно, безвкусно — не обижайся, не примут. Только самое лучшее пошло на фестиваль. После фестиваля мастерская не закрылась — сувениры в КИДе всегда нужны. Приятно послать подарок друзьям. Еще приятнее послать подарок, сделанный своими руками.

КАК ПО-НЕМЕЦКИ «ЗДРАВСТВУЙ»?

Приехала в Каунас делегация пионеров из ГДР. Идут по городу вместе с каунасскими ребятами, смеются, смотрят по сторонам. Разговаривают. Правда, разговор получается с пятого на десятое. Немецкие ребята не знают литовского, а литовцы не все знают немецкий. По-русски объяснялись. Только Владас на немецком болтает, быстро так говорит. Девчонки спрашивают:

— Когда это ты так хорошо немецкий выучил?

А он смеется:

— Мы с Петером переписываемся не просто так. Он мне пишет по-русски, я ему отвечаю по-немецки. Да и в школе мы немецкий язык учим.

Вечером кидовцы проводили немецких ребят в школу-интернат, где ночевали гости, а сами идут по улице, разговаривают. Хорошие ребята приехали, а поговорить с ними не удается. Да и вообще, какие международные связи без языков?

Так появились при КИДе курсы иностранных языков. Ребятам помогали преподаватели. Теперь курсы работают постоянно.

Недавно ребята из КИДа ездили в Польшу. Тридцать пионеров. Все свободно разговаривали по-польски.

ВЫ СЕДЬМАЯ И МЫ СЕДЬМАЯ

В городском КИДе интересно. А интерес всегда рождает интерес. Стали и в школах Каунаса клубы интернациональной дружбы работать по-новому, намного интереснее.

Однажды КИД седьмой школы надумал провести фестиваль седьмых школ. Написали письма в Вильнюс, Шяуляй, Паневежис, Клайпеду. Пригласили кидовцев из седьмых школ к себе на весенние каникулы.

И вот приехали люди. Собрались в зале, подняли торжественно флаг фестиваля. И начался праздник. Самодеятельность — танцы разных стран, песни. В каждой делегации пятнадцать человек, а как запоют, как будто сто.

У одних есть своя киностудия. Другие провели викторину «Знаешь ли ты Болгарию?». Третьи создали у себя музей. Ребята рассказывают, новые товарищи переспрашивают, хотят и у себя попробовать.

Несколько дней длился фестиваль, потом — закрытие. Спустили флаг и передали его делегации Клайпеды. На следующий год фестиваль будет проходить там, в портовом городе. Ребята, конечно, пригласят на фестиваль моряков — вот уж кто расскажет множество историй о морях-океанах, о странах, о людях, обычаях.

В седьмой школе я познакомилась с разными людьми, постарше и помоложе. Но особенно понравился мне разговор с одним мальчиком, Витаутасом Грегонисом.

Я спросила:

— Если не секрет, о чем ты пишешь в своих письмах?

Он задумался, помолчал. Потом ответил:

— О разных вопросах жизни.

Мне показался хорошим и точным этот ответ — «О разных вопросах жизни».

КИД занимается разными делами. Но повседневность КИДа все-таки переписка. И хорошо, если люди живут интересно и пишут про свою жизнь интересно. Обо всем, что волнует, о разных вопросах жизни.

ПОДСКАЖИ!

Если у вас в школе, в Доме пионеров есть КИД, то, наверное, есть в нем что-то такое, о чем можно рассказать в «Пионере». Вот и расскажи. Не оставляй свою выдумку только для близких друзей, поделись со всеми.

Мы хотим спросить тебя: как участвуешь ты в операции «Пионеры СССР — детям Вьетнама»? Как помогает твой отряд строительству школы в Ханое? Расскажи нам об этом.

Переписываешься ли ты с друзьями из других стран? Умеешь писать письма? Проверим. «Пионер» объявляет конкурс на лучшее письмо зарубежному другу.

А у вас в КИДе есть мастерская сувениров? Может быть, создать ее? «Пионер» открывает копилку сувениров для зарубежных друзей. Фотографии и рисунки лучших сувениров мы напечатаем. Главное условие — вещь должна быть сделана своими руками.

Курсы иностранных языков при КИДе. Вот тебе еще одна подсказка.

Вы тоже можете провести фестиваль разных школ. Не обязательно, конечно, седьмых. Можно придумать другой принцип, ну-ка, подумайте.

ДО ВСТРЕЧИ НА ОРБИТЕ

А. НЕКРАСОВ

Рисунки А. МЕЛИХОВА и Л. ПАНЧЕНКО.

Ты, наверное, знаешь уже — об этом писали газеты и по радио говорили, — что в июле этого года четыре экипажа советских космонавтов, ученые и инженеры ездили в США для проведения совместной работы с американскими специалистами в Хьюстоне, откуда ведется наземное управление американскими пилотируемыми космическими кораблями.

Может быть, слышал ты и о том, что 24 мая 1972 года было подписано соглашение между правительствами СССР и США, в котором стороны обязуются совместно разработать унифицированные средства сближения и стыковки космических кораблей и станций. В этом соглашении есть пункт, предусматривающий в 1975 году стыковку и совместный полет советского

UNITED STATES
СССР

космического корабля «Союз» и американского космического корабля «Аполлон».

На первый взгляд может показаться, что ничего особенного нет ни в этом соглашении, ни в самом задуманном эксперименте. Наши космические корабли «Союз-4» и «Союз-5» еще в начале 1969 года успешно провели стыковку в космосе. В середине 1971 года транспортный космический корабль «Союз-11» доставил экипаж на орбитальную станцию «Салют». Такую операцию без сближения и стыковки тоже не проведешь... Не раз сближались, состыковывались, расстыковывались и расходились и американские космонавты, осуществляя полеты на Луну... Дело, можно сказать, знакомое и нам и американцам.

Зачем же тогда на три года откладывать эксперимент, раз уж достигнуто такое соглашение? Чего бы, кажется, проще: запустили «Союз», запустили «Аполлон», сблизились, состыковались, зашли в гости — наши к американцам, американцы к нам, пожелали друг другу счастливого пути и разлетелись, «Союз» — приземляться, «Аполлон» — приводняться... Не в первый раз, как говорится.

Хорошо бы так-то. Но...

Вот об этом «но» и пойдет разговор.

У меня есть японский карманный фонарик. Недавно в нем перегорела лампочка. Я заменил ее нашей, советской, и ничего — горит фонарик, светит ничуть не хуже, чем прежде.

А вот как-то ехали мы с пионерами в ГДР. Уж как хотелось ребятам поскорее пересечь границу! Но... как приехали в Брест, так и стояли там три часа. Ребята возмущались: «Чего нас зря держат?» А держали нас не зря, конечно. Держали потому, что наши колеса не подходят к европейской колее. Немножко, но... не подходят! Вот и пришлось стоять, ждать, пока сменят вагонные тележки.

Это на земле, на железной дороге. Тут не первую сотню лет ходят поезда. Все продумано, все отработано. И то три часа. А в космосе? Там и простор пошире, там и скорости не земные, а космические, а уж насчет того, что подходит, что не подходит, нужно прямо сказать: в космических устройствах у нас и у американцев пока что все не подходит. Или почти все.

Почему же так получилось, что в космосе все как с железными дорогами, а не как с фонариками? А получилось так потому, что где-то на первом этапе штурма космоса и мы, и американцы, и все другие нации, которые еще только собираются послать на орбиты свои корабли, шли одним путем, проложенным первым космическим штурманом К. Э. Циолковским.

К. Э. Циолковский о многом успел подумать и поделиться своими мыслями с человечеством. Но все предусмотреть не мог и он. Там, где были у него сомнения, он предлагал варианты. «Можно, — писал он, — этот вопрос решить так, а можно и по-другому...».

И получилось так, что одни варианты приняли мы, другие — американцы, третьи — разработаны самостоятельно. С этого начались расхождения, и по мере того, как готовились запуски первых спутников, с каждым шагом вперед расхождения эти увеличивались.

Вот так и получилось, что шли мы и американцы разными дорогами, а вышли в конце концов на одни и те же космические орбиты.

— Ну, вышли и ладно, — скажет иной, — теперь-то зачем искать общих путей?

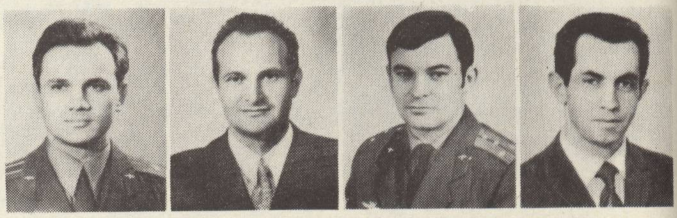
А вот зачем: освоение космоса — дело сложное. И хоть все в космических устройствах продумано и проверено сотни раз, хоть каждая система обеспечена двойным и тройным запасом надежности, но... все может случиться.

Вот, скажем, вышел корабль на орбиту, и по каким-то причинам отказала на нем тормозная система. Без тормозов и на автомобиле беда, а в космосе? Там и вовсе плохо: пора снижаться, а корабль кружится, описывает виток за витком, вернуться на Землю не может.

ЭКИПАЖИ ГОТОВЯТСЯ

Советские космонавты: первый экипаж — А. А. Леонов, В. Н. Кубасов; второй экипаж — А. В. Филипченко, Н. Н. Рукавишников; третий экипаж — В. А. Джанибеков, Б. Д. Андреев; четвертый экипаж — Ю. В. Романенко, А. С. Иванченков.

А ведь, там, на корабле, люди: да какие еще люди — бесстрашные посланцы человечества. Нужно спешить на помощь. Надо найти их в космосе, причалить к их кораблю и снять экипаж. И сделать это должен тот, кто скорее справится со спасательной операцией. Тот, кто уже в космосе, или тот, кто стоит на старте в готовности к взлету...

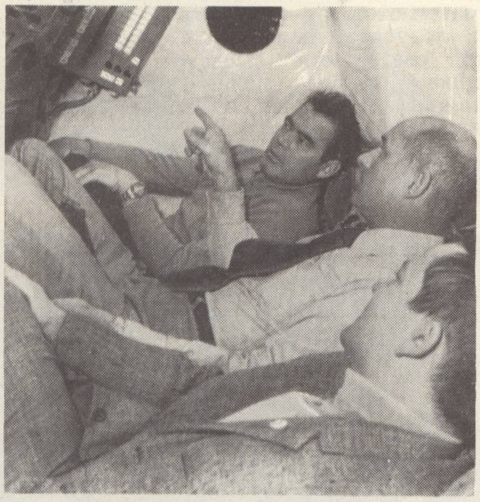
Вот поэтому и состоялось соглашение, о котором мы говорили вначале, вот поэтому и работают специалисты, вот поэтому и строят те самые «тележки», на которых можно ездить по любым космическим дорогам, «причаливать» к любому космическому кораблю, составлять в космосе поезда и эшелоны.

Это сложно. Многое еще придется додумать, решить, построить и проверить, но главное уже сделано.

Стыковочное устройство ни наше, ни американское не годится для такого дела. В тех системах, которые уже показали себя в космосе, и мы и американцы приняли принцип «штырь — конус». Это, думается, понятно: на одном корабле устроена большая воронка, на другом — прочный грибок на длинной ножке. Нацелившись в воронку (конус), грибок (штырь) входит в нее. Если стыковка не совсем точная, конус сам направит грибок куда нужно. А там остается захватить попрочнее шляпку грибка, подтянуть корабли друг к другу и загерметизировать место стыка. Но... снова «но».

Хорошо, если терпящий бедствие корабль снабжен конусом, а корабль-спасатель — штырем. А если и там и там штыри или конусы? Тут что-то новое нужно придумывать. И придумали, конечно.

Придумали универсальную систему, отдаленно напоминающую две кисти рук с растопыренными пальцами. Только «пальцев» на этих руках всего по три. Сближаясь, корабль вводит свои «пальцы» в промежутки между «пальцами» партнера. Скошенные грани «пальцев» плотно входят друг в друга, а дальше уже не так сложно. Закрепить, подтянуть, загерметизировать, — это уже бывало.

Советский космонавт А. Г. Николаев и рядом с ним американский астронавт Томас П. Стаффорд.

Бывало-то бывало... но все равно нужно сотни раз проверить всю систему и каждый ее винтик. Посмотреть, не подведет ли что в трудную минуту. И мы и американцы давно построили модели совместно разработанной системы. Эти модели уже показали всему миру на выставке во Франции, на аэродроме Бурже. Тут пока все хорошо, но работа идет, продолжается.

Сложнее получилось с дыхательной средой, с «параметрами атмосферы», как говорят специалисты. Казалось бы, тут-то все просто: ведь в Америке и у нас люди вроде бы дышат одинаково?

В Америке и у нас — одинаково. А на кораблях — по-разному: американские космонавты дышат чистым кислородом под давлением 260 миллиметров ртутного столба. А наши — воздухом, таким же примерно, каким и мы дышим, под нормальным давлением 760 миллиметров.

Ну, и что же, наши космонавты не смогут дышать кислородом, что ли? Или американские воздухом дышать не смогут?

Смогут, конечно. Но нужно, оказывается, подготовиться и к тому и к другому режиму.

Если, скажем, наш космонавт сразу перейдет из «Союза» в «Аполлон», азот, растворенный в его крови, начнет бурно выделяться, как газ в открытой бутылке с лимонадом. Пузырьки закупорят кровеносные сосуды, а это дело смертельно опасное... Прежде чем переходить в «Аполлон», нашему космонавту придется пройти «десатурацию» — пожить в атмосфере чистого кислорода, постепенно снижая давление. От двух до пяти часов нужно привыкать к кислороду, пока весь азот не «вымоется» из крови.

А американцам придется привыкать к давлению — на это тоже нужно время. Да и место нужно. Где на корабле изменять давление и состав дыхательной среды? Пришлось придумать специальный переходный «модуль» — закрытую камеру, расположенную между кораблями. Космонавт откроет люк, войдет туда, плотно запрется и будет сидеть, пока не привыкнет к другой системе дыхания. А тогда уже можно и в другой корабль переходить.

Радиосистемы тоже разные у нас и у американцев. В совместном полете решили применить американскую. На наших кораблях — их сразу два готовят на всякий случай — устанавливают американскую аппаратуру. Она отработана и служит не хуже нашей, но нашим космонавтам придется учиться работать с американскими приборами, привыкнуть к их кодам.

Чтобы увидеть с «Аполлона» «Союз» в кромешной тьме космоса, на наших кораблях ставят импульсные световые маяки, свет которых виден на десятки километров. Для точного прицеливания в момент стыковки ставят световые мишени. А чтобы все-таки не ошибиться и в поиске, и в сближении, и в стыковке, на кораблях поставят вычислительные машины, которые помогут космонавтам решать все сложные задачи.

Остается еще терминология — у нас она своя, у американцев своя. Остается язык — одни космонавты уже выучили язык своих космических партнеров, другие учат. Терминологию отрабатывают в процессе подготовки к полету, привыкают друг к другу, ближе узнают...

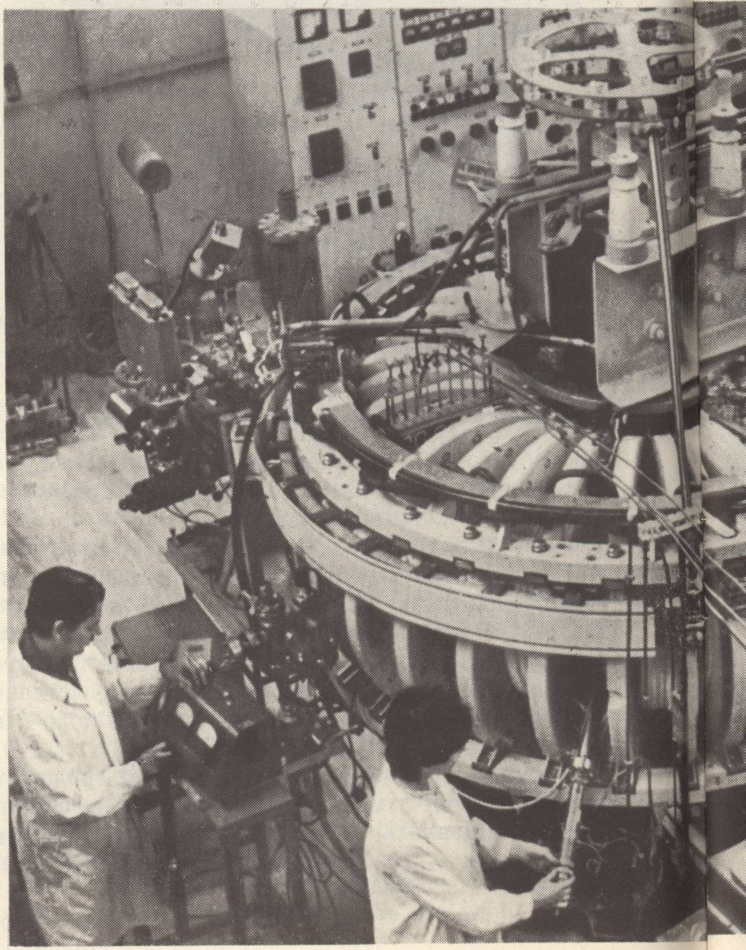
Еще много придется потрудиться и космонавтам и инженерам, но труд этот принесет драгоценный плод. Эксперимент «Союз» — «Аполлон» — первый шаг к тому, чтобы в космосе в случае беды, в случае нужды все совмещалось так же, как совмещаются пальцы в дружеском рукопожатии. ★

Год назад «Комсомольская правда» назвала имена новых лауреатов премии Ленинского комсомола. В области физики эта высокая награда была присуждена двум молодым ученым: Владимиру Арсенину и Валерию Чуянову. Оба они живут в Москве и работают в большом научном центре — Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова. Об их работе наш рассказ.

ПЛАЗМА БУДЕТ ЖИТЬ ДОЛГО

М. СЕГАЛЬ

И на Земле любое вещество можно превратить в плазму, нагрев его до нескольких тысяч градусов. Твердое железо, например, можно расплавить — будет жидкость, довести до кипения — будет пар, а если затем этот пар раскалить до десяти тысяч градусов, получится плазма. Увидеть плазму очень просто: светящиеся вывески кинотеатров, дуга сварщика, разряд молнии — все это плазма, только плазма холодная. А Солнце и звезды «сделаны» из плазмы, температура которой миллионы и десятки миллионов градусов! Этой горячей плазмой и интересуются физики.

Обычные биографии

Как говорят сами ученые, у них в общем-то обычные биографии. Школа, институт, потом работа. Но есть одно исключение. И Чуянов и Арсенин сделали выбор еще в школе: не только увлеклись физикой — увлечение часто проходит,— но начали ее серьезно и самостоятельно изучать. Потом поступили в лучшие физические вузы страны: Арсенин — в инженерно-физический. Чуянов — на физфак МГУ. Физика — наука многогранная, в вузе можно было выбрать разные специальности. Они предпочли физику горячей плазмы. Так они связали свою жизнь с величайшей научной проблемой нашего времени — с поисками новых источников энергии. Изучение горячей плазмы дает возможность открыть новые неисчерпаемые запасы энергии, подобной энергии Солнца...

Формулы и эксперименты

Молодые ученые начали исследовательскую работу еще в институте. Правда, каждый по-своему. Арсенин стал теоретиком. Его чаще можно застать за письменным столом — он рассчитывает результаты опытов. Чуянов обычно в лаборатории. Но они работают над одной проблемой и вместе обдумывают будущие опыты и обсуждают результаты. Нынешняя наука так сложна, что даже самый талантливый ученый не в состоянии быть одновременно теоретиком и экспериментатором.

Только в давние времена, лет сто — двести назад, ученый был мастером на все руки. Он и придумывал опыты, и создавал приборы, и формулировал законы. Правда, опыты тогда были сравнительно простые, и установки для них вполне могли разместиться на лабораторном столе.

Нынче совсем не так. Установки, где изучают плазму, занимают просторные многоэтажные залы. Каждый опыт готовят десятки людей: слесари, электрики, прибористы и, конечно, сами физики.

Надо сказать, что опыты у физиков-плазменщиков особенные. Работать им нелегко: плазма живет в лаборатории всего какие-то сотые доли секунды. За эти мгновения нужно успеть сделать множество сложных измерений.

Вот и бьются физики над тем, чтобы подольше удержать плазму. А для этого необходимо лучше изучить ее. Нужно заставить плазму «жить» определенный промежуток времени, только тогда можно будет использовать ее энергию.

Плазма— это Солнце и звезды

Теперь вы спросите: что же такое плазма? Ответ такой: плазма — четвертое состояние вещества. Три других вам известны — твердое, жидкое, газообразное. Может быть, вам покажется удивительным, но четвертое состояние вещества — самое распространенное в нашей Вселенной. Солнце и звезды, например, состоят из плазмы. Это гигантские раскаленные плазменные шары. Знаменитые солнечные пятна и протуберанцы — так проявляет себя плазма на Солнце, в недрах которого температура достигает миллионов градусов!

Есть волшебный сосуд!

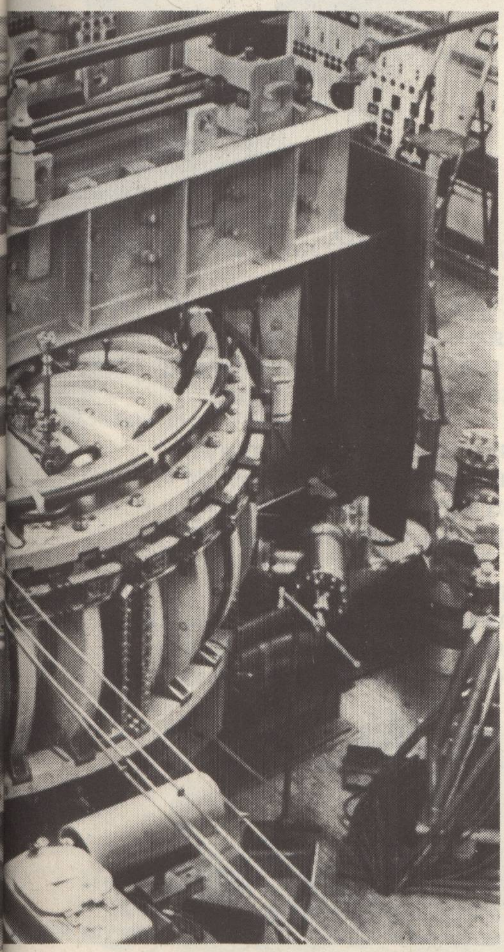
Итак, мы знаем, что плазма — это вещество, раскаленное до температуры в сотни тысяч градусов, и что задача ученых — удержать плазму как можно дольше. Легко сказать удержать! А как? Ни один сосуд не выдержит таких температур. Разве только в сказке, волшебный. Наука создала такой волшебный сосуд! И, как всякий волшебный, он невидим.

На самом деле плазму держит невидимое магнитное поле. Сильный магнит надевают на металлическую трубку, внутри которой создают плазму. Мощное магнитное поле сжимает плазму в тонкий шнурок и удерживает ее на некотором расстоянии от холодных стенок. Вот почему металлическая трубка не плавится и, казалось бы, прекрасно держит раскаленный жгут.

Но у трубки два конца, две дырки, через которые плазма может убежать. Что делать? Запаять их? Нельзя. Дотронувшись до холодных стенок, раскаленная плазма остынет. Тогда на концах трубки ставят сильные магниты, и волшебный сосуд превращается в бутылку с двумя горлышками. А можно согнуть трубку в бублик — тогда отверстий не будет вообще. Такая установка называется «токамак», и расшифровывается это слово так: «Тороидальная Камера с Магнитным полем» («тор» — это геометрическое тело, имеющее форму бублика).

Но ни в магнитной бутылке, ни в «бублике» не удается пока долго удержать плазму. Как сказочный джин, она не хочет сидеть взаперти. Плазменный шнурок все время в движении — он как бы кипит, бурлит, изгибается. И никак не хочет вести себя спокойно, быть в равновесии. Он неустойчив, как неустойчив карандаш, поставленный на острие, или как одноколесный велосипед. Однако умеют же эквилибристы не только не падать, но даже по проволоке ездить на одноколесном велосипеде! Вот и ученые пробуют тысячи способов удержать плазму. Арсенин и Чуянов уже несколько лет занимаются этой проблемой. За эту работу они получили премию Ленинского комсомола.

Советские и французские ученые вместе работают над исследованием плазмы. Крайний слева — В. А. Чуянов.

Перед вами установка «токамак»— волшебный сосуд, в котором ученые-физики стараются подольше удержать плазму.

В поисках равновесия

— Чтобы плазму удержать, — говорит Чуянов, — нужно сделать ее устойчивой. Существуют два способа: первый проще и понятнее, второй — сложнее, но и обещает больше.

— В чем смысл первого способа?

— Давайте вернемся к сравнению с велосипедом. Как сделать, чтобы он не падал? Простейший способ — прислонить его к стенке. И плазму можно прислонить к «стенке» так называемой магнитной ямы — магнитному полю особой формы. Его создают специальные катушки. Они были придуманы и испытаны советскими физиками — академиком Б. Б. Кадомцевым и доктором М. С. Иоффе с сотрудниками. Плазма действительно стала жить долго — вместо десятитысячных долей секунды — десятые доли секунды.

Однако всегда ли удобно приваливать велосипед к стенке? На нем можно ездить, если удерживать в равновесии легкими наклонами тела в сторону, противоположную отклонению машины. Так часто поступают и в технике, и называется это автоматическим регулированием.

Оказывается, тот же принцип применим и к плазме, только в гораздо более сложной форме. В этом и состоит второй метод, им мы и занимаемся. Преимущество этого метода в том, что он дает огромный выигрыш в затратах энергии. Вместо многотонных генераторов, которые гонят ток через магнитные катушки, достаточно использовать радиосхему, следящую за поведением плазмы. Энергии ей нужно не больше, чем домашнему телевизору. Дело в том, что воздействие на плазму оказывается не все время, а лишь тогда, когда она отклоняется от равновесного состояния, и не везде, а лишь там, где нужно, и в ту сторону, куда нужно. Для того, чтобы такие системы работали, нужно постоянно следить за движениями плазмы и очень быстро реагировать на них. Проблема еще далеко не решена, однако проведенные эксперименты уже показали правильность выбранного пути.

Впереди огромная работа, десятки, а то и сотни опытов. Очень сложных и тонких.

В школе мы изучаем законы, открытые великими физиками. Это обычно две-три строчки в учебнике. За ними — жизнь ученого, дни и ночи упорного труда, неудачи и радости...

Наука о плазме еще совсем молода, но придет время, и в школьных учебниках появятся скупые строчки новых законов. ★

Муса Джалиль

ГОД ТОМУ НАЗАД В «ПИОНЕРЕ» БЫЛИ НАПЕЧАТАНЫ СТИХИ ПРЕКРАСНОГО ПОЭТА И ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА — МУСЫ ДЖАЛИЛЯ.

СТИХИ ДЖАЛИЛЯ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛИСЬ РЕБЯТАМ.

МЫ ПОЛУЧИЛИ МНОГО ПИСЕМ ОТ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ: РЕБЯТА РАССКАЗЫВАЛИ О ТОМ, ЧТО СТИХИ ЭТИ ОНИ ВЫУЧИЛИ НАИЗУСТЬ, ЧИТАЛИ НА ШКОЛЬНЫХ ВЕЧЕРАХ И ПИОНЕРСКИХ СБОРАХ. И ЕЩЕ, ОНИ ПРОСИЛИ «ПИОНЕР» НАПЕЧАТАТЬ ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТА.

МЫ ВЫПОЛНЯЕМ ВАШУ ПРОСЬБУ, РЕБЯТА. НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ ВЫ ПРОЧТЕТЕ НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ.

Звезды

В небе тихо. Ночь ясна.
Ничего, что поздно,
Мне не спится. Не до сна.
Я считаю звезды.

Солнце спряталось в леса.
Скрылся день куда-то.
Остывает полоса
Летнего заката.

Укрывает землю ночь
Синим покрывалом.
Добрых снов желает ночь
Всем глазам усталым.

Даже яблоню в цвету
Ночь не позабыла,
Даже яблоню, и ту
Тьма ночная скрыла.

Даже нива не слышна.
И река притихла.
В темной чаще тишина
Осыпает иглы.

Но выходят на посты
Звездные дозоры,
И видны им с высоты
Все леса и горы.

И курганы, и поля,
И в лесах поляны,
Перед ними вся земля,
Все моря и страны.

Тих и светел сон земли.
Небосвод искрится.
Светят звезды до зари.
И не спит граница.

Может, звезды — отблеск тех,
Маленьких и алых,
Что мерцают в темноте
На ночных заставах?

Может, отдан был приказ:
«Самолеты — в воздух!»
Эскадрилья пронеслась,
Но остались звезды?

Далеко у синих гор
Полночью безлунной
В тишине несет дозор
Пограничник юный.

Пограничник молодой
В новенькой пилотке
С алой маленькой звездой
Ровно посередке.

Он сжимает автомат
Там, у горной кручи.
Словно вороны, летят
Грозовые тучи.

Но ночной притихший мрак
Звездочки боится!
Не пройдет границу враг —
Заперта граница!

...Тихо в небе. Ночь темна.
Ничего, что поздно,
Мне не спится. Не до сна.
Я гляжу на звезды.

И спокойно люди спят,
Реки, рощи, птицы —
Если алые горят
Звезды на границе.

1936 г.

Дуб

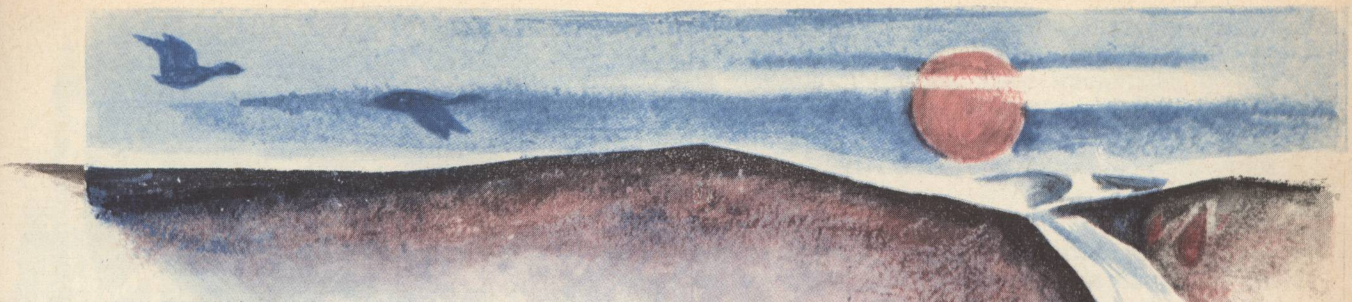
Тот дуб на скрещенье дорог
Стоит — он совсем одинок,
Он стар, даже слышит едва,
О чем ему шепчет трава.

В листве его ветры живут
И гнезда зеленые вьют.
А он про былые года
Негромко поет иногда.

Тому уже тысяча лет —
Мальчишка, а может быть, дед,
Садовник, а может быть, нет,
Оставил навечно свой след:

Он ямку копал — напевал,
Он желудь землей засыпал.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Кем был он? Неважно, кем был.
Он просто деревья любил.

Остался в земле его пот.
Летели столетья, и вот
Поднялся, могуч и высок,
Тот дуб на скрещенье дорог.

Здесь путник — который уж
век! —
Находит приют и ночлег:
И песню листвы и ветвей
Он вспомнит под крышей своей.

Когда же обрушится дождь,
По листьям проносится дрожь:
Пусть ливень сильней и сильней,
Но сухо у старых корней.

А в зной до вечерней зари
Здесь дремлют в тени косари.
А лунною ночью сюда
Пастух пригоняет стада.

Бывает в той местности вдруг
Бело от буранов и вьюг,
И если б не дуб, то пути
Сквозь белый костер не найти.

Мой предок далекий, мой друг!
Я славлю тепло твоих рук,
Твой памятник славлю — ты
в нем
Зеленым бушуешь огнем.

Да! Все мы живем только раз,
Лишь память расскажет о нас,
И дуб через тысячу лет
Друзьям донесет твой привет.

10 декабря 1943 г.

Родник

«Челтыр-чок-чок!» —
Ворчит родник.
Он слышен издали
В тиши.
Над ним
Качается тростник.
В него
Глядятся камыши.

Поет родник:
«Челтыр-чок-чок!
Не сыпьте глину
Из-под ног!
Прохладней
Всех морей и рек
Моей воды
Один глоток!»

Он за большой горой
Поет,
И там колхозник
Воду пьет,
И всадник,
Напоив коня,
Через ручей
Проходит вброд.

«Челтыр-чок-чок!» —
Наш родничок...
И солнышко
Не так печет,
И стал на отдых
Наш отряд,
«Челтыр-чок-чок,
Челтыр-чок-чок!»

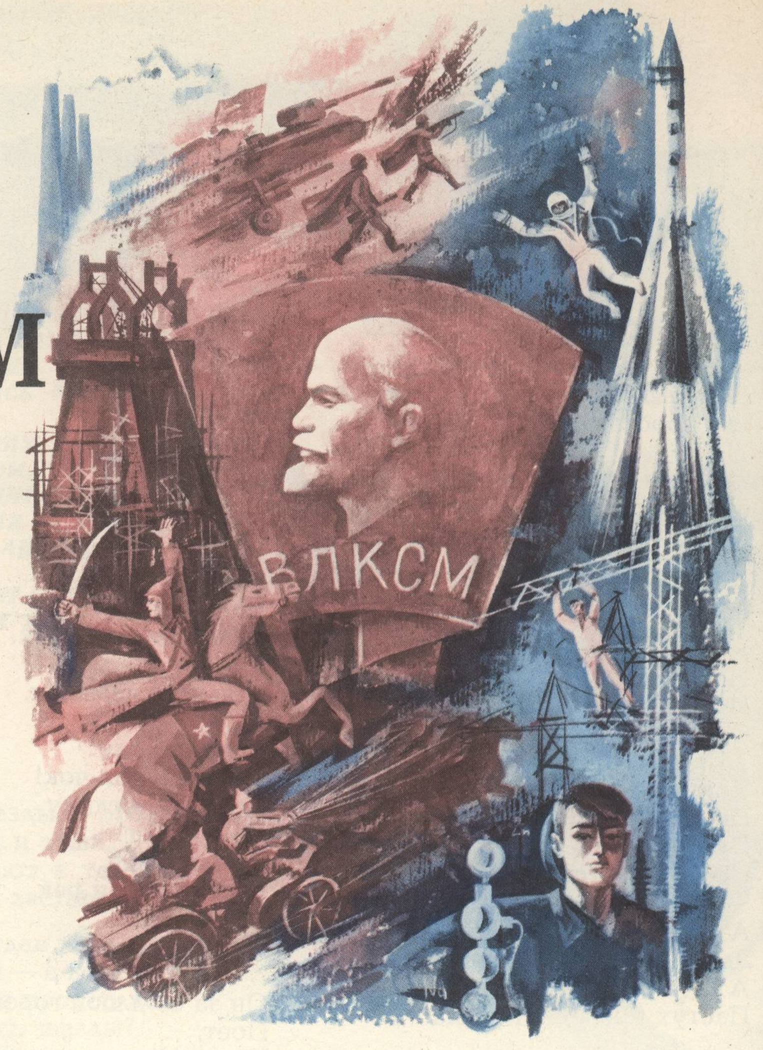
2 марта 1936 г.

**Перевел
с татарского
Ю. Кушак**

29 октября —
день рождения
ВЛКСМ

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

З. НОВОЖИЛОВА,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Это разговор взрослый, разговор о серьезных и важных делах. Разговор с теми, кто уже сейчас задает себе вопрос: «Правильно ли я понимаю, что такое комсомол? Как он появился в моей стране? Какие они, комсомольцы, как живут, как думают, поступают?»

Наш разговор и с теми, кто узнал ответы на все эти вопросы и сейчас собирается подать заявление о вступлении в ряды ВЛКСМ.

«Пионер», как известно, читают не только пионеры. Те, кто учится в восьмом, в девятом и десятом классе, продолжают читать и любить его.

Многие стали комсомольцами год, два года назад. Пожалуй, им будет интересно еще раз взглянуть на себя и своих товарищей, еще раз оценить это свое звание члена ВЛКСМ и свою теперешнюю жизнь.

Немногим более трехсот тысяч человек насчитывал комсомол в дни образования СССР. А каков он сегодня?

Сегодня тридцать два миллиона молодых ленинцев всех наций и народностей объединяет комсомол в своих рядах.

Почти сто двадцать миллионов юношей и девушек за эти годы прошли в Ленинском комсомоле школу идейной закалки под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

47 миллионов комсомольцев, юношей и девушек приняли участие в канун третьего, решающего года пятилетки во Всесоюзном комсомольском собрании. К концу года они отчитаются перед партией и народом в своей работе, в выполнении ленинских заветов.

В народном хозяйстве страны трудится сейчас 28 миллионов молодых рабочих и служащих, около половины из них — комсомольцы.

На фермах колхозов работает более миллиона молодых людей, в том числе 395 тысяч комсомольцев.

В составе Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи — почти 8 миллионов школьников.

Я уверена, ты хорошо понимаешь, что означает это сокращение: ВЛКСМ. Но давайте

все-таки расшифруем каждое слагаемое в этом монолитном сочетании пяти букв.

Всесоюзный. Это проще простого, скажешь ты. Всесоюзным комсомол назван потому, что объединяет комсомольцев всего Союза, всех краев, областей, республик СССР. Это так понятно нам! Так естественно! Как же может быть иначе?

Но вот посмотри, с какой радостью писала в 1917 году, в то время, когда комсомол еще только возникал — складывался из разных групп революционной молодежи, с каким даже торжеством Надежда Константиновна Крупская писала тогда:

«Все мальчики и девочки, юноши и девушки, живущие продажей своей рабочей силы, какой бы веры они ни были, на каком бы языке ни говорили, организуются в один «Союз Рабочей Молодежи России».

Веками сильные мира того—старого, хищного, лживого мира собственников — распаляли, раздували национальную вражду, чтоб легче было управлять народами, жившими в царской России. А служители разных религий своей верой и неправдой им помогали. Но вот рабочая молодежь вопреки всему стала объединяться не в отдельные национальные союзы, которые контрреволюция, уж конечно же, попыталась бы всячески сталкивать и ссорить, а в единый интернациональный союз молодых революционеров. Да, по праву коммунисты могли гордиться этим!

Мы с вами живем сегодня в атмосфере верной дружбы и крепкого братства народов нашей страны. Мы к ней привыкли, как к воздуху, которым дышим. Но эта дружба и братство народов — величайшее наше завоевание. И выходит, слово «Всесоюзный» в названии ВЛКСМ — слово гордое и высокое.

Ленинский. В июле 1924 года комсомол принял имя Владимира Ильича Ленина. И сейчас и сегодня прочитывая то, что торжественно, строго и точно сказали тогда наши предшественники, комсомольцы 1924 года, мы можем сказать: «Да, это так, я тоже так думаю».

«Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен... приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи — прониклась единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

Твердая решимость каждого, кто носит на груди значок ВЛКСМ, и единая воля нашей многомиллионной организации учиться, работать и бороться по Ленину составляют могучую нравственную силу комсомола.

Переходя из организации детей — юных ленинцев, в юношескую организацию молодых борцов-ленинцев, тебе предстоит по-новому, по-взрослому ощутить в себе твою личную твердую решимость сражаться за осуществление заветов, оставленных нам Лениным.

Коммунистический. Цель, которую поставили перед собой Ленин и партия,— воплотить в жизнь самый высокий и светлый, самый справедливый и благородный идеал человечества. Имя его—коммунизм! Вот почему партия наша называется Коммунистической. Союз молодых ленинцев, верный помощник партии и ее надежный резерв, по праву носит то же название — Коммунистический.

Чтобы называться так не на словах, а на деле, чтобы стать действительными борцами за коммунизм, надо коммунизму учиться. Это был главный завет Ильича молодежи, главное его требование к юным. Оно прозвучало на III съезде РКСМ.

Из воспоминаний Надежды Константиновны мы знаем, с какой серьезностью В. И. Ленин готовился к выступлению на съезде:

«Эту речь говорил Ильич молодежи, на которую возлагал он такие надежды, в которой видел он смену. Он особенно тщательно продумал ее. Он говорил о том, «чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали».

Ленин говорил, что молодежи необходимо учиться коммунизму. Но это учение не должно стать простым усвоением того, что написано о коммунизме. Формулы, зазубренные из книжки, не помогут жить и бороться. Надо взять себе всю сумму человеческих знаний. Коммунизм должен быть понят, а не заучен.

«Быть членами Союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание... Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

Шли годы. Каждое поколение молодых ленинцев вчитывалось в ленинские мысли, проходило эту великую школу, отдавая свои силы на общее дело.

В едином строю с коммунистами комсомольцы строили первое государство счастливых людей. В суровых и трудных сражениях отстаивали они его свободу. Сегодня, осуществляя исторические решения XXIV съезда КПСС, во всяком деле проявляет комсомол свою творческую инициативу, свой почин.

Смысл ленинского завета «учиться коммунизму» для нынешнего юного поколения, для тебя и твоих товарищей с предельной ясностью и глубиной раскрыт Генеральным

2. «Пионер» № 10.

секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым: **Осуществление планов коммунистического строительства,** — подчеркивает ЦК КПСС,— **будет тем успешнее, чем выше сознательность подрастающей смены. Только люди высокой идейной убежденности, политической зрелости, образованности, крепкой дисциплины и организованности, не боящиеся никаких трудностей и испытаний, могут с честью решить задачи, выдвинутые историей перед социалистическим строем».**

Вот и посмотри теперь на себя, на свою жизнь, на учение и работу с высоты этих требований к членам Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Если ты вступаешь в комсомол в этом году, ты отметишь вместе со всеми 32 миллионами твоих единомышленников пятьдесят пятый год рождения твоего Союза.

А 12 июля 1974 года исполняется пятьдесят лет с того исторического дня, когда на своем VI съезде комсомол принял имя великого Ленина.

12 июля этого года принято постановление бюро ЦК ВЛКСМ о подготовке к 50-летию со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

ЦК ВЛКСМ обратился к членам Коммунистического Союза Молодежи, к юным пионерам, ко всем юношам и девушкам страны с призывом достойно встретить эту замечательную дату.

Идет у комсомольцев страны Ленинский зачет. Это экзамен, который держит комсомолец перед своим коллективом, где он трудится, учится, перед своей совестью для того, чтобы в конце этого года — года ударного труда и отличной учебы—и в канун юбилея каждый мог, отчитываясь перед Родиной, перед партией, сказать: «Я верен долгу, верен комсомольскому званию, вот дела мои во имя Родины».

Комсомольцы с полей и заводов, с ферм и строек расскажут о делах по выполнению ответственных задач девятой пятилетки.

А что скажут комсомольцы-школьники? Они поведают о том, как воспитывают в себе неустанное стремление к знанию, высокое чувство ответственности за учебу. О том, как изучают произведения В. И. Ленина, речь Владимира Ильича на III съезде РКСМ, важнейшие документы Коммунистической партии и Советского правительства; как участвуют в украшении своих городов и сел, работают во время «летней четверти», выступают в составе агиткультбригад, действуют в школьных музеях и клубах интернациональной дружбы, шефствуют над ветеранами войны и труда, помогают пионерам, как сдают нормы ГТО и о том, как идет у них игра «Орленок». Словом, подготовка к знаменательной дате будет смотром того, как и комсомольцы школ выполняют Ленинские заветы, как участвуют в борьбе за коммунизм.

РАССКАЗЫ О ГОРЕ МАГНИТНОЙ

А. СЕМИНОГ
Рисунки В. ДУДКИНА, Ю. ФОМЕНКО

«Мама, не скучай, слез не проливай,
Встретить новоселье поскорее приезжай...»

Едут в Сибирь, на Каму, в Каракумы, на Дальний Восток молодые строители. Не по дням, а по часам растут гиганты девятой пятилетки.

«Третьему, решающему — ударный труд!... Пятилетку в четыре года! Пятилетку в три года!» — далеким, но верным эхом этих боевых призывов отзываются лозунги тридцатых годов.

Магнитострой, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре... Именно здесь воплощались в жизнь планы партии по индустриализации страны.

Штурмовые ночи, небывалые рекорды рабочей выдержки, железные прорабы, батальоны энтузиастов — биография сурового и... веселого поколения. Ведь строители тех городов и заводов были молоды.

Замечал ли ты когда-нибудь, как те, чья юность прошла на лесах первых пятилеток, собравшись вместе, от души хохочут, вспоминая только им ведомые истории. Светятся их лица, расправляются морщинки. В этих былях их молодость.

Строитель Магнитки обязательно расскажет о неожиданно появившейся на стройке шикарной легковой машине. Она была прислана из Иркутска. Раньше принадлежала Колчаку, да-да, тому самому — непрочному «хозяину» Сибири. «Ну вот, — шутили строители, — и от Колчака может быть какая-то польза!»

Первые вожаки комсомолии Магнитостроя вспомнят о самолете, который был прислан в адрес их райкома. Это творил чудеса лозунг: «Все для Магнитостроя!» То был, пожалуй, единственный самолет в истории, закрепленный за комсомольцами.

Да мало ли удивительных былей хранит память наших дедов, отцов, матерей!

Вот некоторые из этих историй.

Переводчик

Много приезжало в те времена на Магнитострой гостей из-за рубежа. Вроде экзамен устраивали. Немало тогда о Магнитке небылиц ходило. Мол, здесь и руды-то нет и стройка-то липовая. Много зарубежного вранья было. Враги радовались. Друзья беспокоились — делегации присылали, помощь предлагали.

К делегациям магнитогорцы привыкли. За работой иной раз и внимания не обратят.

Приехал раз на Магнитострой представитель Центрального Комитета комсомола Франции, а переводчик, что с ним ездил, в Челябинске остался — заболел. Гость по-русски только три слова знает: «Ленин, Советы, комсомол».

Задумались райкомовцы: «Что делать?» Кто-то вспомнил: есть на стройке парень, который вместо «здравствуйте» говорит «бонжур». Срочно послали за ним. Привели.

— Что вы, братцы! — взмолился парень. — Я только «бонжур» и знаю.

Но ему строго сказали:

— Тебе поручаем, и точка. Действуй!

Делать нечего. Парень и говорит французу:

— Бонжур!

Гость заулыбался. Ребята посмотрели: все в порядке, и тихонько удалились. Остались они вдвоем. Уяснив, что к чему, гость долго смеялся, потом похлопал «переводчика» по плечу и на дверь показал: начнем, мол, экскурсию.

К вечеру, когда они прощались, парень знал еще одно слово «оревуар». Прибежал к себе в барак, а его там уже из комитета комсомола ждут.

— Значит, так. Через три часа комсомольское собрание. Француз будет выступать, а ты его речь переведешь.

Тут «переводчик» окончательно взбунтовался. «Да вы что?! — говорит. — Как же я буду?!»

— Передаст он привет от французского комсомола? Передаст. Он с ним и приехал. Скажет доброе слово о Магнитострое? Конечно! За границей магнитостроев нету. Так что жми на всю железку!

Убедили парня. Пошел он к французскому товарищу. Долго объяснял, что им предстоит. Оба аж взмокли. Потом француз обнял парня и дружески сказал: «Рот фронт!»

Пришли они на торжественное собрание.

Дали слово гостю. Горячо, быстро он говорил. Даже стихи вроде читал. Настала пора переводить.

— Вышел я на трибуну, зачем-то словарь перед собой положил, — вспоминает герой этой истории, ныне доцент Челябинского государственного педагогического института, кандидат исторических наук Валентин Георгиевич Сержантов, — и в зал испуганно посмотрел. А там друзья, товарищи магнитостроевцы. И тепло мне от их глаз стало. Никогда так я не говорил горячо и взволнованно. Говорил о нашей стройке, французском комсомоле, социализме, героях Магнитостроя. Всю свою любовь, все восхищение Магниткой вылил в этом выступлении. И закончил словами: «Рот фронт!»

Хлопали мне не меньше, чем гостю, а может, больше. Качать меня стали, будто это я из Франции приехал. Гость протиснулся ко мне, обнял и неожиданно троекратно, по-русски поцеловал. Что тут в зале поднялось! Качали нас с ним уже вместе.

Тогда-то я и решил выучить французский. И выучил. Переписывался потом с моим другом на его родном языке.

Они жили в палатках, грелись у костров, которые раздувал снежный ветер. Они простыми лопатами рыли котлованы для гигантских зданий. И вот встал город, чудо-красавец город. По всей стране звонко поет магнитогорский металл.

Как обстановка подсказывает...

На Магнитострое одним из первых капитальных зданий был... цирк. Здесь проходили все комсомольские собрания строителей, потом заводчан. Здесь выступал Серго Орджоникидзе. В этом здании магнитогорскому комсомолу было вручено Красное знамя Всесоюзного общества старых большевиков. Здесь читал свои стихи Демьян Бедный...

Историю появления цирка рассказал мне первостроитель Степан Васильевич Зникин.

Приехал на Магнитострой некто Червоткин. С самого начала стройки он мечтал о цирке. Достал где-то проект, нашел место для строительства. Не было только стройматериалов. Все шло на домны, мартены, плотину. Но Червоткин свою идею не бросал.

Однажды прибежали к нему друзья-единомышленники: стоят, мол, на станции вагоны со строительным материалом. Чьи? Никто не знает. Вроде как бесхозные. Четыре дня прошло — хозяин не объявился! Вагоны эти мешают стройке. Начальство, говорят, уже в Москву звонило. Там сказали: действуйте, как обстановка подсказывает.

И Червоткин решил: сейчас или никогда. Организовал рабочих, нашел транспорт. Со станции материалы перекочевали на стройку. Работа кипела днем и ночью.

Уж чего-чего, а работать магнитостроевцы умели! Иностранные специалисты только руками разводили, как наши комсомольцы сокращали все мыслимые сроки строительства металлургического комбината. Например, самая длинная тогда в мире железобетонная многоарочная плотина была построена не за сто двадцать дней, как рассчитали иностранные проектировщики, а за семьдесят четыре дня!

Досрочно входили в строй все объекты. Американский инженер Робинс сказал тогда: «Я преклоняюсь перед большевистским упорством русских людей».

И цирк тоже рос не по дням, а по часам. «Бесхозные» стройматериалы превращались в здание... Тут-то хозяева и объявились. Что делать? Повезли их на строительную площадку. Вот они, ваши материалы...

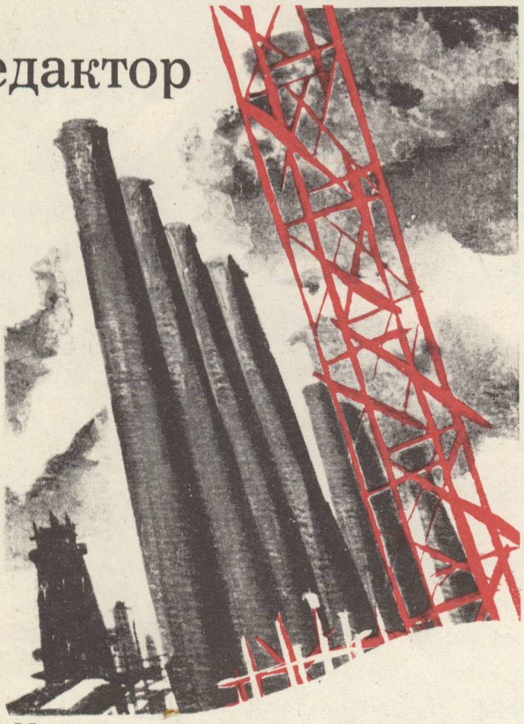
Посмотрели гости стройку, подивились тому, как быстро вырос цирк, и сказали:

— Чего уж теперь, стройте ваш цирк.

Через три месяца цирк зажег огни. У входа стоял улыбающийся, гордый Червоткин, и зрители благодарно пожимали ему руку.

В первом ряду на самых почетных местах сидели хозяева строительных материалов. Они тоже были довольны.

Редактор

На Магнитострой съезжались люди отовсюду. Желание строить Магнитку огромное, а вот работать поначалу умели не очень.

Магнит-гора. В то время именно здесь проходила главная линия трудового фронта. В музеях, архивах хранится много писем, телеграмм, вслед за которыми на Магнитку ехали добровольцы с комсомольскими путевками. Вот, например, одна из телеграмм: «Магнитогорск. Директору мирового гиганта. Я ударник. Имею даже премии за хорошую работу, желаю буксировать Магнитострой. Прошу Вашего распоряжения прибыть на мировой гигант. Ответа не пишите, потому что наша бригада уже снялась из Москвы и едет до вас. Комсомолец Ляшенко».

В числе тысяч добровольцев был и Петро Варфоломеев. Был прежде сельским жителем. Но Магнит-гора притянула. Начал он грузчиком. В ритм стройки вошел сразу — трудиться умел. Вскоре стал активным рабкором газеты «Магнитогорский рабочий».

Однажды парторг стройки Александр Тихонович Колбин собрал коммунистов и говорит:

— Есть возможность выпускать на строительстве доменного цеха многотиражную газету. Надо выбрать ответственного за это дело — редактора.

Все разом зашумели:

— Петро, чего там! Он даже в городской газете печатается!

На том и порешили. Петро, правда, начал... Да времени на уговоры тогда не тратили. Раз собрание решило — точка!

Первый номер готовили сообща. Собрали заметки. Придумали название газеты — «За металл».

Фотографию на первую страницу подыскали — все как полагается. Отнес Петро материал в типографию. А ночью пошел подписывать в свет первый номер газеты.

Пришел гордый такой, а наборщики чуть не с кулаками на него: заметки-то все не умещаются! Кое-как объяснил им Петро, что это его первая газета в жизни. Говорит: «Помогите по-товарищески, ребята!» Взялись сообща за дело. Заметки подсократили. Вскоре был готов сигнальный оттиск газеты. Наборщики говорят: «Ну, читай, редактор, и если все в порядке, подписывай и в печать отправляй».

Внимательно прочитал Петро каждую газетную строчку. Долго сидел над фотографией. Сомнение появилось: почему у домны колошник внизу оказался? Помнится, инженер один ему рассказывал, колошник нужен для загрузки домны рудой и топливом. Почему же он внизу? Посомневался-посомневался, но делать нечего — домен Петро никогда не видел... Вздохнул и газету подписал.

Утром первый номер многотиражки разошелся по стройке. И посыпался на голову редактора всеобщий хохот. Фотографию-то поместили вверх ногами! Расстроился Петро до слез. Но тут подходит к нему парторг Колбин.

— Первый блин комом. Не теряйся, парень. Народ поймет, что к чему.

Второй номер вышел уже без изъяна. Всего газета «За металл» вышла семь раз. И редактором ее был коммунист Петро Варфоломеев.

С восьмого номера газета стала называться «Магнитогорский металл». Она выходит и по сей день.

*

Были горы Магнитной. Дорогие моему сердцу истории.

Магнитка 30-х годов — это степь да строительные леса. Кто-то сердито сказал однажды: «Свидания и то негде назначить!» И решили — будет парк! Издалека привозили саженцы. Тысячи влюбленных вышли на субботник — вырос парк. Назвали «Парком свиданий».

30-е годы... Юность наших отцов и матерей. Людей с горячими сердцами. Наша сила — от них. ★

ДУША ЛЕВКА́ САВЧИНА

Нина БИЧУЯ

РАССКАЗ

Раньше они всегда были втроем. Юрко́ — раз, Витя — два, Левкò — три. Или, если хотите, наоборот: Левкò — раз, Юрко́ — два, Витя — три... Все было просто и понятно: са-

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

мая лучшая команда — «Карпаты», хотя ей и не всегда везет; самая интересная книга — о Руале Амундсене, самый веселый фильм — «Веселые ребята», самая нужная наука — астрономия, самый любимый учитель — Антон Дмитриевич...

А потом все запуталось, перемешалось.

— «Карпаты» — никудышная команда,— уверенно говорит Юрко.— Хорошо бы им не позволили играть в классе «А». Правда, Левко?

— Не говори глупостей! — кричит Витя.— «Карпаты» в тысячу раз лучше твоего СКА! Правда, Левко?

— Так ведь, ребята... Вообще-то, понимаете...— Мысли Левка мечутся туда и сюда, как мяч на футбольном поле, и кто знает, в чьи ворота он попадет.

— Я записываюсь в фотокружок. Мне купили аппарат, классный аппаратик. Знаете, какие снимки делает? Левко, ты тоже записывайся, ладно?

— Какие могут быть фотокружки, когда Антон Дмитриевич собирает всех, кто хочет играть в шахматы! Антон Дмитриевич!.. Понятно?! Я уже тебя записал, Левко.

Левко кивает и Вите, который решил заняться фотографией, и Юрку, который по собственному почину записал его, Левка, в кружок шахматистов. Ну, а правда: разве фотография — это неинтересно? Или чем плохо научиться играть в шахматы, как Антон Дмитриевич? Не так легко выбрать между тем и другим, особенно когда твои друзья наперебой уговаривают: шахматы, фото, шахматы, фото...

Голова у Левка пошла кругом. Возвращается домой с Витей — тот увлеченно рассказывает, как он вчера был на мотогонках и поймал в кадр гонщика на вираже, и какие у него есть фотожурналы, и что он скоро пошлет на конкурс один свой снимок, самый лучший. А ты, Левко, разве не хочешь послать свою лучшую работу на конкурс?

И Левко в эту минуту искренне уверен, что фотоаппарат — самая необходимейшая вещь на свете и что он всю жизнь только и мечтал стать фотокором какого-нибудь журнала и ездить с аппаратом в разные экспедиции. Или... или... ведь от фотоаппарата недалеко и до кино!

Вечером приходит Юрко, они садятся решать шахматную задачу, и Левко уже мечтает самое меньшее стать чемпионом школы. А что, разве это невозможно? И тогда его пошлют на областную олимпиаду, а там, глядишь...

Дело с фотоаппаратом и шахматами Левко в конце концов уладил: записался в оба кружка. Он едва поспевал с одного занятия на другое и, хотя ни там, ни там его не хвалили, особенно не мучился. Но было кое-что другое, чего он так и не мог понять. И это «кое-что» все запутывалось, запутывалось... Просто ужас!

*

Шла большая перемена. Староста вскочил на стул и, стараясь всех перекричать, прогремел:

— Тихо, вы, тихо! Есть объявление! Идем собирать металлолом! Сбор в три ноль-ноль возле школы! Все слышали?

— Никаких металлоломов! — раздался в ответ возмущенный голос.— Мы же давно решили идти в университетскую обсерваторию!

— Экскурсию придется отложить, потому что...

— Потому что ты хочешь собрать больше всех, да? Еще никто в школе и не думал, а ты первый! — крикнул кто-то.

— Откладывай сам,— послышался другой голос,— а мой брат уже знает, я ему говорил, что мы придем. Он будет встречать нас в обсерватории. А ты собирай себе металлолом!.. Ур-ра, в обсерваторию, ребята!

— Правильно!

— Даешь обсерваторию!

— Тихо! Да можете вы помолчать?! Давайте проголосуем! Вообще это неправильно, но все равно, кто за обсерваторию?

Староста, прикусив губу, смотрел на класс. Класс смотрел на старосту. Руки поднимались одна за другой. Чем дальше, тем смелее.

— Все, значит,— тихо сказал староста.— За металлолом, значит, только я... Может, еще кто-нибудь за металлолом? — Но это староста сказал уже так, для порядка, потому что кто же мог быть за металлолом, если все за обсерваторию?

И вдруг класс разразился хохотом:

— Смотрите, он хочет и туда и сюда!

— Ну и Левко, вот хитрец!

— Так ты за что, мы не поняли!

— А я... что... я ничего... я только... можно ведь сперва металлолом собрать, а потом — в обсерваторию...

Новый взрыв смеха заставил Левка замолчать. А как он мог иначе, если староста — Витя, а за обсерваторию — Юрко? Хорошо им смеяться, а тут попробуй разберись! И металлолом надо, и в обсерваторию хочется, и Витя — друг, и Юрко — друг.

А тут еще Юрко бросил презрительно:

— Вот ты какой, брат! Хочешь к старосте подлизаться? Чтоб не сказали: Левко Савчин сорвал сбор металлолома? Ладно! Будем знать.

Душа Левка разрывалась на мелкие части. Будто это не душа, а листок бумаги. Взял

друг Юрко и разорвал душу Левка. Ничего не понял друг Юрко, а объяснить ему Левко не сумел. Он и самому себе ничего не мог объяснить. Левко сам не знал, почему в три часа он очутился у школы, а не у памятника Франко, откуда ребята собирались идти в обсерваторию. Он знал только одно: ни к кому он не собирался подлизываться. Просто не мог себе представить, как Витя в одиночестве пойдет собирать металлолом.

Но одинокий Витя не появлялся. Левко прождал полчаса. Во дворе школы восьмиклассники играли в баскетбол — у них был урок физкультуры, да юннаты из пятого «А» возились на грядках. Левко еще постоял немного, посмотрел на восьмиклассников, на грядки и пошел к Вите домой. Там он узнал, что его друг тоже ушел в обсерваторию. А почему он, Левко, не пошел туда?

Левко молчал. Теперь уже все так запуталось, что никто на свете не мог бы распутать.

— Почему ты...— сказал Левко.

— Почему ты...— сказал Витя.

— Почему ты не пришел собирать металлолом?

— Металлолом? — удивился Витя — Но все же проголосовали за обсерваторию!

— Все? Но ты-то за металлолом? И я ждал тебя, а ты в обсерваторию, да?

— Ждал? — спросил Витя и посмотрел куда-то в сторону.— Я ведь не знал. Если бы я знал...

Ага, Витя не знал, что Левко — ему друг и не оставит его одного. Поэтому Витя пошел в обсерваторию, хотя он и голосовал за металлолом.

Голова кругом! Шахматы — фотоаппарат... Металлолом — обсерватория... Витя — Юрко...

Юрко:

— Ну, теперь ты сам видишь, какой он! Голосует за одно, а делает другое. Разве человек может так делать? Надо уж до конца — так или так! Со мною бы этого никогда не случилось! И знаешь, что̀ я тебе скажу? Плюнь ты на него, чего ты с ним водишься? Я его раскусил. Я его теперь, знаешь, как раскусил! Выскочка несчастный, в старосты захотелось! Разве такой годится в старосты? Тут одних пятерок мало, надо, чтоб характер был, чтобы ребята за тобой шли, правда, Левко?

«Правда», — подумал Левко.

Витя:

— Ну скажи, зачем он опять всех против меня настраивает? Ну, пускай с металлоломом сошло, пускай ничего ему не было, я тогда никому ничего не сказал. Но ведь он же опять: я говорю, пошли в подшефный детсад, а он даже девчонок подговорил смотреть бокс! Зачем он всех настраивает против меня? Ну скажи, Левко, разве так можно поступать?

«Конечно, нельзя»,— говорит про себя Левко.

*

А как здорово было раньше!.. Самая лучшая команда — «Карпаты», самая интересная книжка — о Руале Амундсене... Все было легко и просто, а теперь не знаешь, куда повернуться, как поступить. Ну их всех — и шахматы, и фото, и Витька, и Юрка!

Левко день, другой, третий ходил в одиночестве — сам по себе. А потом снова появлялась какая-нибудь закавыка, и Левко начинал мучиться: кто же из них прав, на чью сторону стать? Как здорово было раньше!..

Юрко:

— Хочешь сигарету? У чудак, никто ж не видит! Ну, не хочешь, как хочешь, я б на твоем месте не отказывался. Противно только сначала, а потом ничего, можно терпеть. Не будешь же ты всю жизнь, как девчонка, конфетки сосать. Не хочешь? Ну, как хочешь. По правде сказать, мне и самому не очень хочется, но человек с характером может себя перебороть и делать даже то, что неприятно. Правда, Левко?

— Н-не знаю,— искренне отвечает Левко.— Я не знаю...

— А, никогда ты ничего не знаешь!,— смеется Юрко.— Подстароста несчастный! А он про тебя знаешь, что сказал?

— Что?!

— Э, ты!.. Поди у Димки Загороднего да спроси. А я сплетнями не занимаюсь. Я не девчонка!

Витя:

— Погоди! Да ты знаешь, что он курит, или не знаешь?! Честное слово, я сигареты у него видел. А в классе про это никто даже не пикнет. Он всех ребят подговорил, они у него, как цуцики... И ты тоже... Делаешь все, что он хочет... Давай скажем Антону Дмитриевичу! Он же меня не послушает, если я скажу, перестань курить, а Антона Дмитриевича послушает. Левко, мы же не для себя, мы для него, правда? Если я один скажу, мне не поверят, ребята все за него, а если и ты... Пойдем, посмотришь, как он курит!

— Н-нет,— сказал вдруг Левко.— Не хочу!

— Не хочешь? — удивился Витя.— Но ты же подтвердишь, что он курит? Ты же знаешь, что он курит!

— Знаю,— хмуро признался Левко.

*

Душа Левка для него самого — тайна.

Но в ней что-то живет, что-то такое, от чего Левку вдруг хочется лезть вон из кожи.

Хорошо питону, он каждый год кожу меняет. А ты живи и живи всю жизнь в одной коже. «Человек меняет кожу». Есть такой роман. Мама читала. Левко не читал. Наверно, фантастика. Человек должен всегда жить в

— Умойся, Левко.
Ты размазал чернила на щеках.

своей собственной коже. И все рубцы остаются на ней.

Витя (торжественный и важный) и Левко (хмурый и насупленный) стоят перед Антоном Дмитриевичем.

Витя:

— И дело тут совсем не в том, что он против меня всех настраивает... Пускай настраивает, мне все равно... Но он еще и курит, Антон Дмитриевич, я сам видел, могу вам показать, где он курит на большой перемене!

— Можешь показать? — спрашивает Антон Дмитриевич и не смотрит на Витю. Он смотрит на хмурого, насупившегося Левка. И Левку кажется, что вопрос задан и ему. Но Левко молчит. Язык во рту у него такой, каким был во время малярии. Огромный, тяжелый.

— Могу,— с готовностью подтверждает Витя.— Все знают, что курить нельзя...

— Ну да, все знают,— повторяет Антон Дмитриевич, но таким тоном, что Левко удивленно взглядывает на него исподлобья: учитель как будто не очень доволен разговором.

— Левко Савчин тоже знает, что он курит. Левко может засвидетельствовать.

— Ты можешь засвидетельствовать? — спрашивает Антон Дмитриевич.

Левко облизывает тяжелым языком пересохшие губы и вдруг говорит:

— Нет! Ничего я не могу засвидетельствовать! И ни за что не буду!

Откуда-то, словно издалека, доносится насмешливый голос Вити:

— Так я и знал. Он его боится... Его все боятся.

— Никого я не боюсь! Совсем я не потому! — кричит Левко Савчин.

И снова душа его разлетелась на мелкие кусочки. Словно это не душа, а листок бумаги. Взял и разорвал его душу друг Витя, ничего не понял друг.

А потом Антон Дмитриевич велел другу Вите выйти. И они остались вдвоем — Антон Дмитриевич и Левко.

Антон Дмитриевич ходил по учительской, а Левко сидел за большим столом, покрытым синей бумагой. А поверх синей бумаги плавали большие и маленькие чернильные пятна.

Антон Дмитриевич положил руку на плечо Левку:

— Знаешь, это только у пчелы глаза так устроены, что она видит одни свежие цветы и не видит увядших и сухих, а у человека не так, у человека должно быть сложнее...

— Мы... мы же дружили, Антон Дмитриевич! Дружили! А они...

— Иди на урок, а потом мы еще поговорим, хорошо? Ты все мне расскажешь. Попробуем с тобой во всем разобраться...

И Левко впервые за долгое время с легкостью и без всяких сомнений соглашается:

— Хорошо... Ладно!

— Умойся, Левко. У тебя щеки в чернилах.

Левко Савчин облегченно улыбается, хотя ему и надо возвращаться в класс, где сидят Витя и Юрко. Левко Савчин улыбается, хотя, по правде сказать, ничего еще не распуталось и далеко не все понятно.

Перевел с украинского В. РОССЕЛЬС. ★

КОТЕЛОК

Борис ГАГИЕВ

Деда в юности
Взяли в солдаты.
И служивший ему вдалеке
Котелок,
Закопченный, помятый,
Сохранился у нас в сундуке.

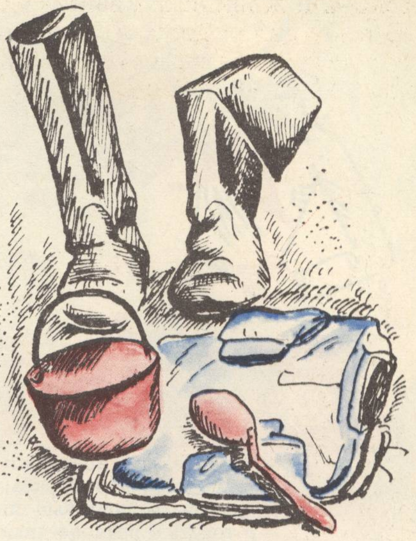
На латуни сомкнулась по кругу
Надпись по-осетински:
«Нигде
Не бросай занемогшего друга,
И тебя не оставят в беде!»

Дед по пятницам,
Хмыкая веско,
В каждом жесте тая торжество,
Чистит свой котелок...
Не до блеска,
Но, однако же, чистит его...

Чистит,
Словно старшинской придирки
Опасается ветхий старик.
Внуки ждут,
Что появятся дырки
На латуни от чисток таких!

Много лет проползло понемножку.
Дед хранит
И по нынешний день
Котелок, гимнастерку и ложку,
Сапоги, галифе и ремень.

Дескать, все пригодится солдату,
Если вдруг разразится война.

И пилотка,
Хоть великовата
Стала нашему деду она.

...Я служить уходил,
И тогда-то,
Потихоньку достав котелок,
Старый дед наш
По праву солдата
Положил его в мой вещмешок!

Перевел с осетинского
Вл. САВЕЛЬЕВ.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Ты, я, наш отряд

Из нашего почтового ящика доносились голоса. Кто-то задавал вопросы, кто-то жаловался, кто-то смеялся. Мы осторожно приоткрыли почтовый ящик... но увидели только письма. Только толстые разноцветные конверты, и больше ничего. Неужели это разговаривали письма? И мы сразу принялись их читать.

Когда мы учились в пятом классе, у нас была строгая учительница. И наш класс был лучшим из всех пятых классов. У нас была дружба, мы участвовали в концертах и «огоньках». Но как перешли в шестой, учительница ушла от нас, и мы стали самыми отстающими. Появились двойки, дисциплины никакой...

Таня Кострубова, г. Баку

Если шестиклассники привыкли к тому, что за них все делает учительница, и настолько несамостоятельны, что не могут ничего поделать с двойками... то остается сидеть и ждать, когда вернется строгая учительница. А если не вернется?

Я председатель совета отряда, и если нужно оставить ребят на сбор, то приходится сразу после уроков бежать к двери и держать ее. Иначе все разбегутся. Что же мне делать?

Галя Новостроева, г. Шахтерск, Сахалинская обл.

Мы думаем: не держать дверь. Пусть ребята уходят. Останься одна в пустом классе и подумай: может, сбор, который ты приготовила, действительно скучный. И готовить его нужно было не одной, а всем вместе.

ДЕЛО СЕКРЕТНОЕ

Я считал Колю своим лучшим другом. Мы сидим на одной парте, ходим вместе в кино, а летом — на рыбалку. Однажды он играл в шахматы с другим мальчиком из нашего класса. Сделал неправильный ход и стал шуметь, что имеет право переходить, раз он сам это заметил. А тот, с кем он играл, не соглашался. Чем дальше, тем хуже. Коля весь покраснел и стал говорить разные обидные слова. А потом как закричит: «А ты, а ты, а ты...— он, видно, искал слово пообиднее,— безотцовщина». Обиднее, наверное, и не придумаешь. Главное, тот мальчик не виноват же, что отец ушел от них. У отца с матерью свои отношения...

Тогда я не нашел, что сказать Коле, не сумел остановить его, а история эта все не забывается. И мне так нехорошо, как будто я потерял друга.

С пионерским приветом
Алеша.

(Раз на конверте написано «Дело секретное», мы, как и договорились, ни фамилии Алеши, ни города, в котором он живет, не называем.)

Прочитали мы это грустное письмо, и настроение у нас испортилось. Всегда на душе скверно, когда сталкиваешься с жестокостью, грубостью и несправедливостью. Что тут скажешь в ответ...

Вдруг мы почувствовали: бумага дрожит, ручка подпрыгивает... и появился (вернее, проявился) прямо перед нами ТУТ-КАК-ТУТ.

Глаза-тарелочки быстро-быстро вращаются, просто сверкают. И голос не похож на перезвон колокольчиков, а глухой и хриплый, словно пилой по консервной банке водят.

— Напишите,— говорит,— Алеше вот что. Есть люди, которым ничего не стоит другому сказать обидное слово. Наверное, они думают, что слова улетают и растворяются в воздухе. Это же абсолютная чепуха! Обидные слова не исчезают. Они висят в воздухе до поры до времени, а потом возвращаются к обидчику. И больно жалят его совесть. И обидчик места не может себе найти, чтобы спрятаться от этих слов... Бойтесь обижать!

И ТУТ-КАК-ТУТ исчез, как и в прошлый раз, совершенно неожиданно. А на том месте страницы, где только что стоял наш друг ТУТ-КАК-ТУТ, появились совершенно незнакомые ребята.

Ты помнишь, эти страницы в журнале особенные, и каждый мальчик или девочка, и целый пионерский отряд, и даже несколько пионерских дружин могут прийти на эти страницы, если они хотят рассказать о хорошем деле, посоветоваться, поспорить, задать вопрос.

— Мы из Армении, из 6-го класса «В» 147-й ереванской школы,— представился мальчик, которого звали Карен. Он сказал, что ТУТ-КАК-ТУТ советовал им: «Если хочешь помочь, нет ничего невозможного, и ничто не может остановить тебя».

ТУТ-КАК-ТУТ пригласил ереванцев помочь всем, кто хочет, чтобы их отряд стал правофланговым, и сказал, что они угадали важные секреты.

АЛЕНА БОРИСОГЛЕБСКАЯ помогает ребятам из Еревана рассказать о том,

БЕЗ ЧЕГО НЕЛЬЗЯ СТАТЬ ОТРЯДОМ ПРАВОФЛАНГОВЫМ

КАРЕН, ЛЯЛЯ, АРТО И... ЕЩЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ВОПРОСОВ

Первый раз я увидела ребят из 147-й школы на пионерском параде. По самой большой площади Еревана шли лучшие отряды республики. Отряды правофланговых.

На следующий день мы познакомились. Отряд правофланговых 6-го «В» 147-й школы Еревана известен в Армении как отряд «смекалистых». Имя это они получили, победив в «Турнире смекалистых «Пионерской правды».

Вопросы сыпались на меня градом.

— На что похожа гора Арарат под снежной шапкой?

— А почему когда вы в тире стреляете, то один глаз зажмуриваете?

— Бывает маленькое предательство? Или предательство всегда большое?

Я задумалась. Это очень серьезный вопрос.

Иметь дело с людьми смышлеными интересно, но все время чувствуешь себя, как на маленьком вулкане, который может устроить извержение в любую минуту. Учителя говорили мне, что, входя в 6-й «В», испытывают то же чувство беспокойства и интереса. Потому что знают: сейчас будут вопросы.

Ребята задают вопросы не для того, чтобы подковырнуть или поставить в неловкое положение. Они просто хотят знать, что ты за человек. Это их «Сим-Сим, открой дверь!». А **главное, ребята умеют задавать вопросы не только учителям, но и самим себе. И не просто вопросики, а очень важные в жизни вопросы.**

КТО ПОСТРОИЛ ЕРЕВАН?

Мы с ребятами бродим по Еревану. Они показывают мне свой розовый город, наполненный мягким, теплым светом. По розовому камню, которым облицованы стены домов, узором вьется резьба. И вот тут Асмик Вартанян говорит:

— Я знаю одного человека, который уверен, что, даже всю жизнь учась на двойки, можно стать хорошим каменотесом.

— Странно,— отвечает Карен Гарубян,— десять лет учиться в школе, чтобы специально ничему не научиться. Представляете, сколько он тонн книг и тетрадей зря перетаскает...

— Да разве в этом дело? — перебивает Ляля.— За десять лет можно многое успеть. А можно ничего не успеть. Где потом столько времени взять, чтобы наверстать?

— Не получится из него мастер хороший.— Саша Асрян надавил рукой на орнамент, и на ладони его отпечатался узор.— Разве Ереван двоечники строили? Может, камень он кое-как и отполирует, а вот рисунок ему не сделать. Тут фантазировать надо.

Как помешать двоечнику стать неинтересным человеком? Вызвать его на совет отряда и долго говорить о том, что он позорит честь класса? Или подарить ему погремушку с лаконичной надписью: «Надеемся, она будет последней»?

«Внимание, внимание! Наш микрофон установлен на втором этаже школы. Только что окончили свой неудачный заплыв по Северному Ледовитому океану в поисках реки Волги двое наших лидеров. Сейчас они стоят у парты как

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

в воду опущенные» — так начинался репортаж, который провели комментаторы из 6-го «В».

Обычная информация об успеваемости забывается быстро. Слишком много в ней имен, фамилий, цифр. Прямо как в телефонной книге. А вот такой репортаж запоминается надолго.

А если двойка появляется не от лени, а от того, что по-настоящему трудно?

Есть в классе девочка Оля. Фамилии не называю, сами понимаете, почему. Слушать ее на уроках было для всех мучением, потому что говорила она так, словно на коньках кататься училась. Через слово — тырк, и остановка.

Стали девочки с ней оставаться после уроков. Она что-нибудь рассказывает, а они просто слушают и следят, чтобы она фразы до конца доводила. Не помогло. Тогда Ляля принесла свои любимые книги. Они вместе их читали, а потом Оля их пересказывала. Постепенно Оля набрала необходимый запас слов и мысли свои стала высказывать легко и свободно.

Двоечников в 6-м «В» давно нет. Разве можно отправиться в «Страну знаний», когда в

дневнике у кого-то двойки? А бросать товарища... Такого в этом отряде еще никогда не было. Если путешествовать, так всем вместе.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ДРУЖБА?

Маро. С вежливости.

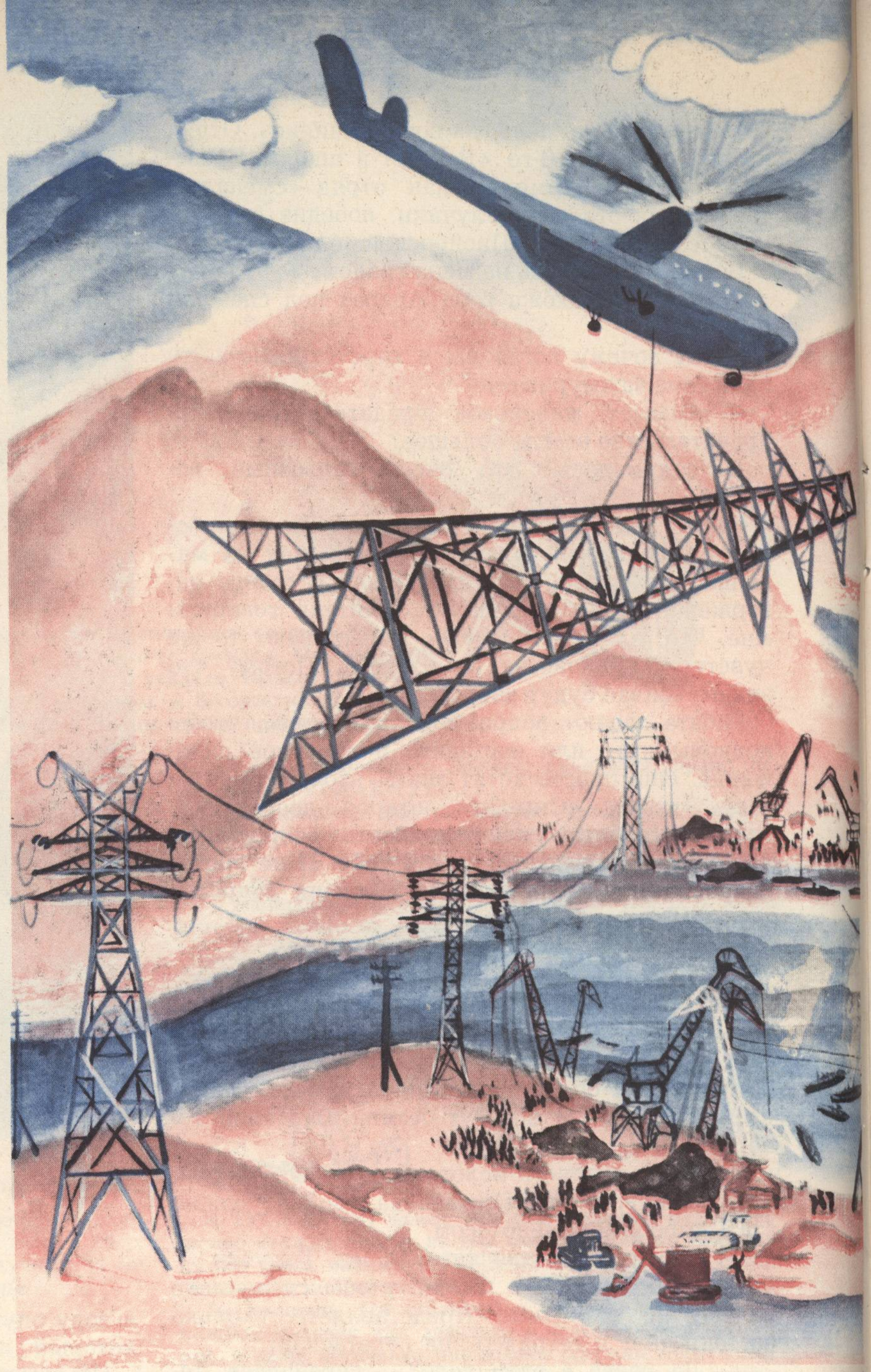
Асмик. Когда не жалко отдать то, что самому надо.

Арто. Когда не чувствуешь себя лишним.

Способность к дружбе — это талант. Его надо развивать каждому. Не только потому, что друзья не оставят в беде, а потому, что обществу просто необходим человек, способный к дружбе. С ним легче работать. Он тактичнее и терпимее, не обидит того, кто находится рядом. Он щедрее и счастливее.

Надо же было такому случиться. Вся их поездка в лагерь, которую они заработали, победив в «Турнире смекалистых», проходила отлично. Загорели. Научились горнить и барабанить. А песен выучили столько — на всю обратную дорогу хватит. И вот в последний день у Любы заболел зуб. Лежит красная, несчастная и боится, что ребята домой без нее уедут. Это купание сказывается, когда они всем отрядом потихоньку от вожатой дышали на уличный термометр, чтобы добыть необходимые для купания градусы. Впрочем, чего голову ломать, теперь надо Любу на ноги ставить. Мальчишки ей весь компот от обеда сохранили, а она пить не хочет.

— Ну-ка, давай! — Соня заставляет Любу запить компотом аспирин. — Сейчас мы тебя по-другому лечить будем.

Сначала все кровати сдвинули в один угол. Только Любину оставили на середине. И начался большой концерт. Из ложек и стаканов устроили импровизированный оркестр. 6-й «В» пел, танцевал и показывал фокусы. И утром, словно заряженная этой общей энергией, Люба проснулась здоровой!

Артошка Азизян ухитряется падать на самом ровном месте. Ребята даже дали ему прозвище «Анкаш» — человек без веса. Пока мы гуляли по городу, Арто успел несколько раз шлепнуться и один раз даже попасть в яму, к счастью, не очень глубокую. Авик, зная склонность Артошки к падениям, старается идти рядом с ним, чтобы вовремя успеть подхватить Артошку, если тому вздумается поскользнуться.

Я не берусь утверждать, что если Авик помешает Артошке разбить нос, то это заложит прочный фундамент их дружбы, но без таких незаметных мелочей дружбы не бывает. **А что это за правофланговый отряд без дружбы? Такому отряду ни с одним делом не справиться.**

КАКОЕ ДЕЛО НЕ СВОЕ?

Сережа шел по улице и рассматривал прохожих. Возле бассейна у фонтана остановился. Малыши плещутся в воде, пищат. Вдруг выскочили из воды и бросились к своим вещам. Какие-то взрослые парни неторопливо трясли детские штаны, высыпая на тротуар пятаки и гривенники.

— Оставь! — Сережа схватил парня за руку.

— И не боишься? — Парень небрежно отодвинул Сережу.

— Боюсь.

— Так чего не в свое дело лезешь?

— А что бы они не думали, что все, кто по улице ходит, такие, как ты. Копейки отнимае-

те. А может, они целый день представляли, как себе мороженое купят? Или на «чертовом колесе» покрутятся? Может, ты мечту вытряхиваешь!

Патруль подошел как раз вовремя. Стоило Сереже сказать слово, и незнакомца бы задержали, но Сережа его не сказал.

— Все в порядке. Поспорили немного.

Сергей и сам бы затруднился объяснить, почему поступил так. Наверное, потому, что когда вступаешь в бой, то надо стоять до конца, не ожидая, что на помощь примчится добрая фея в красной фуражке.

— Ладно, — сказал парень. — Пусть наслаждаются мороженым. Я удаляюсь. Кстати, если они схватят ангину, то виноват будешь ты.

Малыши, блестя загаром, запрыгали обратно в бассейн. А Сережа отправился дальше... Рассматривать прохожих...

Если бы Сереже сказали, что, защищая малышей, он участвует в маршруте «Звездочка», он бы удивился. Просто он ни за что не смог бы пройти мимо и оставить их в беде. Неважно, ставишь ты для малышей кукольный спектакль или защищаешь их от хулиганов, главное, быть к младшим внимательным и помнить, что ты тоже за них отвечаешь.

КТО УМЕЕТ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ?

Лежит в горах Армении озеро Севан. Севан — это и «кусок неба на земле», и «голубой глаз земли». Так уверяют поэты.

А еще Севан — отличный работник. Несколько электростанций берут энергию у реки Раздан, вытекающей из Севана. Только вот уходит воды из озера больше, чем поступает, и озеро мелеет, сжимается буквально на глазах.

Новую силу Севану может дать только вода, и эту воду Севан возьмет у полноводной горной реки Арпы. Для этого строители пробивают в горах туннель в 48,5 километра. Он соединит Арпу с Севаном.

— Хотите отправиться в путешествие на Арпа — Севан? — спрашивает меня Маро.

...Река Арпа мчится по ущелью, как норовистая лошадь, прыгая из стороны в сторону и фыркая. Люди поставят на ее пути у селения Кечут плотину, и Арпа, оставив свое прежнее русло, разольется широким Кечутским морем. Вода ее поднимется до выхода в туннель и своим ходом побежит в Севан.

Мы едем все выше в горы. Вот и шахта туннеля. Огромный лифт несет нас в кромешную тьму. Слышно только, как шуршит вода, стекая по стенкам шахты, и шумит ветер. Наконец, лифт остановился. Маленький электровоз, похожий на вытянутый пенал, повез нас дальше. Плывут каменные своды туннеля, затянутые железной сеткой. Проехали пять километров. Дальше дороги нет — перед нами каменная стена. Перфораторы, машины, которыми проходчики бурят в стене отверстия-шурфы, как живые, бьются в руках строителей. Шурфы зарядили взрывчаткой. Взрыв гулко отдается в туннеле, и камень, расколовшись, оседает вниз. Его короткими, сильными рычагами, похожими на клешни, подбирает мощная машина.

Туннель продвигается еще на два метра вперед, а мы отправляемся обратно. И оказываемся на том самом месте, откуда началось наше путешествие, — в 6-м «В» классе. За то время, что мы мысленно побывали на Арпа — Севане, ребята успели переместиться с сидений на крышки парт.

Конечно же, никто не разрешил бы 12 — 13-летним людям опускаться в шахту, где на этот счет строгие правила. «Ну что же, — говорят ребята, — мы ходили в гости к Граеру Аветисовичу Оганесяну, главному инженеру «Гидроспецстроя». Он нам столько рассказал и о Севане, и о шахтах, и о шахтерах... А еще у нас есть книги, газеты, радио.

Ребята любят устраивать такие путешествия. Они знают, чем живет их республика, какие новые появились стройки, где нужна помощь ребят. Им интересно все. И от этого им интересно жить. **Поэтому, когда совет дружины подводил итоги маршрута «Мое отечество», отряд шестого «В» был признан здесь самым лучшим, а его путешествия — самыми интересными.**

❊

Дома беспокоятся родители: они никак не могут привыкнуть к тому, что дети никогда не возвращаются из школы вовремя. А детям не хватает суток, потому что до всего им есть дело: надо выучить новый танец для концертной программы и поставить с октябрятами кукольный спектакль, устроить соревнования авиамоделей на пустыре за школой и посидеть с малышом, у которого сразу заболели и мама и бабушка. А еще надо сбегать на соседнюю стройку, посмотреть, как этажи целиком наверх поднимают. Вдруг там их помощь нужна? Они могут и мусор убрать, и окна помыть, и цветник разбить.

Ребята шестого «В» не ждут, чтобы их попросили о помощи, а всегда готовы помочь сами.

Мы сидели и думали о том, что нам только что рассказали ребята из Армении. И вдруг зазвонил телефон. Мы даже вздрогнули от неожиданности: телефон еще ни разу не звонил на наших страницах.

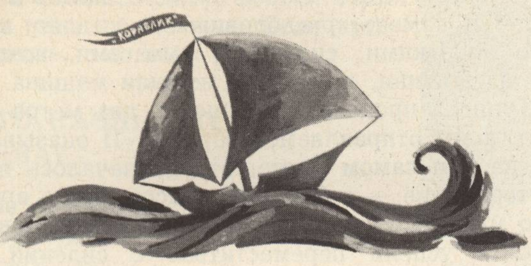
— Пионерский салют! Это я, ТУТ-КАК-ТУТ, — откуда-то издалека послышался в трубке знакомый, похожий на перезвон колокольчиков, голос ТУТ-КАК-ТУТА.

— ТУТ-КАК-ТУТ, вот здорово! — закричали мы хором. — Откуда ты?

— Я застрял на 53-й странице, в ШКОЛЕ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ, — сказал ТУТ-КАК-ТУТ совсем тихо, но его почему-то стало совсем хорошо слышно. — У вас эти страницы сейчас закрыты, и вы меня плохо слышите. А ваши страницы распахнуты настежь, вас отлично слышно, чего это вы вздумали так шуметь?.. У меня тут ужасно важное дело! На скамейке в парке я нашел одну прелюбопытнейшую тетрадочку... Кстати, есть такое правило: чем тише человек говорит, тем лучше его слышат. А тех, кто орет постоянно, их и вовсе никто не слушает...

И он снова исчез, вернее, пропал его голос, в трубке послышались гудки.

Мы тут же помчались в ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ. ★

Октябрь — месяц осенний. И потому в «Кораблике» целых три стихотворения про осень.
Первое написала Таня Королева из города Орехово-Зуево, Московской области.
Тане 15 лет, это первое ее стихотворение.

Осень

Осень за окошком моим,
Осень.
Желтая ветвь средь зеленой листвы,
Словно проседь.
Ветер шуршит охапками палых листьев,
Рвет их с деревьев и кружит в танце
неистовом.
Осень стучится косыми дождями в окна,
Кружится, встряхивая волосами
Мокрыми.
То серебристо смеется, то хмурится грозно.
И дождевые струи вплетает в косы.

А вот как увидела осень москвичка Ева Левина (она учится в седьмом классе).

Осеннее золото

Золото, золото сыплет, кружится,
Яркой порошей на землю ложится,
Светит, блестит, ослепляет глаза,
Только в ларец положить нельзя.
Мне и не надо богатства огромного,
Дайте мне этого тихого, скромного
Золота яркого и шуршащего.
Это осеннее — настоящее!

Рита Гущина учится в девятом классе московской школы № 157. Она тоже написала про осенние листья, только по-своему.

Листья

Смотрите, смотрите, осенние листья!
Они, как следы неумелые кисти.
Словно художник не на продажу
Сделал картину, не думая даже.
Да и картина ли это? Ну, что вы!
Если картина, то не готова.
Только мазки на сером, как будто
Красный рассвет и блеклое утро.
Синий кораблик и темное море.
Яркий подсолнух и черное поле.

Римма Якушева живет в Калининграде, учится в четвертом классе.

Море

Море бушует, плещутся волны,
Чайки мелькают, плывут корабли.
Море хохочет,
Море грохочет,
Блещут на дне янтари.

* * * * * * * *

Аллюр

РАССКАЗ

Георгий Рубан учится в седьмом классе. Живет он в Ленинграде, а лето каждый год проводит в деревне. Все, о чем рассказал Георгий, он пережил на самом деле.

Я начал учиться ездить на коне в девять лет. До этого я видел коней только в кино. Когда я впервые дотронулся до коня, мне захотелось покататься на нем. В первый день лета пришел я к колхозникам, попросил, чтобы мне разрешили покататься. Меня начали учить ездить на коне Аллюре. Вот с тех пор я и стал дружить с ним.

В первый раз, когда меня посадили на Аллюра, он встрепенулся, очевидно, испугавшись чего-то, и я с него слетел. Когда я встал, в голове у меня гудело, а в ноге была страшная боль. Едва дотащившись до дома, я лег в постель.

Наутро я вскочил, схватил рубашку и побежал в колхоз. Дядя Ваня мне показал, как заносить ногу в стремя. Я попробовал это сделать, и у меня все получилось. Конь побежал трусцой, чувствовалось, как все его мышцы двигаются подо мной. Вдруг он споткнулся, я отпустил вожжи и перелетел через голову коня.

В конце лета, когда мне нужно было уезжать домой, я уже ездил на коне не хуже других. Перед отъездом я прибежал проститься с Аллюром, он выбежал мне навстречу. Я его погладил по тяжелой голове.

Я каждое лето приезжал в деревню и всегда встречался со своим любимцем. И вот в прошлом году я приехал, побежал в колхоз и увидел Аллюра. Но в чем дело? Он меня не узнал. Я не знал, что с ним случилось, и не знал, что вижу его в последний раз.

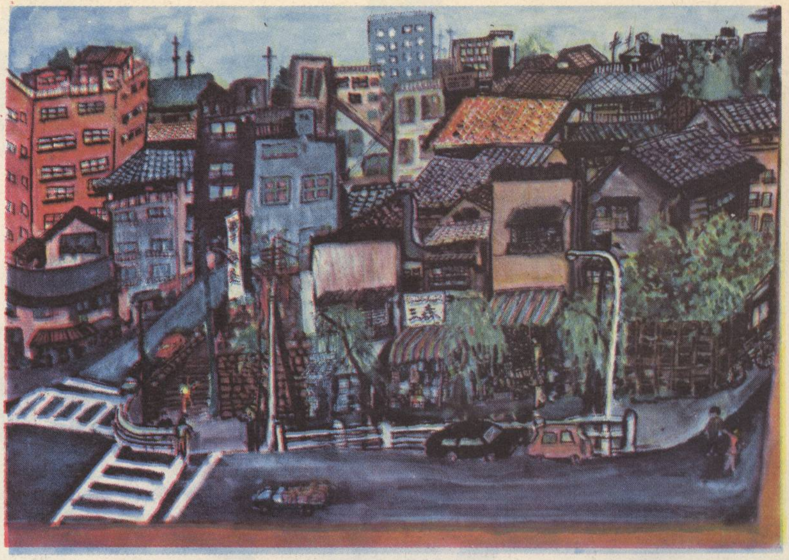
На следующий день я пришел в колхоз и увидел мертвого коня. Это был Аллюр...

Вечером на лугу вырыли глубокую яму. В нее опустили мертвого Аллюра.

Ночью мне приснился Аллюр, его мускулистое тело, белый околыш и вопросительные карие глаза.

Мне до сих пор слышится его тихое ржание.

Павел Иванов из поселка Поледуй в Якутии — старый друг «Кораблика»: в прошлом году были напечатаны два его стихотворения. Вот новые стихи Павла.

Олень

Тундра. Полночь. Тишина.
Звезды в вышине.
Скрылась бледная луна
На небесном дне.
Вдруг мелькнула чья-то тень.
В сердце — скрытый страх.
Я смотрю — несет олень
Небо на рогах.

Страхи

Кто крадется вдоль стены
Белой полоской света?
Может, разбойники это?
Нет, это свет от луны.

Кто это шепотом говорит
В соседней комнате брата?
Может, это пираты?
Нет, это ветер свистит.

*

Светлана Кангина (ей 13 лет, живет она в городе Стерлитамаке) попыталась описать в стихах целый школьный день. День получился длинный, в «Кораблике» поместились только три урока да перемена.

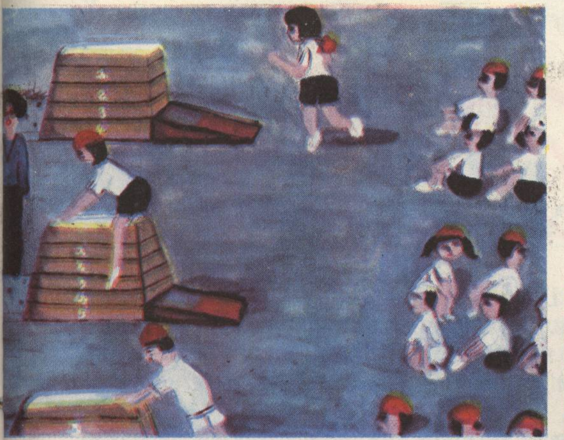
Школьный день

Звонок! Звонок!
Английский урок.
«— Сит даун,
Гуд монинг,
Гуд ивнинг,
Гуд бай!»
Урок окончен!
Иди гуляй.

Опять звонок,
Опять урок.
«— Греция, Рим...
— Садись. Три!»...
Школьная парта.

Задорный звонок
Вновь нас торопит
На новый урок.
«—Море и суша,
Леса и поля —
Все это наша
Планета Земля».

Звонок! Звонок!
Окончен урок!
Беги в буфет,
Купи конфет.
Тряпку бери,
С доски сотри!

Картинки на страницы «Кораблика» приехали из Японии. Девочки и мальчики далеких островов рассказывают о своей жизни лаконично и ярко.

«По этим улицам моего города я каждый день утром сломя голову бегу в школу, а днем возвращаюсь медленно и все успеваю рассмотреть».

«Мы все любим спорт и на уроках физкультуры занимаемся с большим удовольствием. А какая у нас хорошая учительница!»

«Нравится мне ходить в порт и смотреть, как встречают и провожают большие корабли».

Татьяна **ПОЛИКАРПОВА**

Рисунки П. БАГИНА.

От весны

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Мы прихватили с собой длинные, длиннее нас самих, палки, чтоб отталкиваться, прыгая через ручьи.

Первый переход — через наш овраг в саду. Но и до него дойти тоже надо суметь. Везде под снегом вода. Провалишься по колено в снег, значит, выше щиколотки в воду. Даже утоптанная тропка, что ведет к баням на той стороне оврага, порой не выдерживает, оседает под ногой. Вся она в круглых дырках, наполненных темной водой,— взрослые провалились бы. Мы-то полегче.

В саду шумно от грачей и рокочущего потока. Овраг пологий, и вода широко идет по нему. Целая река. Нипочем не перепрыгнуть и с палками. Но там, где овраг круче и теснее подымал свои склоны, река пряталась, ныряла под снежную кровлю. Вот тут можно! Сперва надо попробовать палкой. Легко, как спица в масло, погружается палка в снег, и очень скоро рука вообще не чувствует сопротивления — палка пробивала снежную кровлю, попадая в пустоту. Провалишься очень быстро, если просто идти. Но мы знаем способ: надо кубарем катиться. А для верности Шурка кладет на снег наши палки, как два рельса. По ним и покатимся.

Сердце все-таки замирает, как представишь под слоем снега в темноте несущуюся коричневую воду.

Зато когда встаешь на той стороне, ты уже победитель, и солнце сияет в твою честь, и воды шумят — слышишь? — с досадой шумят — упустили! — и грачи орут — поздравляют! Мы топаем дальше, туда, к моему «Артеку». Это не овраг даже, а целый провал с крутыми, почти отвесными стенами.

Каждая весна, каждый ливень кромсают его бока, отхватывая целые глыбы земли. Одни вода перемалывает сразу, иные же просто оседают, образуя уступы и террасы. В вершине оврага прошлым летом было три таких уступа: один широкий — в середине, а два поменьше, поуже — сверху и у самого дна. Как гигантская

До осени

лестница в три ступеньки. Каждая ступенька летом так зеленела и цвела, как ни одна лесная полянка. Солнце полдня в упор смотрело на эти террасы. Вот и росло здесь все, как в оранжерее.

Мне казалось: здесь, как в горах, как на юге, красиво и солнечно. И назвала овраг «Артеком». Попасть в настоящий Артек было моей сказочной мечтой. Больше всего я любила читать в «Пионерской правде» рассказы про Артек.

Между прочим, на «Артек» мы очень надеялись. Тут поток падает сильным водопадом, роет землю, как машина. Может быть, нынче вынесет, выроет из земли что-нибудь драгоценное?

Сейчас «Артек», как Петергоф на бабушкиных открытках, — то ли фонтан, то ли каскад: со всех уступов, со всех боков льются, светятся, дрожат легкие потоки, струи, струйки. Они рождают плеск, звон, журчание, не сливающееся с басом водопада, каждая живет отдельно, поет свою песню.

Насмотревшись до черноты в глазах, полуослепнув от сверкания и блеска, бредем вдоль главного русла, ищем узкое место, очень хочется на ту сторону, там выше, там на взлобке земля показалась, мы уже видим ее, и еще мы видим — вот так подарок! — там, оттуда, из-за этого взлобка выглядывают ветки уже цветущей вербы, нам даже видно, какие пушистые, желтые цыплята усеяли их.

Неужели не найдем, где прыгнуть?

Ага, вот! — вон снежный мысок на том берегу ручья.

— Смотри, Дашка, — кричит мне Шура, она немного сзади идет, — под этим земли нет!

Но я уже прыгаю, отталкиваясь палкой, как шестом, погрузив ее в середину ручья.

Я бы, наверное, допрыгнула, если б не ледяное дно. Палка скользнула, и я шлепнулась в воду. Я судорожно хваталась за снежный бережок, а он ломался, обваливался, и я чувство-

вала, как заносит быстрой водой ноги, разворачивая меня вдоль ручья. Палку-то мою унесло сразу. Но я все-таки выкарабкалась. Думаю, что все очень быстро произошло, хоть мне казалось, я целую вечность барахталась в обжигающей воде. Шурка даже не успела закричать. И я молча уселась на берегу. Было как во сне: немо, глухо. Исчезли все звуки, и вода не шумела. Только очень ярко светилось все кругом. У самых моих ног бегущая коричневая вода несется. А на ногах-то: блестящие, совсем как новые — потому что мокрые! — калоши. Горячая радость плеснула мне в лицо, включила снова все звуки, вернула голос.

— Шурка-а! — завопила я. — Калоши-то, а? — Я задрала ноги, чтоб она убедилась.

И тут же вскочила, впервые почувствовав, как противно-мокрый холод облепил все мое тело до пояса.

Мокрая, вот и хорошо! Мне теперь все нипочем!

— Сейчас я тебе вербы наломаю! — крикнула я и побежала к оттаявшему пригорку.

Вот она, новая земля!

Я шагнула на проталинку, она казалась на вид такой же теплой, курилась легким, чуть заметным парком, я даже шлепнула по ней ладошкой. Но холодной была земля!

— Еще согреемся! — сказала я ей про себя и побежала к вербе, с трудом вытаскивая калоши из вязкой пашни.

Всего-то три шага по земле, потом снова снег. За этим пригорком круглое, словно блюдце, и такое же мелкое углубление. Здесь долго держится весенняя вода, вплоть до летней жары, и пушистые шарики на лаково блестящих лозинах краснотала получаются самые желтые, самые крупные и душистые.

Хорошо, что я уже мокрая. А то бы не достать самых красивых кустов. Я ломаю лозины, стоя по колено в воде. Но скоро ноги заходятся ломящей болью, и я бегу назад и с разбега прыгаю через поток, без страха и потому ловко.

Шурка берет меня за руку, как маленькую.

— Ох и простынешь! — задыхаясь, на бегу приговаривает Шурка. — Ох и про-сты-нешь!

Что рассказывали древние греки

Дома меня бабушка встретила круто: «Добегалась, лыска без узды? Допрыгалась — мне на шею? Мало мне забот! Не было печали!»

Вот они как живут, греческие боги и герои...

Но, ругаясь, бабушка быстро снимала с меня мокрое — у меня самой руки не гнулись, застыли, — натирала ноги водкой и достала папины новые толстые шерстяные носки. Я натянула их до колен, и ноги мои скоро уже пылали жаром и гудели, как самоварная труба при хорошей тяге.

Я быстро согрелась от горячего чая с сухой малиной. И, угнездившись под горой одеял и тулупом поверх всего, быстро уснула, будто погрузилась в темную, теплую глубину, где мне ничто не угрожает. Я засыпала, а все мое тело — руки, и ноги, и кожа, и каждая жилочка — ощущало, как надежно они укрыты, как лелеют их теплота и темнота, и можно обо всем забыть, доверившись безопасности, и спать, спать, спать без оглядки!

Я проснулась только на следующее утро, поздно, когда все разошлись на работу, и в ясли, и по делам. Солнце и тишина. Краем глаза я видела кусок солнца где-то у меня за изголовьем. Что-то оранжевое, жаркое сбоку заставило повернуть голову.

Большая ярко-оранжевая книга светилась и сияла в потоке света, падавшем на стул. Золо-

тыми буквами блестело длинное название: «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях». У меня сердце замерло и, чувствуя, как волосы на голове приподнимаются от восторга, я схватила книгу. Ух, тяжелая! Древние греки! Это — Язон, аргонавты, Медея, золотое руно. Это — железные птицы-гарпии! Это — Медуза-Горгона! Больше всего на свете я любила слушать, как папа рассказывает легенду о корабле «Арго», который отправился в Колхиду за драгоценным золотым руном. Об отважном экипаже «Арго» — аргонавтах, среди которых главным был Язон...

«Что рассказывали древние греки о своих богах и героях», — медленно читала я и слышала голос папы, его речь, то таинственную, то торжественную. Она лилась так плавно, будто он не рассказывал, а читал. И в конце концов я уже и слов не слышала, а прямо видела все, про что он говорил: горная быстрая река, где вода кипит возле валунов, как сейчас в наших оврагах; Язон, потерявший в этой реке одну свою золотую сандалию, и шкура козленка на его плечах, такая же пушистая, серовато-коричневого цвета, как у пуховых коз тетки Анны... Видела я и то поле под луной, на котором Язон по приказу колхидского царя посеял зубы дракона. Царь хотел, чтобы воины, выросшие из этих злых семян, убили героя.

Ясно видела я, как остро вспыхивают при луне кончики копий, первыми показавшиеся из земли, — точь-в-точь проклюнувшиеся стрелки озими, побеленные лунным светом. Рассказывал мне папа и о Медузе-Горгоне со змеями вместо волос, и о Персее, обманувшем ее. Втайне я жалела гордую Горгону, хоть она и была злая. Но все же Персей ее перехитрил както не очень честно, хоть, конечно, и ловко: смотрел на отражение Медузы в своем щите, а не прямо ей в глаза. Ясное дело, кому охота превращаться в камень под Медузиным взглядом!

Но все-таки, все-таки и Медузу жалко. А может, она и не виновата была, что у нее такие глаза оказались... И теперь эта книга про всех про них была передо мной! Будто все, что я знала как сказку, как легенду, есть на самом деле и вот сейчас сбудется.

Стоит только открыть обложку... Вся книга была прекрасной: каждый лист гладкий, атласный, а буквы стоят так чисто, таким четким строем, и картинки коричневые, а не черные. Не простые картинки здесь были — фотографии древнегреческих скульптур.

Вот Артемида, охотница в короткой юбочке, а ноги длинные и крепкие и вообще фигурой походит на старшую дочку тетки Анны. Только голова не похожа да колчан за плечами. Афина же лицом похожа на Шуркину маму, когда она косы положит венком. И высокая такая же.

Если бы еще на Шуркину маму надеть такой же шлем. И она бы взяла копье вот так — рука у нее не тоньше Афининой, сильная.

Я видела, когда она помогала нашим сено сметывать на крышу сарая и подавала папе на вилах целую копну — как раз такие были руки, «мощные», как говорит моя бабушка.

Еще картинка — толстый младенец в колыбели (ни дать ни взять наш Толик, когда он еще не ходил) в каждой ручонке сжимает по змеище, да такой огромной! Это кто же?

Ага, Геракл убивает змея... Ничего себе... А вот опять змеи. Запутали двух мальчиков и старика. У них такие лица: видать, им больно, змеи их одолевают, а смотреть почему-то не страшно.

Видать, в Древней Греции было много змей. У нас их нет.

Я листала страницу за страницей — книга не кончалась, и не кончался в моих ушах напев ее удивительного названия: «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях». Была в нем тайна... Не в самих словах, они-то были простые и ясные, а в том, как они складывались и звучали все вместе: будто стихи, а не стихи ведь! И будто музыка, но не музыка же! Это походило на ропот листьев вслед пробежавшему ветерку.

Они оставляли тишину за собой, чтобы в этой тишине слушать и слушать: о чем там они рассказывают?

Греческая тайна

Я не заболела, но в школу в этот день меня все же не пустили и велели лежать. А я рада была: у меня ведь книга! Ах, эта книга! У меня стала еще одна тайна. Древние греки сделались моими союзниками. Они знали то, чего не знали взрослые люди и о чем немножко догадывалась я. Все, про что люди думают, будто оно неживое: деревья, трава, облака, вода, овраги, цветы, старые пни, камни, дороги, песок, — все это могло и чувствовать, и знать, и видеть, и помнить, и испытывать боль, горе или радость. Древние греки прекрасно это знали и называли

это нимфами. У каждого ручья была своя нимфа. У деревьев — нимфы-дриады. У цветов — тоже свои.

И коровы, и овцы, и лошади — все животные и птицы тоже могли быть не просто животными и птицами. Они думали и понимали. Например, такие, как наша корова Манька или моя кошка Мурка — такие совершенно точно! Мурка моя ко мне относилась, как к своему детенышу: носила мне мышей. Я не раз просыпалась от ее нежного поуркивания: откроешь глаза и видишь рядом со своим носом пару маленьких мышат, а Мурка смотрит прямо тебе в лицо и уговаривает: «Ур-р, ур-р, ур-р...» Мол, поешь, пожалуйста... Я ее никогда не обижала и мышат не отшвыривала. Я говорила: «Спасибо, Мурка» — и гладила ее по спине, а потом заворачивала мышат в газету, будто я их припрятать хочу, и уж после, когда Мурка не видела, закапывала где-нибудь в огороде. Конечно же, это была не простая кошка.

А цветы? Когда смотришь на цветы ромашки, разве не видно, что это чье-то милое лицо? А береза на первой меже по дороге в лес? Разве она просто береза, просто дерево? Я не видела, как растет лавр, и когда читала грустную историю нимфы Дафны — как она, спасаясь от бога Аполлона, превратилась в лавровое деревце, вместо лавра представляла эту березу на меже — такая она была белокожая, высокая, а ветви — будто тонкие руки и будто нежные волосы...

А по стволу березы вкрадчиво вползают лианки вьюнка, в наших местах его называют «березкой», наверное, потому, что плеть вьюнка напоминает гибкую прядь березы. Мы ходим на поле, чтобы драть эту «березку» на корм корове, корова с этой травы молока прибавляет. Вот нас и гоняют родители за «березкой». А ведь и у нее должна быть своя нимфа. Какая она? Наверное, гибкая, как змея, в венке из розовых цветов — «граммофончиков». Интересно, каково ей, когда мы эту «березку» дерем? Да, наверное, не очень-то переживает! Вьюнок — трава вредная и упорная. Как глубоко ни захватишь ее розовато-белый гладкий корень, вырывая его из земли, через какое-то время на этом месте опять проклюнутся жгуты новых стеблей — поползут зеленые лианы, душа картошку и все остальное, что есть на поле...

И вдруг я увидела этот цветочек!

Еще осот такой же вредный. Варежки надеваешь, когда приходится его драть, но все равно исколет он все руки, и в ладонях остаются ломкие невидимые — так тонки! — кончики его колючек,— долго саднят и покалывают. Нимфа осота наверняка тощая и лохматая, а в лохмах репьи, как в овечьем хвосте. Но пахнет она сладко — медом... Так пахнут цветы осота, прохладные, розовато-сиреневые пучки мягких иголочек, собранные чешуйчатой, высокой чашечкой... Если их пососать — сладко... Осот любят шмели и пчелы. Да и вьюнок тоже... Вот и разберись: кому они вредны, а кому пользу дают...

Так я то читала, то вспоминала свое над книгой, когда ближе к вечеру пришла меня проведать Шурка. Она неожиданно появилась перед моей кроватью; я вздрогнула, а узнав ее, вспыхнула вся, будто она уличила меня в чем-то стыдном. Не успев и подумать, что я делаю, я набросила на книгу край одеяла — мне хотелось спрятать ее. И Шурка не заметила бы, потому что получилось так, будто я хочу встать и потому откидываю одеяло. Но одеяльный уголок не закрыл всей книги. Шурка сразу же углядела и настырно схватила в обе руки:

— Чё читаешь?

— А-а-а,— я даже стала заикаться,— мифы про древних греков,— губы у меня будто замерли, я бы, пожалуй, «тпру» сказать не смогла. — Чужая книга, дали почитать...

— Эх, и гладкие! — восхитилась Шурка, погладив листы тыльной стороной ладони. И принялась осторожно их переворачивать. Это была такая мука! При каждом прикосновении ее пальцев к страницам у меня сердце обрывалось и падало куда-то в живот, а там холодело противно. Сколько раз листнула Шурка, столько раз обрывалось сердце. Так мне было худо — жалко, жадно, страшно — оттого, что Шурка трогала мою книгу. Я возненавидела ее, еле сдерживалась, чтоб не заорать на нее, чтобы не вырвать у нее книгу и не броситься вон из комнаты, из дому куда-нибудь, где никто-никто не увидит меня, не найдет, не будет лезть своими пальцами в эти белые страницы. Но я терпела. Иначе Шурка могла бы догадаться, отчего я так... При одной мысли об этом меня обдавало жаром с головы до ног. Она могла догадаться, что я верю в то, о чем рассказывали древние греки. И я бы ни за что не смогла, если б даже и хотела, объяснить ей, что на самом деле я не верю, а просто... Просто интересно думать так, как они. Я знаю, что это такое. Что вовсе это не значит верить, но поди объясни.

А кругом утро — синее-синее.

— Ну, как, как?! — спросила бы Шурка.

— А вот так: вот видишь, растет рябина?!

— Ну?

— Ну, так вот у нее есть своя нимфа. Ну, живая она рябина, только что не двигается. Но ведь шумит по-всякому? Весной белыми цветами пахнет? А потом красные ягоды на ней осенью? И зимой птички ее клюют и от этого не замерзают.

— Ха, — скажет на это Шурка. — Какая умная нашлась! Это и так все знают! А у тебя, выходит, нимфа, да? — прищурится она. — Вроде бога, да? В бога веришь?

— Да нет же, Шура! Не в это я верю, а в то, что... Ну, живая она, рябина. Потому и нимфа, и все такое...

— Ах, нимфа... — протянет Шурка. И опять начинай сначала. И Шурка ни за что не поверит, что я не в бога верю, а в... Что? Что? — спросила я себя. Я-то знала, хоть и самой себе объяснить не смогла бы, так же как и Шурке. Я уже много лет спустя поняла то, что тогда чувствовала. Что самое-самое трудное в жизни — это объяснять то, чего нельзя объяснить, что просто так видно и понятно. Когда такое примешься объяснять даже самой себе, то становится так же плохо, как если б цветок по лепесткам и тычинкам растеребить, а потом складывать, чтоб вышло как было...

Ни одному человеку, даже маме, бабушке, даже папе я бы не хотела, не могла б рассказать про то, что знали мы вместе с древними греками.

Так я думала, отвернувшись от Шурки к окну, чтоб не видеть, как она листает книгу, только в ушах все равно отдавался, мучая меня, звучный хруст переворачиваемых страниц.

Наконец она закрыла книгу.

— Интересно, да? Картинки-то...

Стиснув зубы, в упор глядя на Шурку, я и хотела, но не могла соврать. И кивнула: мол, да... Не могла я так предать книгу.

А Шурка только легонько вздохнула и сказала:

— Мне такую домой и нельзя — орава разнесет. Красная она, каждый захочет потеребить. — И вдруг спохватилась:

— Да, я и забыла! Чего я к тебе пришла-то? Вот я что насобирала сегодня. Возле столовой на мусорной куче вытаяли! — И она вытащила из кармана горсть новых чечек, разноцветных кусочков битой посуды.

Как же я сразу полюбила мою Шуру и куда делась вся моя ненависть! Я соскочила с кровати, сунула книгу в ящик комода, потом обула валенки, потом надела платье, накрыла постель одеялом, не расправив даже простынок, за что всегда ругают, как известно, и вытащила свой нарядный ридикюль — подарок тетки. Там хранились мои чечки и разные другие вещи: сухая морская звезда, раковина, которая шумит, перочинный нож с половинкой лезвия, цепочка от папиных карманных часов, покрытая злобной какой-то зеленью. Все это я вытряхнула на одеяло. Быстро, чтоб не схватила Шурка, я сгребла все лишние вещи обратно в ридикюль, а чечки стала раскладывать в ряд. Началась первая в этом послезимнем году менка.

Чечки у Шурки совсем простенькие, но ценились они высоко, потому что были первые, прямо из-под снега! Да и я была очень уж счастлива, что так обошлось с книгой: за три простых белых осколка с какими-то обыкновенными голубенькими цветками отдала свою главную, сплошь золотую, вогнутую, как лепесток розы!

— Вот это да! — сказала Шурка.

Через овраги

Как только земля подсохла и стало можно ее пахать и копать, мы с Шуркой отправились с лопатами в «Артек». Трава зеленела на его склонах, а в тени еще лежал плотный, серый, покрытый как бы копотью снег. С краев он истаивал и делился, и земля из-под него выходила мокрая, онемевшая от холода и тоже покрытая слоем тонкого, как копоть, ила. Держась подальше от снега, сквозь ил пробивались круглыми иголочками сочные до хрупкости стебли травы, которую у нас называют гусиной. Каждая былинка пробивалась отдельно, сама по себе. Только иногда встречались по два усика. Один из них оканчивался крохотным желтым цветком — такой в сто, а может, и в тысячу раз уменьшенной лилией. Цветок был так нежен, что мне ни разу не удавалось донести его до дому, а ведь тут рядом, два шага. Цветок поникал, съеживался, стебелек терял стойкость, становился не иголкой, а ниткой. Вода его не оживляла.

Но сейчас мне было не до этой травки. Я только сказала ей, что помню про нее. Сначала про себя, конечно, не вслух. И мы занялись своим делом. Мы пришли с лопатами, и на черенке моей чернели слова: «Труд облагораживает». Сегодня мы уже несколько облагороженные: делали грядки. А сейчас попробуем здесь!

Мы принялись копать в самом глубоком месте, там, где в апреле работал бурав водопада. Неудобно было вдвоем. Стали копать по очереди.

Выкинув несколько лопат тяжелой, мокрой глины, липкой, словно вар, я подумала, что было бы вернее еще подождать до поры, пока лучше просохнет земля, но не могла решиться сказать об этом Шурке, — еще подумает, чего доброго, что я ленюсь. И я продолжала выгребать из ямины глину. А глина шла все такая же. И никаких пластов — ни каменного угля, ни руды почему-то не встречалось, хоть бы камешек... Правда, и прокопала-то я пока чуть. Даже смешно: так запыхалась, а ямка — на смех курам. Шурка нетерпеливо прыгала надо мной:

«Ну-ка дай мне!» Она, конечно, получше меня копала. Но из-под ее рук шла все та же красная глина. Кто ее знает, может, эта глина полна алюминия? Поди догадайся!

— Так-так-так-та-ак! — раздался чей-то угрожающий голос. — Так-так-та-ак! Значит, воде помогаем? Стихии? Помогаем разрушать совхозные поля? Да?

Кто это? Человек стоит со стороны солнца, нам снизу виден только черный силуэт. Такой великан Гулливер, ноги, словно арка, под ним на лошади проедешь верхом. Да это же наш сосед! Агроном Николай Михайлович! Чего это он как строго? Он же добряк!

— Николай Михалыч! — кричу я. — Мы же внизу копаем, а не на вершине. Тут уж и так все раскопано! Мы к центру земли!

— Ах-ха-ха! К центру земли! — расхохотался агроном. — И оборвал смех. — Значит, знаешь, что нельзя овраги раскапывать? Ну, то-то. Да начто копать-то? Уж не клад ли ищете?

— Да мы так... — замялась я, — мы глины ищем хорошей, чтобы лепить.

— К центру земли за глиной, ах-ха-ха! Но вы все-таки и к центру не увлекайтесь; углубите дно, стенки оврага сядут.

И Николай Михайлович пошел. Наверное, отправился поля смотреть. А нам после этого расхотелось копать. Ну что? Глина и глина! Даже ни одного камешка. Еще и правда стенки сядут. Мы выбрались из ямы, стали чистить ботинки зернистым снегом. Сели на теплый уступ одной из «скал», свесив ноги. Как хорошо тогда мечталось на Шуркиной завалинке! Казалось, только начали искать, и вот они, дальние страны... Казалось, только растайте снега, и земля отдаст вам свои секреты. Вот она, земля, молчит. Лежит вязкая, красная глина, вся на виду, не прячется. А попробуй узнай у нее секрет. Мни ее, растирай на пальцах, пробуй языком — пахнет себе сырой, только что сложенной печкой и больше ни гу-гу...

— Учиться надо, Шурк, на геолога, — говорю я. — Уж там узнаешь, что за глина. Говорят, можно даже по цветам и траве находить полезные ископаемые. Вот сорвешь такую — я срываю ярко-зеленую ниточку гусиной травки — в микроскоп ее и увидишь...

— Золото! — кричит Шура.

— Медь! — ору я.

— Железо! — вопит Шурка.

— Керосин, бензин! — надрываюсь я.

— Аспирин, маргарин, гуталин! — изощряемся мы обе и уже дальше несем тарабарщину, какой-то «бармарин», «натарин», «кукурин», — разбесились, в общем. Долго орали и хохотали. Но вдруг Шурка говорит мне:

— А ты врешь, что по траве узнают. Не по траве, а собак научают. Собаки нюхом чуют, что в земле лежит, и по-особому гавкают на разный металл.

— Сама ты врешь! — говорю я с презрением. — Если б можно было собак этому научить, уж лучше б людей учили. Они умнее.

— Ты что! — говорит Шурка. — У людей нюха нет!

— Да какой же нюх, когда, может, на сто километров в глубине руда лежит? А в траву попадают элементы!

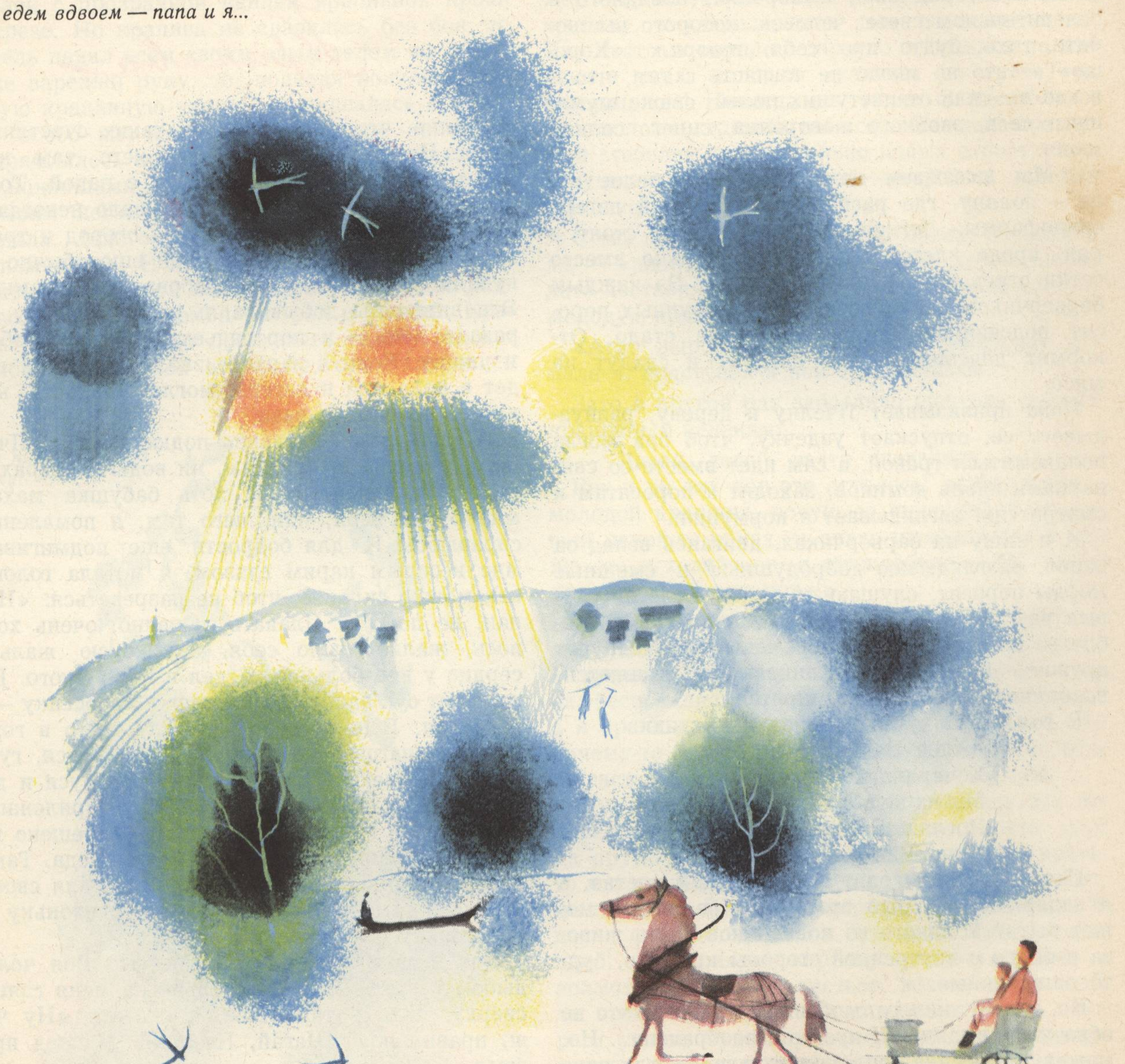
«Элементы» Шурка не перенесла.

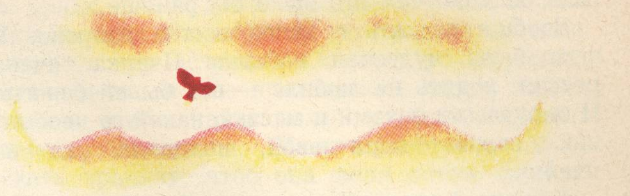
— «Элементы, элементы!» — передразнила она меня и вскочила на ноги. — Ученая! Научилась разные слова говорить, а толку... — падали на меня сверху злые слова.

— Ученая, ученая, крыса ты моченая! — пропела Шурка, отбегая подальше.

Зря она отбегала. Мне стало ужасно обидно: работали вместе, тайна у нас общая, а ей все равно, как будто мы просто так играем. От обиды я всегда теряю силы и задор, я уже не побегу за Шуркой и дразниться не буду...

Мы едем вдвоем — папа и я...

С папой

Долго мы с Шуркой не встречались. Долго дулись друг на дружку. И скучно же было! Потому всякий раз, как папа звал меня с собой

объезжать летние лагеря для скота, я радовалась больше, чем это было бы раньше.

Вообще поехать с папой всегда здорово. У него была чудесная кобылка Пчелка, очень резвая, ходить не любила — все бы ей бежать. И округлыми боками и мастью какой-то необычной, серовато-коричневой, походила она на пчелку.

Хорошо было ехать с папой. Он обычно молчал или насвистывал какие-то свои мотивчики. Он много их знал.

Папа молчал или насвистывал, но странное дело: мне казалось, что я вижу и чувствую то же, что и он, и тем же самым любуюсь. И какое-нибудь одно оброненное им слово враз подтверждало то, что мне казалось. Да, наверное, иначе и быть не могло! Потому что, если среди цветущих полей, вблизи свежего июньского леса, под звон жаворонка, невидного в ослепительном свете, человек, которого вы любите, тихо, будто про себя, говорил: «Хорошо»! — это не могло не совпасть с тем, что и в вас входило от цветущих полей, свежо шумящего леса, звонкого жаворонка, синего солнца июня.

...Мы выезжаем на обширную — целое поле — поляну, где расположился летний лагерь свинофермы. Легкие сборные домики стоят в ряд, вроде клеток в зверинце, только вместо сетки здесь барьерчик с калиткой. За каждым барьерчиком около десятка уже крупных поросят, подсвинков. Это откормочное стадо. Откормят подсвинков как следует и сдадут на мясо.

Папа привязывает Пчелку к дереву, разнуздывает ее, отпускает уздечку, чтоб она могла полакомиться травой, а сам идет вместе со свинарками вдоль домиков, заходит к поросятам и смотрит их, заглядывает в кормушки.

А я вишу на барьерчиках, двигаясь вслед за папой, разглядываю добродушные и смешные морды поросят, слушаю их непонятные визгливые разговоры. В общем-то они похожи на ребят во время короткой перемены: лезут друг к дружке, пихаются, сталкиваются, гоняются, вскрикивают, ссорятся, мирятся.

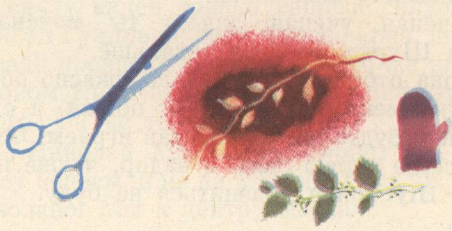
В голове толкутся привязчивые стихи:

«Анна Ванна! Наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем.
Анна Ванна...»

Папа и все проходят к следующей клетке, а я задерживаюсь: что это? Папа не видел, может быть? У одного из подсвинков часть живота и бедро с внутренней стороны красные, будто ошпаренные.

Но, может, ничего особенного? Ведь никто не обратил внимания. И просто я воображаю... Но, может, поросенка заслоняли другие, когда папа глядел. Я подождала, пока папа осмотрит все, и когда он уже пошел к Пчелке, позвала его и показала подсвинка. Папа нахмурился, вошел в клетку, поднял поросенку ногу, одновременно почесывая его за ухом, и быстро вышел, не сказав мне ни слова и даже не поглядев на меня. Но я не обиделась. Значит, правда что-то не так. И папа позвал свиноводов, и они бегом спешили к этой клетке с красным поросенком.

— Поехали скорей, Даш, молодец, что позвала меня. Сейчас надо Розу Ивановну предупредить (Роза Ивановна — это ветврач, наша соседка, жена агронома). По-видимому, рожистое воспаление... Молодец.

Крапива

Жалко, что мало в жизни таких счастливых дней. Не каждый день — да чего там каждый — редко удавалось ездить с папой. То он за мной не заезжал, то мне бывало некогда. С весны дел прибавляется. Тут и огород и травы надо нарвать корове, а весной еще обычно покупали поросенка. Ему требовались витамины. Эти витамины добывала я: рвала крапиву три раза в день — к поросячьему завтраку, обеду и ужину. Если я заранее знала, что папа поедет в поле или в лагеря, могла припасти крапивы сразу на два раза.

А если же он внезапно подкатывал на Пчелке, а у меня ни крапивы, ни воды в ведрах — куда тут денешься? И хоть бабушка махала мне рукой, мол, иди, чего там, я помаленьку справлюсь! И для бодрости еще подмигивала мне веселым карим глазом, я мотала головой как можно сильнее, чтоб не разреветься: «Нет, пап, не поеду!» Плакать, конечно, очень хотелось, жалко было себя, но бабусю жальче: сердце у нее больное. А дел в доме много. Вот поставит суп варить да картошку поросенку — и вода вся. Еще за водой пойдет, а это в гору. Сделает шагов восемь и уже задыхается, губы у нее лиловеют. Останавливается бабуся и дышит тяжело, приоткрыв рот. И если приложишь голову к ее груди — слышишь, как бешено колотится сердце. Она к тому же непоседа. Так и норовит что-нибудь сделать вредное для своего сердца и сама себя утешает: «Я потихоньку да полегоньку... И переделаю все».

Вот и мотаю я головой так, что моя челка дыбом встает. Папа пристально на меня глянет сверху, сидя в тарантасе, и скажет: «Ну что ж, правильно... Шагай, Пчелка!» И след простыл...

Эх! Я брала корзинку, варежку, ножницы и шла за крапивой.

До сих пор, стоит мне увидеть круглые, узорчатые шапки молодой крапивной поросли, я переживаю вновь то сложное чувство враждеб-

ности и радости одновременно, какое испытывала тогда, в детстве, при виде этого «поросячьего витамина».

Никто, даже бабуся, которая трижды в день командовала мне: «Даня, за крапивой!» — никто не знал, какие сложные у нас отношения — у меня и крапивы. Каждый раз, как я беру корзинку, варежку и ножницы, я снаряжаюсь на бой и битву с моим врагом.

Я надевала на левую руку варежку — щит, в правую брала ножницы — меч и шла навстречу врагу. Мой враг жался к плетням и заборам, забирался в овраги, прятался по старым ямам, из которых когда-то брали глину или хранили зимой картофель. Но я действовала хитро: выстригая до последнего стебля место, куда потом ставила ногу, двигалась вперед шаг за шагом и оставляла позади себя тонкие пенечки стеблей с прозрачной каплей крапивной крови на срезе. Но крапива не сдавалась без боя: то стебель падал всем своим злым телом на голую выше варежки руку, то, подводя ножницы под густую крапивную чащу, я прикасалась к тыльной, особо жгучей стороне листьев, то вдруг распрямлялось коварно согнутое и не захваченное ножницами растение и ласково проводило по моим ногам, когда я меньше всего этого ожидала. Много было у крапивы всяческих «приемчиков». И хотя с каждым походом я делалась мудрее, бой вела хитрее, все равно редко возвращалась домой без ран и увечий. Крапива мстила мне до последнего своего вздоха: погибая под тяпкой в корыте, она ухитрялась уязвить меня, выстрелив листиком из-под тяпки прямо мне в лицо! Но самым-то страшным было не это! Не ожоги и укусы моей врагини, а то, что она исчезала! Она быстро кончалась вблизи дома, и мне приходилось бегать вокруг совхоза, чтобы найти новый участок, нарезать очередную порцию. Мне самой надо было искать крапиву, чтоб она меня потом жалила!

Дело в том, что в корм поросенку годилась только молодая крапива.

Листья на молодой крапиве круглее и сидят близко друг к другу, поэтому каждый низенький, пушистый побег выглядит кудрявым. Конечно, весной вся крапива молодая, только бери. И брали. И она кончалась. Хоть плачь.

Вот тогда я поняла, что крапива не враг мой, а друг и я даже от него завишу. Но скоро сделала я еще одно важное открытие: пробегая как-то мимо тех ям, где я раньше всего срезала крапиву, я увидела, что ямы заросли снова! Как тесто в квашне, округло и пышно поднялась в ямах молодая крапива, да густо, да сплошняком! Никогда ее тут не было столько. Это моя же стрижка помогла. Каждый срезанный стебелек дал несколько новых отростков, и получилось: что ни куст — круглая, зеленая шапочка.

С тех пор все пошло как по маслу: несколько ям — «плантаций», сменяя друг друга, целое лето поставляли мне отборную — самый сок! — молодую крапиву.

«Ага, выросла, злодейка!» — злорадно думала я, подступая к ней с ножницами.

Зато в другой раз заботливо шептала свежим крапивным пенькам:

— Давай, давай расти, шевелись.

Вот и до сих пор это осталось: увижу шапку молодой крапивы, почую ее щекочущий, пыльный какой-то запах, и опять шевельнется в душе это и хозяйское и враждебное: «Ах, какая крапива! Ууу, кра-пива!»

А старую, будылистую, долговязую крапиву мы с Шуркой пошли однажды бить палками. Искрошили кусты у задней стены нашего хлева, бесновались, орали, и не знаю, как Шурка, а я орала для того, чтобы было повеселей. Но почему-то невесело мне стало, будто меня кто-то заставляет это делать, а делать неохота.

Ну, порубили мы крапиву, пришлось все же перестать орать, остановиться, поглядеть друг на друга и на уничтоженного врага. На врага-то мы глядели, а вот друг на друга — нет. Так, не глядя на Шурку, повернулась я и пошла. И несла с собой, держала перед глазами нехорошую, некрасивую картину: измочаленные, с лохмотьями рваных листьев, волокнистые стебли крапивы — одни повисли, сломавшись, острым углом, будто руки мертвых, другие, вырванные с корнем, зацепились листьями за торчащие длинные будылья. Обрывки листьев, поломанные стебли, метелки цвета валялись кругом. Это мы сделали. Мы ее били, а она ведь никуда не могла убежать. Мне было очень нехорошо, так жалко крапиву. И стыдно. Но по-

Иду на крапивную войну!

чему, почему жалко, почему стыдно? Ведь мы с Шуркой рвем для наших коров «березку», молочай, лесную траву, ту же крапиву?!

Грядки пропалываем — и вянет, жухнет возле грядок дурная, ненужная трава — так ведь даже и не думаешь о ней, будто она и не была живой и красивой.

Нет, никогда мне не приходилось жалеть сорняки... А тут крапива...

Больше мы с Шуркой никогда не звали друг дружку крапиву бить. Наверно, и ей, Шурке, было стыдно тогда... Хорошая все-таки Шурка. Жалко, что мы поссорились... Хоть она сама виновата. И ей, наверное, сейчас еще хуже, чем мне. Я все-таки не виновата. А она вспоминает, как меня дразнила, и мучается. Стыдно ведь, когда виновата. Вот и с крапивой мне было стыдно. И вдруг в голове моей ясно — как черные буквы по белой бумаге — возникли слова: «Крапива была не виновата». И они росли, эти буквы: «КРАПИВА БЫЛА НЕ ВИНОВАТА!»

Я даже перестала набивать свою корзинку и распрямилась, с удивлением глядя вокруг: будто кто-то подсказал мне эти слова. Да, да! Крапива росла за нашим хлевом и никому не мешала. Мы к ней пришли, мы к ней пришли с палками... Вот почему нам было и неловко и стыдно. И мы орали, когда били крапиву, чтобы не слышать этот стыд в себе!

Я быстро настригла крапивы и побежала домой, решив сегодня же найти Шурку и помириться, чтобы она не мучилась больше. И чтобы мне тоже стало лучше жить.

Но на двери Шуркиной квартиры, на двери, выскобленной и вымытой до цвета сливочного масла, ярко чернел замок. Наверное, к бабушке уехали. В другую деревню.

Помирились

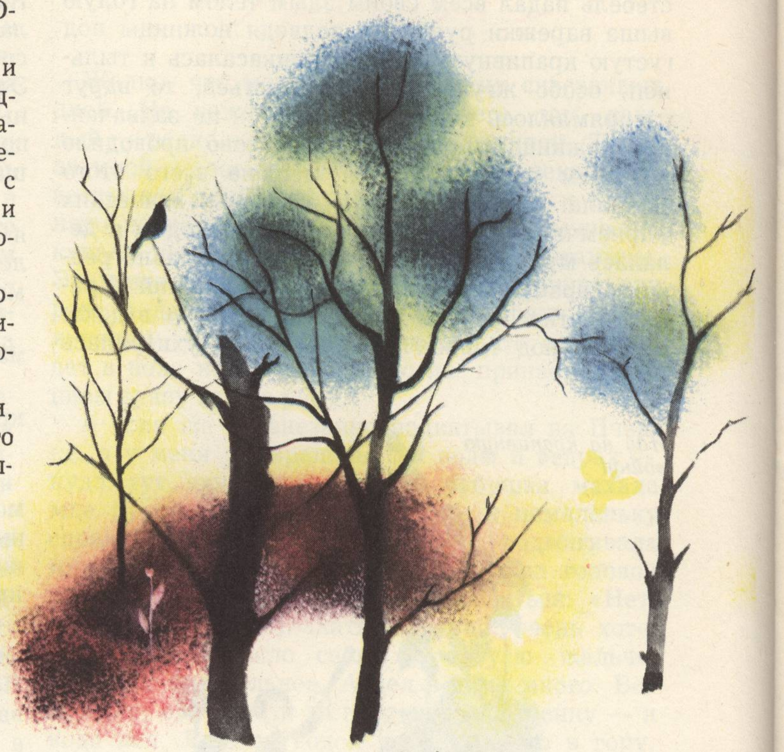
Почему-то мне казалось, что все неудачи начались после нашей с Шуркой ссоры.

Может, даже мы бы тогда и в «Артеке» нашли чего-нибудь, если б еще копали — уж так теперь думала я, хотя что могло найтись в сплошной глине? Но я думала так и ходила, описывая восьмерки вокруг тополей перед домом, а они шумели и укоризненно и важно покачивали вершинами. Может, они бы помогли мне, если бы умели говорить или если бы я понимала их думы? Я ходила и останавливалась возле каждого дерева, прижимаясь щекой к стволу, вслушиваясь в его живое движение, но не понимала, о чем этот шелест, дрожь и поскрипывание. Понимала лишь, что тополя недовольны. Вот если бы помириться с Шуркой! Я села на скобленое Шуркино крылечко и, как ни была занята своим горем, заметила, что замок с двери исчез.

Не успела я сообразить, кто же это у них дома, как дверь распахнулась и даже небольно задела меня. Шурка собственной персоной стояла, уцепившись обеими руками за ручку, будто хотела тут же ее захлопнуть. Она прикрывалась дверью, как щитом, и в то же время с готовностью выглядывала из-за нее.

— Не больно? — Голос у Шурки прямо медовый! Что тебе Лиса Патрикеевна!

Я поняла, что она притворяется, но все рав-

но была ужасно рада! И я отвечала сколько могла равнодушно:

— Да нет, не больно. Я и не знала, что ты дома.

— Ага! Утром меня с Андрюшкой от бабушки привезли на попутной лошади! А то, правда, не было. А ты с тех пор, — спрашивает Шурка, безжалостно намекая на тот день, — с тех пор дома? Не уезжала?

— Да не уезжала я, вот еще! Ты мне вот что сразу скажи: ты помнишь? — пристально, «сильно» гляжу я на Шурку.

И, понизив голос, она говорит торжественно:

— Помню! Надо искать!

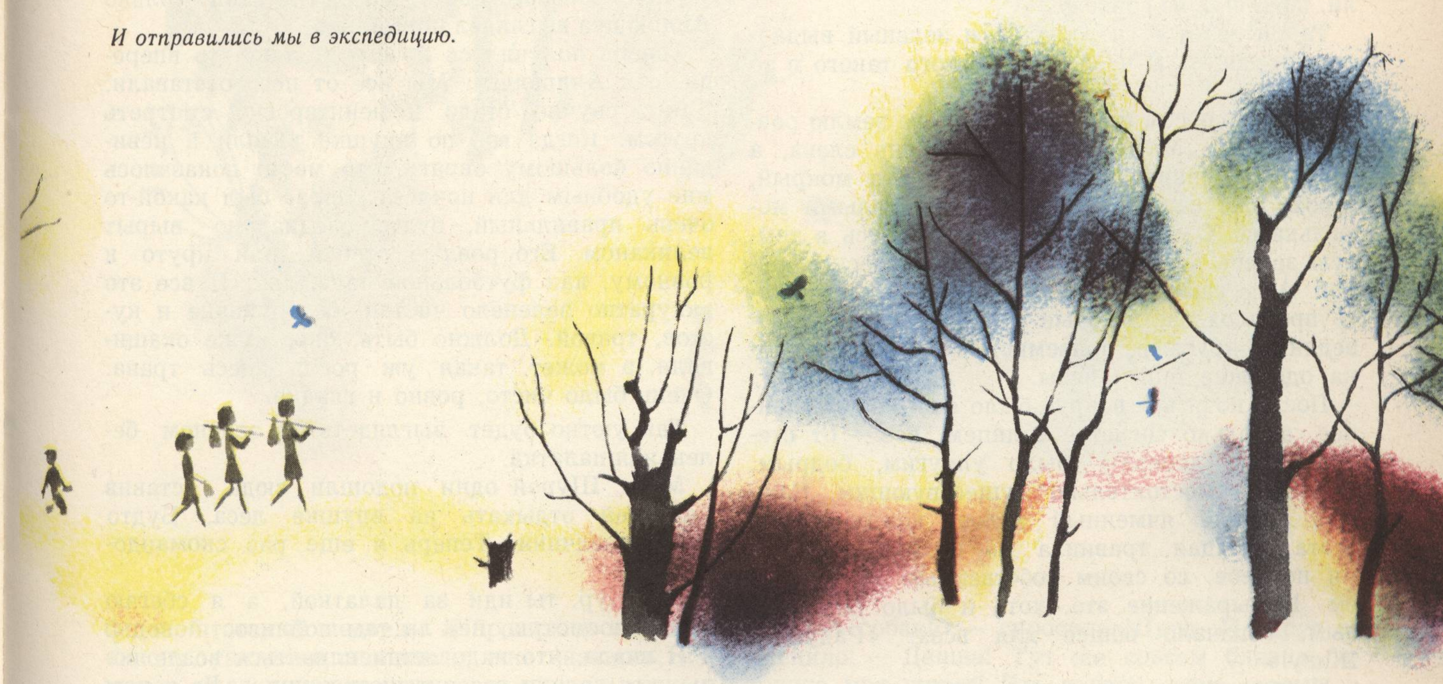
— Шурка, — говорю я грустно, — здесь мы, видно, ничего не найдем. Надо идти в экспедицию.

Экспедиция

Мы обо всем договорились очень быстро, даже удивлялись потом, чего так долго тянули, не решались. Давно бы... Собрались однажды утром в саду Шурка, Ася, я и Андрюшка Шуркин. Его приходилось брать с собой, потому что не с кем было оставить дома. А ему только пять лет. «Он, когда один, может такого натворить, — говорит Шурка. — А со мной смирный!» Это правда. С нами Андрюшка смирный и неотвязный. Куда бы мы ни пошли, он бежит и бежит следом. Не отстанет. Но он нам не мешал, не ныл. Будто и нет его. «Пусть идет», — решили мы на последнем совете. В нашем саду на корнях большой березы, изогнутых удобно, будто нарочно для сидения, собрались мы, чтоб окончательно все решить.

И отправились мы в экспедицию.

И еще мы учим Асю. Мне лень учить Асю, хочется просто подумать, помечтать. Но надо.

— Ты никому не говори про это, знаешь, Ася? А то нас не пустят! Если твои узнают, представляешь, что нам будет?!

— Я скажу, что мы завтла никуда не пойдем! — обещает Ася.

— Да, господи! — нервничает Шурка. — Ничего не говори! Ни пойдем, ни не пойдем. Понятно?

— Понятно. А если сплосят, что, обманывать?

— Так ведь как же спросят? Они ж не знают, про что спрашивать, поняла?

— Ага, — совсем тихо говорит Ася.

— Ну, ладно, — вздыхает Шурка, — давайте кто что принесет. Я картошки и яичек могу.

— Хлеб пусть каждый возьмет, — это я говорю. — Я еще масла принесу, зеленого лука.

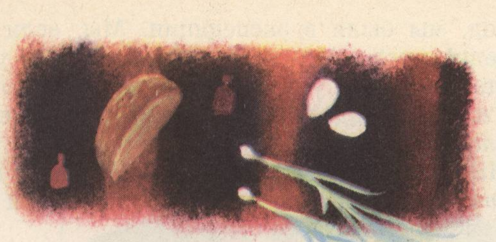
— А я молока или сливок, — говорит Ася.

Утром мы собрались у Шурки — у них никого дома не было, завязали припасы в узелки из головных платков. Шурка еще взяла старый марлевый полог от люльки, в которой раньше спал Андрюшка. Из этой марли мы сделали палатку на ночь. Картошку пришлось оставить, потому что в узелке она занимала много места и тяжелая была.

Но вот пришла Ася. Мы, взглянув на ее припасы, долго не могли решить, смеяться нам или ругаться. Ася принесла два пузырька из-под борного спирта — один с молоком, другой со сливками, кусочки хлебца со спичечную коробку, несколько морковок, похожих на мышиные хвостики, и горсть леденцов.

— А-а-ся... — только и сказала я.

— Я бабушку поплосила: «Дай мне для иглы плодуктов». Она и дала. Я ведь не могла сказать, что это в поход. — Виноватая Ася была вся малиновая, в глазах слезы. Нам ее стало жалко.

Экспедиция

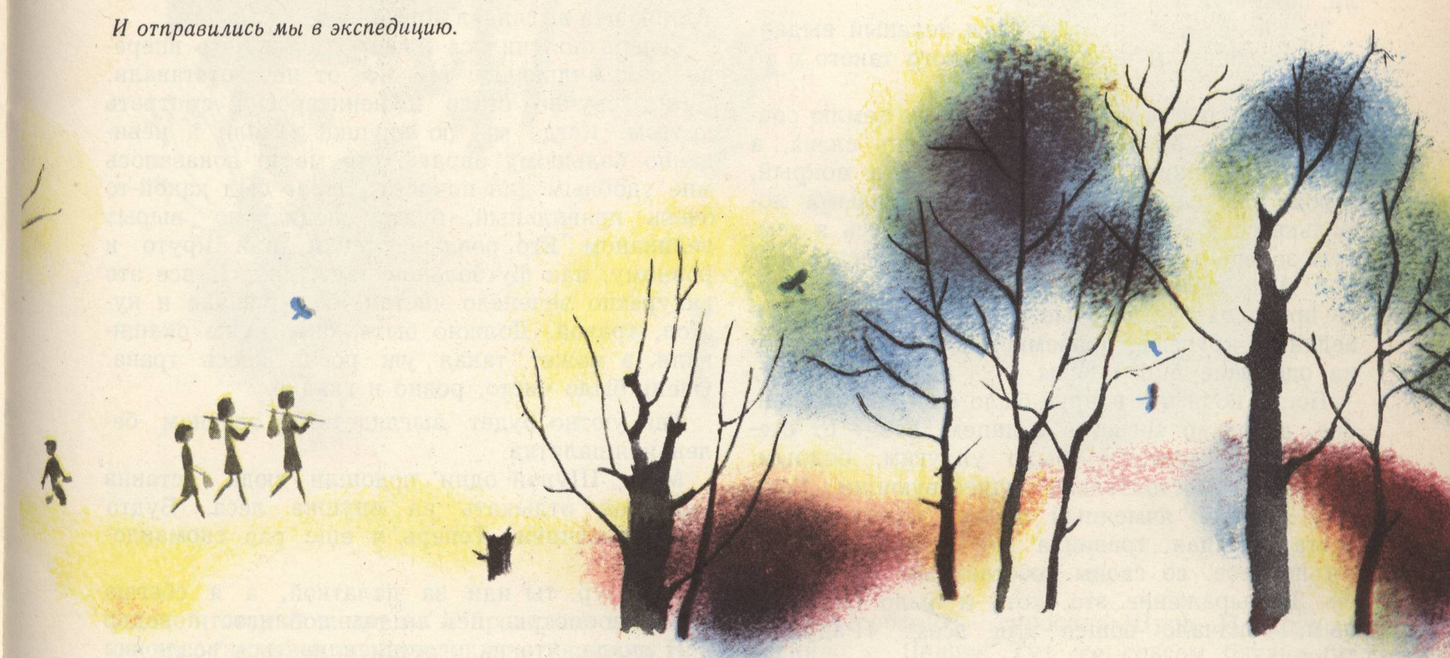
Мы обо всем договорились очень быстро, даже удивлялись потом, чего так долго тянули, не решались. Давно бы... Собрались однажды утром в саду Шурка, Ася, я и Андрюшка Шуркин. Его приходилось брать с собой, потому что не с кем было оставить дома. А ему только пять лет. «Он, когда один, может такого натворить, — говорит Шурка. — А со мной смирный!» Это правда. С нами Андрюшка смирный и неотвязный. Куда бы мы ни пошли, он бежит и бежит следом. Не отстанет. Но он нам не мешал, не ныл. Будто и нет его. «Пусть идет», — решили мы на последнем совете. В нашем саду на корнях большой березы, изогнутых удобно, будто нарочно для сидения, собрались мы, чтоб окончательно все решить.

И еще мы учим Асю. Мне лень учить Асю, хочется просто подумать, помечтать. Но надо.

— Ты никому не говори про это, знаешь, Ася? А то нас не пустят! Если твои узнают, представляешь, что нам будет?!

— Я скажу, что мы завтла никуда не пойдем! — обещает Ася.

И отправились мы в экспедицию.

— Да, господи! — нервничает Шурка. — Ничего не говори! Ни пойдем, ни не пойдем. Понятно?

— Понятно. А если сплосят, что, обманывать?

— Так ведь как же спросят? Они ж не знают, про что спрашивать, поняла?

— Ага, — совсем тихо говорит Ася.

— Ну, ладно, — вздыхает Шурка, — давайте кто что принесет. Я картошки и яичек могу.

— Хлеб пусть каждый возьмет, — это я говорю. — Я еще масла принесу, зеленого лука.

— А я молока или сливок, — говорит Ася.

Утром мы собрались у Шурки — у них никого дома не было, завязали припасы в узелки из головных платков. Шурка еще взяла старый марлевый полог от люльки, в которой раньше спал Андрюшка. Из этой марли мы сделали палатку на ночь. Картошку пришлось оставить, потому что в узелке она занимала много места и тяжелая была.

Но вот пришла Ася. Мы, взглянув на ее припасы, долго не могли решить, смеяться нам или ругаться. Ася принесла два пузырька из-под борного спирта — один с молоком, другой со сливками, кусочки хлебца со спичечную коробку, несколько морковок, похожих на мышиные хвостики, и горсть леденцов.

— А-а-ся... — только и сказала я.

— Я бабушку поплосила: «Дай мне для иглы плодуктов». Она и дала. Я ведь не могла сказать, что это в поход. — Виноватая Ася была вся малиновая, в глазах слезы. Нам ее стало жалко.

— Ладно, я больше хлеба возьму.

Шура отрезала еще ломоть хлеба от целого кирпича.

И мы пошли, надев узелки на палки, палки положив на плечо. Андрюшка нес свернутую «палатку».

Мы пошли, не зная куда, в какую сторону, не зная, как мы будем искать эти полезные ископаемые. Да мы и не думали как. Надо было идти, ночевать в палатке, устраивать привалы, делать дневки. Все эти замечательные слова, знакомые по книгам, были прекрасны и сами по себе. Вот только в какую сторону идти? К оврагам? Там все известно. В лес? Тоже знакомая дорога.

— Пошли туда, где живет моя бабушка, мы туда никогда не ходили. Во-он туда! — Шурка махнула рукой в ту сторону, где стояла наша школа. Мы обрадовались: правильно, мы туда еще не ходили.

Нас никто не встретил, и мы никого не видели, пока шли по совхозу.

Такой золотой, и голубой, и зеленый выдался этот денек! Я не помню другого такого в то лето.

Дорога, совсем безлюдная, делила землю ровно пополам. Матово зеленел ячмень слева, а справа кудрявился блестящий, будто мокрый, горох, уже зацветающий слабыми белыми мотыльками. Оба светлых поля упирались в темную зелень нешироких, но длинных лесных полос. А по самому полю тут и там застыли, будто врасплох застигнутые солнцем, лесные разведчики: круглые, приземистые кусты ракитника, одинокие липы и вязы.

После ночи все вокруг было еще не утомленное, а только согретое солнцем, все — от стебелька до дерева — было упругим, бодрым, живым, самостоятельно существующим. Каждый усатый ячменный колос, каждый куст осота, каждая травинка на меже были сами по себе, со своим собственным выражением. И выражение это, хоть и было собственным, означало общее для всех: «Радуюсь! Живу!»

И эта радость и напряжение общей жизни передавались воздуху: он дрожал над полем, в нем виделись стеклянно-плотные, прозрачные струи, они текли волнами вдаль и в то же время вверх, все поднимаясь. Верхние волны растворялись в глубине неба, но снизу, не прерываясь, подступали и подступали новые, рожденные землей и зеленью.

Небо, напитавшись этими теплыми, прозрачными потоками, гасило их стеклянный блеск в своей лазури, и лазурь от этого теплела, таяла, стекая к горизонту легкой молочно-голубой дымкой.

И все это было только для нас, потому что никого вокруг не было, если не считать звучащую точку жаворонка в вышине.

Мы тоже, как ячмень, как трава, как горох и деревья, как дрожащий воздух, чувствовали себя самостоятельными, сильными. Мы шли в поход, мы были в экспедиции. Мы, если б захотели, могли бы разбить палатку вон у того куста или в лесу и пожить сколько хочется. Но нам надо идти. Вот скоро, на той меже, мы сделаем привал.

На густой и короткой, упругой, словно ковер, траве мы и расположились. Тут были и деревья, но мы сели на солнышке.

Мы быстренько опорожнили Аськины пузырьки, всем — по капле. Съели яйца с маслом и хлебом.

Дальше идти будет совсем легко. Остался только хлеб да лук. Мы побродили по гороху, надеясь найти хоть несколько стручков, но было еще рано. Уговорились, что вернемся сюда, когда горох поспеет.

Становилось жарко. Нас размаривало. На носу Аси высыпали мелкие капельки пота. «У Аськи нос потеет!» — хохотали мы. А щеки у нее стали какими-то сизыми, будто помазанные свекольным соком. Шуркино же лицо было парного розового цвета, как после бани. Только Андрюшка выглядел нормально.

Теперь получилось почему-то так, что впереди шел Андрюшка. Мы все от него отставали. Как-то скучно стало и неинтересно смотреть кругом. Когда мы по опушке вышли к невиданно большому оврагу, это место показалось мне удобным для ночлега. Овраг был какой-то очень правильный, будто специально вырыт великаном. Его ровные стенки шли круто к ровному, как футбольное поле, дну. И все это аккуратно зеленело чистой, без бурьяна и кустов, травой. Должно быть, овраг уже окашивали, а может, такая уж росла здесь трава. Очень было чисто, ровно и гладко.

Так уютно будет выглядеть на зеленом беленькая палатка.

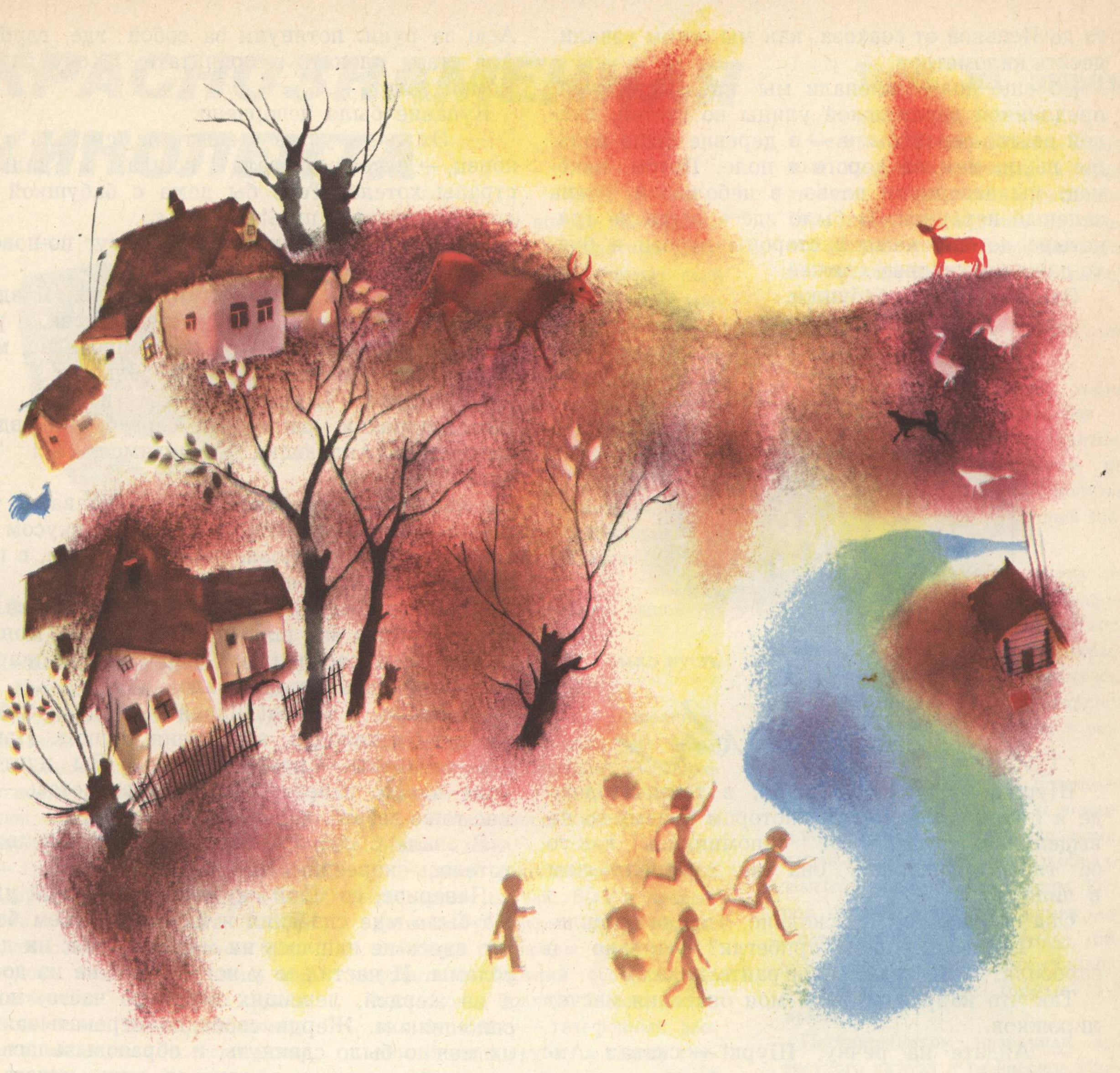
Мы с Шурой одни подошли сюда, оставив малышей отдыхать на опушке леса. Будто мы разведчики. Теперь я еще раз скомандовала:

— Шур, ты иди за палаткой, а я сбегаю вниз, посмотрю, нет ли там поблизости воды.

Я знала, что надо останавливаться возле воды, так делали все путешественники. Да и нам уж давно хотелось пить. Шура ушла, а я побежала вниз, кожаные сандалии, отполированные травой, поехали сами, и я, присев на корточки, только придерживалась руками, чтоб не потерять равновесия. Вот я и внизу. У-у! Как высоко вдруг поднялось небо! Как тихо здесь и пустынно! Не видно было даже леса над зелеными стенами, ни полей и увалов по ту сторону. Только широкое дно да ровные, без кустика, склоны, как зеленые стены. И небо над головой пустое, без облаков, только солнце, как пустой белый глаз, молчаливо, тоже невесело смотрит на меня.

Мне стало не по себе. Я почувствовала себя крошечной, потерянной, оставленной. Одной в целом мире.

На память пришел Уэбб, серый медведь из повести Сетона-Томпсона. Скользнул образ долины смерти, куда отправился умирать

— Речка! Речка! Ура!

больной, старый медведь. Я бросилась вверх по склону, сандалии скользили, мне казалось, какая-то сила тянет меня назад, вниз, словно я тонкая иголка, а внизу — магнит. Тогда я скинула сандалии, и босые ноги гибко, легко вознесли меня к жизни и Шурке. Она подходила, размахивая белой тряпкой, как флагом. Мы капитулировали.

— Шура, — как ни в чем не бывало сказала я, — там нет воды. И вообще ничего нет. Ни кустика. Как мы поставим палатку?

— Да-а, палатку, — насмешливо протянула Шура, — такую палатку одной каплей дождя промочит. А как мы ляжем? На голую землю? Бабушка моя знаешь, что говорит? Кто на голой земле уснет, того земля в себя всосет. Во! — Шурка поджала губы, как тетка Анна.

— Ну и домой тоже ведь идти неохота. Все смеяться будут, скажут, путешественники сопливые. Может, здесь где деревня есть, там заберемся ночью к кому на поветь, а?

— А собаки? — спросила Шура. И вдруг ее осенило: — Дашка! Тут же совсем близко бабушка моя живет! Эта дорога — она прямо в Пеньки ведет! В нашу деревню — там моя мать родилась. Э-эх! Вот здорово! К бабушке пойдем?!

— Пойдем, — сказала я, делая вид, что не очень рада: шли путешествовать, а придем к бабушке в гости, нате нас, — кормите пирожками.

Но в глубине души меня словно отпустила какая-то щемящая, напряженная пружина: где мы будем ночью? Как Аська и Андрюшка? Аська еще заноет. Мы-то с Шуркой люди закаленные, а Аська директорская дочь да маленькая к тому же. Букву «р» не умеет говорить.

— Пойдем, — сказала я еще раз и вздохнула.

Эту часть пути мы, наверное, прошли быстро. Дорога, поворачивая от леса, шла легонько под уклон. И было тут километра четыре. Все-

го до Пеньков от совхоза, как мы потом узнали, десять километров.

Но еще долго шлепали мы вдоль длинной-предлинной деревенской улицы по густой, пухлой светло-серой пыли — в деревне было больше пыли, чем на дороге в поле. Потом, наконец, мы завернули влево, в небольшой, очень зеленый переулок. И было здесь всего по три-четыре дома с каждой стороны дороги и будто даже прохладнее, свежее.

Здесь стоял дом бабушки.

В Пеньки

Шурина бабушка высокая, в темной одежде и с темным лицом, на котором почему-то не выделялись глаза. Не запомнились как-то ее глаза. Наверное, она не смотрела нам в лица.

Она не удивилась нисколько, что мы пришли.

— Что, сами-одни прибегли? — только и спросила. — Ну, идите поиграйте пока.

Так что напрасны были мои опасения насчет пирожков.

— Айдате на речку, Шурк! — сказал Андрюшка.

Мы сразу и про голод забыли.

— Эх, у вас речка есть?! Скорей!

Мы сорвали платья и, ничего не видя и не помня от восторга, бросились в воду.

Что может быть отраднее после долгой, пыльной, жаркой дороги? Кожа, словно бы иссохшаяся, саднящая от зноя, расслабляется от прохладного, некончающегося прикосновения влаги, дышится глубоко свежим, волглым речным воздухом, пылающее лицо остывает, все тело делается легким, невесомым и в то же время вода сковывает движения, — оттого, как бы ни прыгал, как бы в воде ни бесился, ты будто плавно танцуешь. Мы тоже устроили танец. Наш танец можно было назвать «утопление комара». Комаров почти не было. Но все-таки находились любители и садились нам на плечи, на руки.

Мы хватали друг друга и старались окунуть так, чтобы утопить комара. Крик и визг стоял над запрудой.

Вот на Асино пухлое, смуглое плечо сел комар.

— Топи его! — закричали мы и, схватив Асю за руки, потянули за собой где глубже. Ася стала плакать и причитать: «Хочу домой! Домой хочу!»

Купание было испорчено.

— Эх ты, — устав утешать ее, сказала я наконец, — путешествовать пошла, в дальние страны хотела! Тебе бы дома с бабушкой сидеть да сливочки пить!

— Да-а-а-а, есть хочется! — вдруг по-новому запричитала Ася.

И тут мы все поняли, что голодны. Я вдруг ощутила, что моя голова уже не голова, а раскаленный шар, в котором что-то противно, мелко дрожит, причиняя сильную боль.

— Айдате, Шурка, я вам покажу, где тут козловник растет и сергубица, — вдруг пропищал Андрюшка. — Наедимся, во! Там полно!

Сергубица была самая вкусная трава из тех, которые едят. Ее мясистый стебель вкусом напоминал редиску. Козловник был слаще, с пряным морковным привкусом.

Мы предпочитали сергубицу. Андрюшка повел нас. Пока мы шли в гору от реки, моя голова совсем расклеилась, лицо пылало жаром, губы запеклись, поташнивало.

— Шурк, а Шурк! Давай я пойду к бабушке, лягу в холодок, а то меня тошнит. Наверное, от жары, — попросила я. — Вы идите, а я на поветь залезу, вы когда вернетесь — ко мне тоже лезьте, ладно?

Я звала с собой Асю, но она не пошла: ей хотелось скорее поесть.

Наверное, со мной случился солнечный удар. Не было мне спасения и на повети. Тем более что здесь не нашлось ни мягкого сена, ни даже соломы. И настил-то у повети был не из досок, а из жердей, лежащих довольно часто, но не сплошняком. Жерди свободно перекатывались, их можно было сдвинуть, и образовывалась порядочная дыра, провалиться вниз ничего не стоило.

Я легла поперек них лицом вниз, уткнув голову в руки — так было помягче, — и замерла, стараясь унять боль в голове и боясь уснуть: уснешь и провалишься. Пахло сенной плесневелой пылью, снизу, со двора чуть долетал теплый, живой дух коровы, молока. Мне казалось, что если б коровой пахло сильнее, мне было бы легче. А так в этом едком, щекочущем нос запахе становилось все хуже. Стояло перед глазами белое солнце, белые блики на воде дробили его в осколки; потом красное марево, красное-красное затопляло все, и этим красным была набита и моя голова, оно билось мягкими, сильными толчками, и болело, болело, это красное. Наверное, я все-таки забылась, потому что когда открыла глаза, передо мной уже сидели Ася и Шура и чистили сергубицу. Рядом с моей головой лежала ее целая куча.

— Ешь, — сказала Ася.

— Я скоро умру, — прошептала я.

— Ешь, — сказала и Шура, — ты поешь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

КРАСНОЗНАМЕННАЯ КИНОЛЕНТА

Месяц в теплушке

В теплый осенний день 1921 года из Костромы вышел товарный поезд. Дорога на юг была трудной и опасной.

На одном из безлюдных разъездов поезд остановился. Двое парнишек выскочили поразмяться и замерли в удивлении:

— Гляди, пишет!

Дверь специального вагона-теплушки была приоткрыта. Рыжий большелобый человек что-то быстро писал, низко склонившись над сколоченным из старых досок, шатким столом. Быстроглазый мальчишка заглядывал в исписанные листы. На столе рядом с деревянной кобурой лежал маузер. В середине вагона торчала пузатая чугунная буржуйка с трубой, выведенной в верхнее оконце.

В этом вагоне ехал с семьей Павел Андреевич Бляхин, ответственный секретарь Костромского губкома РКП(б), член партии с 1903 года.

Он спешил в город своей революционной юности, Баку, на новую партийную работу. Здесь Бляхин мечтал продолжить и свою работу писателя. Он задумал приключенческую повесть о юных героях гражданской войны. Ему хотелось рассказать о двух ребятах — о Мише и Дуняше, которые мстят махновцам за смерть своего отца-крестьянина, об их друге китайчонке Ю-ю. Миша, Дуняша и Ю-ю рисовались Бляхину отличными конниками, гимнастами, фехтовальщиками и меткими стрелками. Они отчаянно дерутся с врагом, ловко ускользают от погони, выкрадывают у противника секретные документы. А потом совершают свой главный подвиг: похищают атамана Махно и в мучном мешке доставляют его в лагерь Буденного.

Дома писать было некогда, и Бляхин начал увлеченно работать над повестью в пути, писал карандашом на обрывках серой оберточной бумаги.

Бляхин встал из-за стола, подошел к бочке, где хранились запасы еды: квашеная капуста и соленые огурцы.

— Ну как, правильно, сынок? — спросил он.

— Правильно, пап. Только пусть Мишку Ю-ю спасет!

— Ладно... Будет, дьяволенок, по-твоему... А знаешь, мы нашу повесть так и назовем: «Красные дьяволята».

— Папа, расскажи, как ты с Махно воевал!

— Долго рассказывать! Ну, вот тебе один случай. Был я председателем Губревкома на Екатеринославщине. Однажды приезжаю с фронта в барский особняк, где жил. Холод волчий! Только растопил буржуйку — телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу гнусавый голос: «Бляхин, это вы? Под утро буду у вас. Говорит Махно. Ждите». Приготовился я встретить гостя, да струсил, видно, атаман. Ну, спи.

Стук колес, скрип вагонов, лязг буферов, громкая перебранка на крыше — все это доносилось откуда-то издалека. В воображении Бляхина огромным шаром всплывало тревожное солнце, неслись с шашками наголо червонные казаки, свирепый махновец бросал Мишу в бурные воды Днепра, а черноволосая, гибкая Дуняша проникала в лагерь врага, выдавая себя за сына казачьего старшины.

Прошел месяц. За окном вагона показались желтые скалы, поросшие пыльным кустарником, замелькали деревянные нефтяные вышки «черного города». А на самодельном столе в теплушке, рядом с потухшей керосиновой лампой, уже лежала черновая рукопись повести «Красные дьяволята».

Путь на экран

Осенью 1922 года повесть «Красные дьяволята» вышла в издательстве «Бакинский рабочий». Она очень понравилась не только детям, но и комсомольцам. Те предложили «пустить» ее на экран.

В середине октября Бляхин приехал в Тифлис.

Павел Андреевич долго ходил по городу, вспоминал, как в 1904 году его, восемнадцатилетнего революционера, провели по этим улицам под конвоем конных драгун и посадили в мрачный Метехский замок...

Потом отправился к одному из вожаков грузинского комсомола — А. Г. Мискину. Комсомольцы восторженно слушали рыжего вихрастого человека, когда он, волнуясь, рассказывал им о своем будущем фильме и даже размахивал в воздухе воображаемой саблей.

Мискин обратился за помощью к руководителям партии и комсомола Закавказья. Серго Орджоникидзе и Николай Чаплин одобрили замысел фильма. Командарм Егоров обещал дать для съемок лошадей, оружие из арсенала, обмундирование с воинских складов, а главное, конные отряды 11-й армии.

Постановщиком назначили известного актера и режиссера Ивана Николаевича Перестиани.

Отважная тройка

Перестиани давно мечтал сделать захватывающий фильм о гражданской войне. Поэтому так обрадовала его встреча с книгой Бляхина. Иван Николаевич несколько раз перечитал текст сценария «Красных дьяволят», и его сразу потянуло на съемочную площадку: так хотелось показать на экране вихрь увлекательных приключений, стремительную смену событий. Но где найти смелых и азартных актеров на роли «красных дьяволят»? Действие фильма требовало от актеров мужества, ловкости, даже риска. Режиссер хотел, чтобы исполнители ролей юных буденновцев все делали сами, без дублеров, без страховочных сеток и поясов.

Мысли Перестиани обратились к цирку. Цирк он любил с детства, в юности чуть не ушел в партнеры к известному клоуну Максу.

«Вот бы ввести в фильм несколько цирковых номеров, чтобы показать мужество «дьяволят»! — подумал режиссер.— А с помощью клоунады можно высмеять махновский сброд...»

Перестиани отправился в Тифлисский цирк. На арене работал ловкий коверный клоун в огненно-рыжем парике и широченных клетчатых штанах. В цирке он звался Пач-пач, а в жизни — Павлушей Есиковским. Клоун отлично ходил на руках, легко прыгал на спину мчащейся лошади и очень забавно спорил со своим партнером по манежу. На проволоке выступали в тот вечер сестры Жозеффи. Перестиани очень понравилась младшая, Соня — рыжеватая, крепкая девочка лет шестнадцати: она легко танцевала на проволоке и весело улыбалась публике. Во втором отделении было торжественно объявлено:

— Чемпион Африки! Непобедимый Том Джексон!

На арену стремительно выбежал широколицый молодой негр, гибкий и мускулистый.

«А что, если заменить китайца негром? — подумал Перестиани. — Все равно китайца в Тифлисе не найти, а гримировать трудно».

Он представил себе Пач-пача, Соню и негра в буденовках, верхом на лошадях и решил пригласить их на главные роли в фильме.

Павлу Есиковскому тогда исполнилось двадцать два года, на манеже он выступал с пяти лет. В юности он увлекся верховой ездой, занимался акробатикой и, наконец, стал любимцем публики — коверным клоуном. Соне Жозеффи шел семнадцатый год. Она родилась в цирковой семье, на арену вышла в три года. В восемь лет девочка уже «крутила» сальто, а к четырнадцати освоила танцы на проволоке. Африканец Кадор-бен-Селим, негр из Марокко, был старше и опытнее своих партнеров. Он гастролировал в России с группой акробатов. Когда в стране началась Октябрьская революция, хозяин труппы и многие артисты бежали за границу. Кадор-бен-Селим остался в революционной России и выступал в цирках Риги, Харькова, Самарканда, Алма-Аты. Осенью 1918 года он ушел добровольцем в Красную Армию прямо с арены цирка. Сказал всем, что хочет драться «за свободу угнетенных и негров».

Однажды во время боя негр повредил ногу и упал около разбитого снарядного ящика. Когда подошли белые, Кадор притворился мертвым.

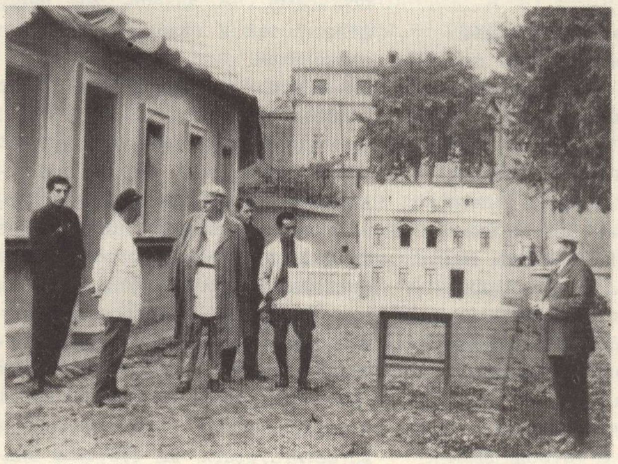
В фильме «Красные дьяволята» есть такая сцена: негр Том Джексон ложится на дорогу и притворяется мертвым. Вражеский обоз останавливается. И тогда из засады выскакивают Миша и Дуняша. Они убивают урядника, а остальных берут в плен. Легко догадаться, что в этих кадрах режиссер по-своему рассказал случай из фронтовой жизни красноармейца Кадор-бен-Селима.

Первые кадры фильма были сняты 27 февраля 1923 года. Трофейное обмундирование, сафьян для обуви, офицерскую портупею — все это пришлось покупать на толкучке. Сам Перестиани принес на студию свой цилиндр и тропический шлем. У какого-то матроса он выпросил форму. В ход пошли тулупы, свитки и даже старая немецкая каска. Режиссер хотел, чтобы махновцы в фильме выглядели пестрой, смешной и неорганизованной массой. Палач Адольф Попельман появляется на экране в форме австрийского офицера, в черных очках и перчатках, с веревкой на шее. Второй палач у Махно щеголял в вильгельмовской каске с большим шишаком.

Тому Джексону сейчас нелегко!

Так в двадцатые годы выглядела съемочная площадка

Транспортом съемочную группу обеспечили шефы — закавказские комсомольцы.

Выручает Красная Армия

С помощью командарма Егорова режиссер нашел портрет Махно, но актера на эту роль все еще не было. Перестиани совсем измучился. Однажды (съемки фильма уже начались) он встретил своего знакомого В. А. Сутырина. Это был девятнадцатилетний заместитель начальника Политуправления 11-й армии. Сутырин всегда охотно помогал кинематографистам. Пере-

стиани заговорил о своем фильме, но замолчал на полуслове, отошел в сторону и впился глазами в Сутырина:

— Знаете, Владимир Андреевич, вы могли бы недурно сыграть Махно!

Сутырин попробовал отшутиться:

— Ну какой же я Махно? Да никто меня не отпустит из армии!

— А если бы отпустили?

— Разрешите сыграть эту роль Сутырину. Подходит, поверьте мне.

— А что он, отказывается?

— Говорит: не отпустят из армии.

— Ну и хитрец! — улыбнулся Егоров.— Почему же? Можем и отпустить.

Актеры смело работали в трудных и опасных сценах. Соня Жозеффи научилась ездить верхом,

Тысячи ребячьих писем полетели С. М. Буденному, П. А. Бляхину, И. Н. Перестиани, актерам.

Текстильщики из далекого города Гусь-Хрустальный привезли в Тифлис красное знамя и торжественно вручили его создателям фильма.

Понравился фильм поэтам Н. Асееву и В. Маяковскому. Нарком просвещения А. В. Луначарский сказал: «Дьяволятам — Жо-

Первые кадры фильма были сняты 27 февраля 1923 года.

«Красные дьяволята» — три юных богатыря революции.

Утром на следующий день Сутырин и Перестиани пришли к Егорову.

Командарм приветливо встретил их.

— Здравствуйте, здравствуйте! Опять скажете, что фильму нужны лошади, обмундирование, войска? Все будет в порядке, товарищи! Холостые патроны, форменную одежду, старое трофейное обмундирование можете получить хоть завтра на складах. И лошадей дадим. Ну как, все?

— Еще не все, Александр Ильич,— сказал Перестиани.— Не могу найти актера на роль Махно.

Егоров поднял густые дуги-брови.

— А я здесь при чем?

вместе с Есиковским прыгала с одной крыши вагона на другую. Махновец бросал Мишу в море с высокой скалы, и Павел летел вниз, как заправский ныряльщик. Спасаясь от преследователей, Миша, Дуняша и Том Джексон переправлялись на канате через глубокий овраг. Не обошлось без «производственной травмы»: спускаясь по канату, Соня сильно поранила ладони рук.

17 сентября в Тифлисе состоялся общественный просмотр фильма, а в ноябре 1923 года он вышел на экраны страны. Картина вышла с надписью «Издание Заккрайкома комсомола». Шла она с огромным успехом.

зеффи, Есиковскому и Бен-Селиму — выражаю благодарность от имени тысяч русских пролетариев, следящих за их головокружительным искусством».

Картина Перестиани вышла на экран полвека назад. Но миллионы ребят по-прежнему любят ее.

В 1965 году кинодраматург С. А. Ермолинский написал сценарий фильма «Новые приключения красных дьяволят», а юные актеры Виктор Косых и Миша Метелкин дали картине другое название — «Неуловимые мстители».

А. БЕРНШТЕЙН

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

Тимуровцы отряда имени Нины Сосниной Андреевской средней школы Киевской области, Макарьевского района.

Бабушке Василине колхоз построил новый дом. Только невесело ей живется: одиноко, и помочь некому.

Пришли мы к бабушке Василине всем классом. Кто пол подметает, кто за водой побежал, кто в магазин. Девочки по очереди стали бабушке книжку читать. Но работа нашлась не всем, и те, кто остался без дела, обиделись. А Маша Эзерская всех помирила. Она ходила на свиноферму помогать маме и знала, что дел там хватит на сто человек.

С этого дня мы стали дежурить на свиноферме. Навели в клетках у поросят чистоту, постелили свежую солому, накормили. И к бабушке Василине тоже ходить не забывали.

Сидим мы однажды и никак не придумаем, чего бы нам еще хорошего сделать. Вдруг прибегают наши дежурные: беда, поросенок заболел! Мы — за доктором. Все зажмурились, когда он приготовил большущий шприц...

До самого вечера просидели мы над поросенком, пока он не встал на ноги и не повеселел. Срочно утеплили помещение, чтобы больше не было сквозняков. Потом вспомнили, что не закончили собрание, но проводить нам его почему-то расхотелось. Мы поняли, что говорить надо поменьше, а делать побольше и получше.

★

Тимуровцы 5-го класса «Б» средней школы № 1 г. Ворошиловграда.

В нашем тимуровском отряде работает кукольный кружок. Мы много потрудились, чтобы наши выступления были интересными. Сами сшили кукол, сделали ширму-сцену и декорации.

Мы показывали спектакли у себя в школе, а чаще — у себя в классе. Всем они нравились, но зрителей становилось все меньше и меньше: репертуар не обновлялся. Кто-то даже сказал, что мы больше никому не нужны. Печально сложили мы своих кукол в ящик... И вдруг жители улицы Мичурина позвали нас выступить на празднике своей улицы.

Мы никогда еще не показывали более веселого представления. И оказалось, что не время вешать носы. Просто не надо останавливаться на том, что уже сделано.

★

Тимуровский отряд школы-интерната № 8, г. Гадяч, Полтавской области.

Наш девиз: «Стал тимуровцем — не пищи, легкой жизни не ищи!» Мы и не ищем.

Возле школы разбили клумбы, посадили деревья, растим фруктовый сад. На огороде выращиваем тыкву, капусту, свеклу. Урожай собираем немалый.

Осенью морозы начались рано. Колхоз в селе Беленченовка попросил нас помочь убрать свеклу. Трудно было: намерзнешься в поле, а потом еще надо за уроки садиться. Кто-то вспомнил, как однажды Гайдар шел по улице и увидел, что кран вырвало из водопроводной трубы. Сильная струя воды била в кусты роз и сирени, вымывала из-под них землю, она могла уничтожить весь сад. Аркадий Петрович зажал трубу рукой, ему было очень больно сдерживать воду, но, пока ее не перекрыли, он не ушел. И мы тоже не ушли.

С третьего класса наш тимуровский отряд носит имя А. П. Гайдара.

★

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

За что мы любим и уважаем Тимура?

Что значит быть тимуровцем в наши дни?

Чему я учусь у Гайдара и героев его книг?

Это вопросы анкеты, на которую отвечает каждый делегат **ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА ТИМУРОВЦЕВ.** ОН ПРОХОДИТ В ЭТИ ДНИ В АРТЕКЕ.

Мы предлагаем эти вопросы всем тимуровцам. Чтобы никто не остался в стороне, чтобы все тимуровцы, даже находясь за много километров от Артека, могли участвовать в слете, обсуждать вопросы, которые их волнуют.

Ждем ваших писем.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА.

ЗАДАНИЕ ШЕСТОЕ

Ко дню рождения ВЛКСМ украсьте свою школу.

Поздравьте всех комсомольцев с праздником.

Запишите рассказы бывших комсомольцев вашей школы — участников Великой Отечественной войны и тех, кто служит сейчас в рядах Советской Армии.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА • ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА •

ДВЕ КОПЕЙКИ

(Школьное сочинение)

неизвестного автора из тетрадки, которую нашел ТУТ-КАК-ТУТ в парке на скамейке.

Только один Понинковский картонно-бумажный комбинат Хмельницкой области выпускает за год 860 миллионов тетрадей... Вступят в строй новая бумагоделательная машина и автоматическая линия по производству 35 миллионов штук в год.

Из газеты «Известия».

Сегодня у нас сочинение. Я полез в стол за новой тетрадкой и обнаружил, что из двухсот штук, которыми я запасся к первому сентября, осталась лишь одна. Мне даже страшно стало. Я вдруг представил, что живу в Новгороде в одиннадцатом веке и пишу на бересте. Плохо мне тогда бы пришлось. Ведь тетрадки у меня не залеживаются. Из промокашек я сразу же делаю шарики и бросаю в девчонок. По-моему, розовый шарик, застрявший в волосах, выглядит очень красиво.

Вообще-то я аккуратный: с понедельника начинаю новую тетрадку, а уж с начала каждой четверти — обязательно. Смотрю на чистые листы и думаю: «Вот и начинается новая жизнь. Ни одной кляксы не посажу, ни одной ошибочки не будет». Вся бумага у меня на учете. Например, за последние три дня я запустил 34 бумажных самолетика. Сделал 17 пакетов для водяных бомб. Послал Мишке на уроках 153 записки: не нарушать же дисциплину и кричать на весь класс: «Чья сегодня очередь покупать пирожки, твоя или моя?» Провел 12 морских боев на отличной глянцевой бумаге в клеточку. Девять из них выиграл. Из общей тетради сделал маленький блокнотик. Пришлось, конечно, потрудиться. Только с третьей тетради получилось, но зато как приятно вести дневник в блокноте, сделанном своими руками.

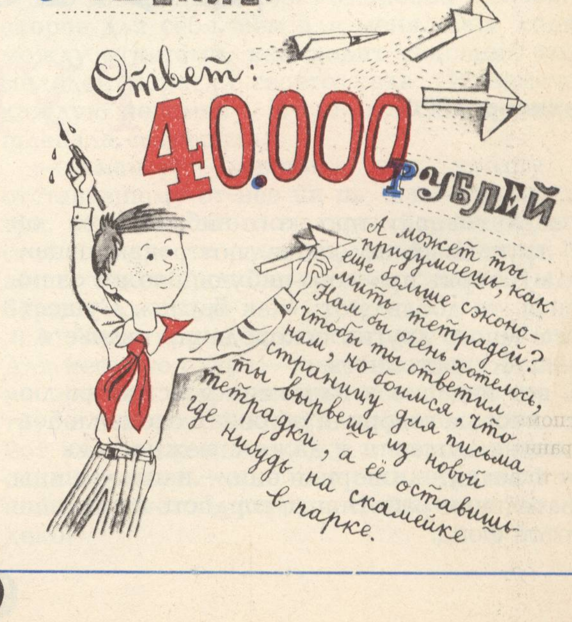
Так что ни один листок даром у меня не пропал...

— Вот, полюбуйтесь,— сказал ТУТ-КАК-ТУТ,—первые три страницы исписаны, остальные чистые. Наверное, автор уже купил тетради и готовит к запуску свой очередной самолет. Пока вы слушали рассказ ребят из Еревана, я быстренько проявился в Министерстве просвещения РСФСР и вместе со Степаном Григорьевичем Броневщуком, заместителем начальника программно-методического управления, составил вот какую задачу:

Условие:

В РСФСР около 24 миллионов школьников. Если один школьник сэкономит один лист, то 12 школьников сэкономят одну тетрадь, которая стоит 2 копейки. Сколько рублей сэкономят 24 миллиона школьников?

Решение:

ЗОЛОТОЕ РУНО

Владимир АРРО

Рисунок В. РУДЕНКО.

Когда говорят про кого-нибудь, что он трусливый, то добавляют: «как овца». Когда говорят про кого-нибудь, что он очень глупый, то добавляют: «как баран». Существует и много других оскорблений овечьего и бараньего достоинства.

А вот недавно в Киргизии я встретил людей, которые говорили об овцах очень любовно, очень душевно и даже с нежностью.

— Овечки,— говорили они,— наши умницы, старательные работницы, гордость наша, наш золотой фонд.

Это было на горе Оргочор, на опытной овцеводческой станции, вблизи Иссык-Куля.

*

Овцеводство в Киргизии — самое древнее занятие. А что человеку еще оставалось делать, если кругом были горы? Киргиз кочевал по горам, двигался вслед за овцами по склонам и узким теснинам в поисках пастбищ. Овца его кормила и одевала. Вся жизнь кочевника и его семьи вертелась вокруг овцы.

Жизнь его зависела от случая. А случаев таких его подстерегало немало. То засуха — пастбища все выгорели, то эпидемия — овцы все передохли.

Кочевник довольствовался тем, что ему давала природа. Как-нибудь воздействовать на нее он не умел. У него и в мыслях этого не было.

*

Овечка и сейчас верно служит человеку. Но посмотрите-ка, сколько мы от нее хотим! Всем (вдумайтесь только — всем!) нужны пальто, брюки, платья, кофты, носки, варежки, одеяла, ковры и многое другое, что делается из овечьей шерсти.

Как же сделать, чтобы каждый человек все это имел?

А только так: шерсти, как и других сельскохозяйственных продуктов, нужно получать во много раз больше и самого лучшего качества.

Но овечка-то ничего этого не знает. Как отдавала раньше три килограмма грубой шерсти, так и теперь отдает. Честно отдает и не возражает. А одну овцу, судя по поговорке, два раза не стригут. То есть стригут, но на следующий год. А нам сейчас надо.

Вот ученые на Оргочорской опытной станции и задумались над тем, как увеличить овечью продуктивность. Как заставить овечку выращивать больше шерсти за год, да такой, чтобы про нее можно было сказать: «золотое руно».

Помните, как древние греки отправились за золотым руном в Колхиду на корабле «Арго»? На пути их стоял злой дракон. С помощью волшебницы Медеи аргонавты похитили золотое руно и привезли его в свою Древнюю Грецию.

Киргизских ученых тоже можно было назвать аргонавтами. Только им не приходилось надеяться на волшебную силу.

*

Ученые наметили себе два пути к золотому руну.

Первым делом, решили они, нужно улучшить овечью породу.

И вот скрестили киргизскую породу с кавказской тонкорунной. Новое поколение, как и ожидали, унаследовало лучшие качества своих родителей: овечки выросли крепкими, выносливыми и с длинной шерстью. Но до золотого руна было еще далеко.

Из нового поколения нужно было отобрать самых достойных представителей, а чтобы понять, кто самый достойный, на каждого претендента заводилось личное дело. В этом личном деле было все как полагается: фамилия (то есть личный номер), дата рождения, кто родители, а также уйма всяких наблюдений. Ученые-селекционеры изо дня в день, много лет подряд следили за тем, как развиваются их питомцы.

Тут все было важно: и прибавка в весе, и размеры, и телосложение, и осанка. Но главное, что интересовало селекционеров, конечно, шерсть. Она должна была быть длинной, густой, тонкой, извилистой, блестящей, особого кремового цвета.

*

На Оргочорской опытной станции я только и слышал: «Это вам расскажет Мария Романовна», «Это вам покажет Мария Романовна», «Вот погодите, придет Мария Романовна».

Как вы уже догадались, Мария Романовна — главный селекционер.

Давно не встречал такого доброго и скромного человека. В стареньком пальто, с сумкой, набитой какими-то тетрадками, Мария Романовна Хомякова скорее была похожа на сельскую учительницу.

Она сразу мне понравилась. А когда она заговорила о своей работе и работе своих товарищей, я еще лучше понял, кто передо мной. Люблю увлеченных людей, без остатка преданных своему делу. Люблю, когда они не хвастаются, но и цену себе знают.

Пятнадцать лет Мария Романовна живет на этой станции. И каждое утро чуть свет уезжает из поселка на гору, в отары. В это утро с нею поехал и я.

На пологой и ровной горе Оргочор только еще намечалась весна. Кое-где лежал талый снег, земля чавкала под ногами, всюду торчали почернелые прошлогодние кустики какого-то злого, колючего растения.

Во дворе, в окружении низких белых строений, и помещалась нужная нам отара. Тучные овцы грудились за изгородью, между ними и в отдалении топали ножками крошечные трехнедельные ягнята.

Вот тут-то я и услышал те самые слова, сказанные с любовью и даже с нежностью:

— Овечки, наши умницы, старательные работницы, красавицы...

Это говорила Мария Романовна и говорила скорее для себя, чем для меня. Она ходила между ягнятами, как ходит садовник возле молодой поросли своего сада. И замечала каждую перемену. И гладила своих ягнят, и шлепала, и трепала.

— Амантур,— говорила она чабану, не отстававшему от нее ни на шаг,— ты посмотри, какой из этого малыша баранчик вырастет, ну просто замечательный! Ножки, видишь, как широко и крепко ставит? Ты его береги, Амантур.

А Амантуру и говорить про это не надо. Для него его отара — самое главное. Ведь это не простая отара, а опытная, и что из его труда выйдет, Амантур хорошо понимает. Вот уже в прошлом году в среднем каждая овца дала чуть ли не шесть килограммов тонкой золотистой шерсти. Слыханное ли это дело!

Для ягнят в углу загородки Амантур устроил специальную столовую. Ровно в назначенный час он дает им по-научному приготовленный обед. В меню входит овсянка, ячмень, витаминная мука, биомицин, соль, которая содержит микроэлементы: и йод, и марганец, и железо. Все понимает чабан, а отец его, тоже чабан, и слов-то таких не знал. Но сын Амантура, Усен, еще больше будет знать, потому что через год кончает среднюю школу.

*

В походе за золотым руном участвовали не только ученые-селекционеры. Ведь мало было вырастить овец новой породы. Чтобы они правильно развивались, чтобы давали шерсть высшего качества, их надо было хорошо и много кормить. А пастбищ в Киргизии не хватает. И те, что есть, тоже не вечны.

Взять хотя бы ту же гору Оргочор. Когда-то на ней росло множество всяких трав и растений. Да это даже и не гора была, а сплошной луг. Вокруг нее кормятся 55 овечьих отар. В каждой отаре 600 овец. Вот эти полчища едоков из года в год и наваливались на эту гору. Что из этого получилось, мне рассказал заместитель директора станции по научной части Борис Александрович Агафонов.

Оказывается, если овца уж начинает есть траву на каком-то лугу, то выедает ее до земли, что называется, под бритву. Корова, скажем, та сантиметра три-четыре оставляет. Овца в этом смысле животное очень старательное. Ну, а знаете, как пасутся овцы? Они далеко друг от друга не отходят. Копытца у них острые, тонкие, и после тысяч таких копытец корешки растений просто выпадают. Вместо зеленого луга остается утоптанная земля.

— И тут уж ничего с овцой не поделаешь,— говорит Борис Александрович,— такова ее биология. Видели полукустарники с шипами и иголками на горе Оргочор? Вот это все, что осталось от богатой растительности. Называется эта колючка карагана. Овцы ее, разумеется, не едят, но весною все же лезут за желтыми вкусными цветами и получают ранения.

Одним словом, пользы от караганы никакой, один вред, а она разрастается и скоро грозится покрыть всю гору.

Выход у ученых был один — создать вместо диких культурные пастбища. Нужно было распахать Оргочор, изгнать навсегда с горы бесполезную карагану, засеять гору питательными культурными травами, да такими, которые бы не боялись острых овечьих копыт и быстро бы отрастали.

Растениеводы стали советоваться со старыми чабанами-аксакалами.

— Нет,— сказали мудрые аксакалы,— так делать нельзя. Карагана — растение нужное, бесполезного на земле вообще ничего не бывает. Ну и что же, что у нее колючки, зато у нее сильные, длинные корни. Они держат землю. Уничтожите карагану — ветры с Иссык-Куля унесут весь плодородный слой.

*

Тогда ученые решили найти такое растение, которое заменило бы вредно-полезную карагану. Им оказался прутняк. Корни у него были ничуть не слабее, чем у караганы, а стебли съедобные и даже очень питательные, с большим содержанием белка. Так что прутняк был вдвойне полезным.

И вот на горе Оргочор началось наступление. На распаханных и возделанных участках ученые стали сеять смесь культурных растений: люцерну, житняк, костер безостый, прутняк. На небольших делянках пробовали их в разных комбинациях и пропорциях. Засеяли сотни делянок, и не было двух, похожих одна на другую.

Через три года, когда корни растений окрепли, пустили на эти делянки небольшие группы овец. Сравнивали, выбирали лучшие комбинации трав и шли в наступление дальше. Так продолжалось несколько лет.

Что же дали эти культурные пастбища?

Оказалось, что урожай трав на них в пять раз выше, чем на естественных лугах. Овцы, которым повезло пастись на этих опытных пастбищах, весили на пять-шесть килограммов больше и шерсти с них настригали больше на триста — четыреста граммов.

Но опыты идут до сих пор, наступление на карагану продолжается.

Культурные пастбища на горе Оргочор — такая же гордость ученых, как и новая тонкорунная порода. Посмотреть на эти пастбища приезжают люди из других республик и областей.

*

Теперь пришло время рассказать еще об одной группе участников похода за золотым руном.

— Вы только представьте,— говорил Борис Александрович,— сотни опытных делянок, десятки сортов разных трав. Ранней весной нужно рыхлить землю, чистить участки. В течение всего лета определять месячный рост каждого растения, пропалывать, подсевать. И, наконец, осенью собрать и очистить все семена. Огромное количество различных измерений и наблюдений! А у нас всего два научных сотрудника на этой работе. Как же нам все это осилить? Кто нам поможет? Школьники. Напишите большими буквами: ЕСЛИ БЫ НЕ ШКОЛЬНИКИ, МЫ БЫ ЭТУ РАБОТУ ВЫПОЛНИТЬ НЕ СМОГЛИ.

Вот и пишу большими буквами. Радуюсь за Оргочорскую школу имени Ю. А. Гагарина. Это замечательно, что Бюкой Аджиев, Айнаш Коджонова и другие юннаты оказались такими нужными людьми.

Вот они, горы Киргизии.

Пятьдесят юных растениеводов, вооружившись тетрадками для записи наблюдений, каждую весну выходят на опытные делянки станции. И не просто выполняют указания ученых, а работают сознательно, приобщаются к науке. Старшие школьники участвуют в научных наблюдениях за овцами в отарах.

Мне рассказали, что помощь школьников нужна была и в других делах. Вот представьте себе: в течение месяца в отарах опытной станции появляется восемнадцать тысяч новорожденных ягнят. Овцы кричат, ягнята кричат, сильные толкают слабых, старшие обижают младших, одна овца доказывает другой, что ее ребенок лучше... Нет, на самом деле ничего этого не бывает, потому что в отару вовремя приходят сакманщики. Каждый берет под свое наблюдение и заботу шестьдесят овец с малыми ягнятами и в этой группе наводит порядок. Группа эта называется с а к м а н. А теперь разделите восемнадцать тысяч на шестьдесят — вот столько и нужно сакманщиков. Как же тут обойтись без помощи школы!

Помощники нужны и во время стрижки овец — в июне. Да и в июле — во время заготовки кормов. Да и в августе... Одним словом, ученической бригаде школы имени Гагарина дел хватает. Но вот что важно: за что бы ребята ни взялись, они не только выполняют работу саму по себе, но и постигают ее научную основу. Так их приучают ученые опытной станции. И тут еще вопрос, кто кому больше помогает.

Шесть лет школа рассказывает о своей работе на Выставке достижений народного хозяйства. Дважды она награждалась Дипломами первой степени. Академия сельскохозяйственных наук присудила ей медаль, а ЦК ВЛКСМ — почетный вымпел.

❄

Мария Романовна спрашивала меня:

— Вы слышали про австралийских овец? Ну, конечно же, слышали, во всех школьных учебниках истории написано про то, как «овцы съели людей». Так вот, австралийская шерсть славится на весь мир. Но подумайте, они ведь сто лет выращивали эту породу. А мы всего лишь пятнадцать, у нас только пятое поколение овец. И вот посмотрите.

Амантур по ее просьбе поймал одну овцу. Мария Романовна раздвинула шерсть на ее боку, так что стала видна полоска розовой кожи.

По обе стороны этой полоски на солнечном свете полыхнул густой кремово-золотистый развал. Тонкие волокна шерсти имели едва заметную волнистую линию. От овечьего бока несло тревогой и жаром.

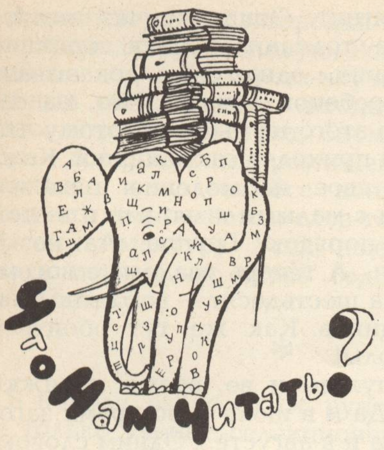
— Уж не золотое ли это руно?

— Похоже,— ответила Мария Романовна.

❄

Конечно, Оргочорской опытной станции предстоит еще много серьезной работы. Но уже сейчас она влияет на овцеводство во всей Иссык-Кульской зоне. Четыре тысячи племенных животных новой киргизской тонкорунной породы расходятся по колхозам республики. И дело не только в этом. От станции по всей Киргизии идут волны творческого поиска, увлеченности и отваги.

...Аргонавты ведь тоже были отчаянными и отважными людьми, когда отправились за золотым руном.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Книгу Николая Островского «Как закалялась сталь» мы встретили с восторгом и читали, что называется, взахлеб. Нам нравились ее герои, они были нашими сверстниками.

Встретившись, мы спрашивали друг у друга:

— «Как закалялась сталь» читал? Это, можно сказать, про нас, про таких, как мы, они тоже строили, дорогу строили, за Советскую власть дрались, комсомол создавали...

Для героя книги Павки Корчагина самым главным было то, что «не проспал горячих дней, нашел свое место в железной схватке за власть» и что «на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови».

Первые комсомольцы! Их твердая вера в дело революции, их стальная воля, их неуклонное стремление идти только вперед, только на линию огня вдохновляют уже не одно поколение молодежи.

Захватывал нас трудовой энтузиазм ребят, о которых рассказывал Островский, и, может быть, потому многие юноши и девушки, которые в 1934 году ехали вместе со мной по комсомольской путевке строить город в тайге, взяли с собой эту книгу.

Мы читали ее в теплушках по дороге на Дальний Восток, читали холодными зимними вечерами в палатках и землянках. Пример героев книги поддерживал нас в трудные минуты.

Ребята много раз спрашивали меня: «Как вы воспитывали волю, твердость характера? Может быть, это врожденные черты?»

Нет, воля, твердость характера и другие хорошие качества человека могут быть выработаны с детства.

Еще мальчиком я впервые увидел в небе самолет, с тех пор мечта стать летчиком не покидала меня. Но рос я болезненным парнишкой, и в летную школу меня не брали.

Когда объявили набор комсомольцев на строительство Комсомольска-на-Амуре, я боялся, что меня не возьмут. Но на медосмотре врач сказал: «Поезжайте, климат там здоровый, и все болячки ваши пройдут». Трудно передать, как я обрадовался.

Я ехал работать токарем-металлистом. Но город только начинал строиться. Расчищали площадки, корчевали пни, и мне пришлось стать лесорубом. Тяжелая была работа, что и говорить. Это было настоящее испытание.

А через год я уже работал механиком-дизелистом. Тогда же мы решили создать свой аэроклуб. Поначалу в нашем аэроклубе ничего не было, не было классов, не было материальной части. Многим надоело это, и они ушли. Достаточно сказать, что поступили в аэроклуб семьдесят восемь человек, а закончили его только двенадцать. У нас, у двенадцати, было огромное желание стать летчиками. И мы добились своего. В 1937 году, когда нас, первых воспитанников аэроклуба, призвали в Красную Армию, нас направили в летную часть. Так осуществилась моя мечта.

Воспитывать свой характер нужно с детства, с детства готовить себя к серьезному, нужному делу.

Книга Николая Островского — это настоящая школа мужества. И я уверен, что вы читаете «Как закалялась сталь» с не меньшим волнением, чем читали ее мы.

Во время Великой Отечественной войны, когда лежал в госпитале, я не один раз возвращался мысленно к этой книге. Как Павка, я говорил себе сурово: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой».

Часто подолгу думал я о необычной судьбе писателя, о сильном характере, о мужестве этого человека, о его словах, что жизнь дается человеку только один раз, она самое дорогое у человека, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

В книге писатель рассказывает о жизни одного поколения. Но с героем ее Павкой Корчагиным шагают в одном строю многие поколения молодежи. В тридцатые годы Павка вместе с ребятами строил Комсомольск-на-Амуре, в годы войны рядом с советскими бойцами сражался на всех фронтах против фашистских захватчиков. Сегодня комсомольцы ударных строек с гордостью называют себя корчагинцами.

Жизнь героя книги Павла Корчагина и автора ее Николая Островского всегда будет для молодежи вдохновляющим примером.

А. МАРЕСЬЕВ,
Герой Советского Союза

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» — ПИОНЕРАМ

Какие книги выходят для ребят?

Об этом мы попросили рассказать Стемару Степановну ЗАЙЦЕВУ, заместителя главного редактора издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

— Издательство наше ежегодно выпускает около семи миллионов экземпляров книг для ребят. Тут и такие, как знакомые многим из вас **«Товарищ»** — небольшая энциклопедия для пионеров всех возрастов, и **«Будь готов!»** — книга о жизни и традициях юных пионеров.

Обо всем сразу не расска-

жешь. Назову вам книги и серии книг, которые недавно вышли или скоро выйдут. Советую вам их прочитать.

«Юные герои» — серия книг о подвигах ребят во время гражданской и Отечественной войн и о подвигах пионеров в мирное время. **«Куда летишь, журавлик?»** — о разведчике Володе Саморухе написал книгу **И. Валько. «Дорога, которую выбрал Чунг»** о вьетнамских ребятах — **Ю. Шевченко.** Выходит второе издание книги **И. Стрелковой «Огонь-девчонка»** — об одной из первых казахских пионерок — Зайде Акишевой.

В серию **«Пионер — значит первый»** входят книги о тех, кто прокладывал путь, шел впереди и вел за собой других, о выдающихся коммунистах, первооткрывателях в науке, труде, искусстве: книга **А. Старостина «Адмирал Вселенной»** — о генеральном конструкторе С. П. Королеве, **«Проблема-92» Е. Парнова** — о выдающемся ученом-коммунисте И. В. Курчатове, книга **Б. Емельянова «О смелом всаднике»** — об Аркадии Гайдаре и книга **А. Маркуши «Бессмертный флагман»** — о Валерии Чкалове.

В сборнике **«Вступая в жизнь»** собраны слова и мысли, дневники и письма людей интересной судьбы, у которых есть чему поучиться.

Все вы, ребята, знаете о том, что заканчивается третий, решающий год пятилетки. В ударном труде взрослым помогают и дети. Об участии пионеров в выполнении заданий пятилетки рассказывает книжечка **«Твой главный маршрут — пятилетка»**. О жизни и делах пионеров разных республик — сборник **«Нас 25 000 000»**.

Вашим младшим друзьям-октябрятам тоже хочется знать, что такое пятилетний план. Познакомьте их с книгой **А. Лельевра «Богатство для всех»**.

Главы из **«Книги будущих командиров» А. Митяева** многие из вас читали в «Пионере» — эта книга об истории военного искусства, о Советской Армии. Теперь выйдет второе, дополненное издание ее.

С интересом следят ребята за тем, как проходит игра «Зарница». Те, кто хочет принять участие в ней, найдут много советов, как организовать игру, в сборнике **«Зарница»**.

Много книг выходит **для пионерского актива,** они помогут вам наладить работу в дружине и октябрятской звездочке, организовать работу санпостов (**«Если хочешь быть здоров»**) и юных друзей пожарников (**«Только смелым покоряется огонь»**), познакомят с правилами уличного движения (**«Уважайте светофор»**).

Ребята часто обращаются к нам с просьбой рассказать о детях других стран, о братских пионерских организациях. Вы уже, наверно, знаете такие книги, как **«Харцеры — пионерам»** и **«Имени Тельмана»**. Книжка **«Эллере!» — значит «Вперед!»** познакомит вас с жизнью венгерских пионеров.

Будущий год очень важен для всех комсомольцев и пионеров: исполняется 50 лет присвоения комсомолу имени Ленина. Комсомольцы соберутся на XVII съезд ВЛКСМ. По истории комсомола выходит книга **И. Дубровицкого** и **В. Орлова,** которая называется **«Иного нет у нас пути»**. В своих дружинах и отрядах вы тоже отметите эти замечательные события. Подготовить и провести праздник, посвященный комсомолу, вам поможет сборник **«Твой старший брат»**.

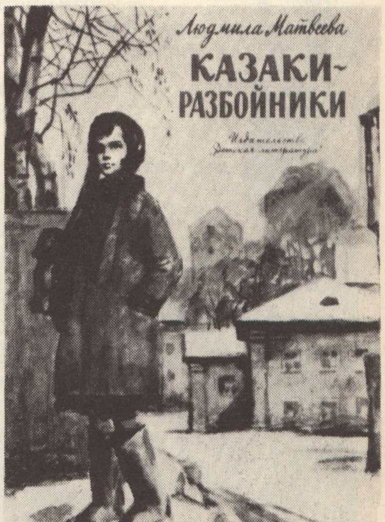
Кроме того, издательство выпускает сборники «Пионерский театр», в которых вы можете найти и пьесу для постановки, и стихи и песни для концерта, и эскизы праздничного оформления, В этом году сборник выйдет под названием **«Театр друзей»** — это короткие пьесы и эстрадные обозрения для школьной самодеятельности. Авторы их — драматурги Болгарии, ГДР, Румынии, Польши и Чехословакии.

Все хорошо знают ансамбль «Школьные годы», и, конечно, не раз вы видели его выступления. Организовал его и много лет им руководит **В. Константиновский.** В своей книге **«Учить прекрасному»** он беседует с читателями о хореографии, о танце, об эстетическом и этическом воспитании.

Ежегодно выходит также **«Мастерок»** — это специальные выпуски по моделированию, техническому творчеству, прикладному искусству.

Любителям-филателистам и тем, кто хочет заняться коллекционированием марок, интересно будет познакомиться с буклетом **«О чем рассказали марки»**.

Вот, ребята, далеко не все книги, выпускаемые для вас издательством «Молодая гвардия», их значительно больше.

Есть у замечательного бельгийского поэта Мориса Карема маленькое стихотворение «Волшебник». Оно мне особенно дорого потому, что я услышал его впервые, когда был в гостях у автора. Поэт прекрасно читает свои стихи, и на мгновение мне показалось, что волшебник — это и есть он сам. Но герой стихотворения не верил, что его слово способно творить чудеса, а каждый, кто знает стихи Карема, чувствует, что его строки наделены поистине чудесной силой.

Морис Карем очень любит детей. И встреча с читателями «Пионера» для него большая радость. Наш волшебник не знает русского языка, но, мне кажется, он увидит глаза и лица всех, кто склонится над этими страницами. И если вы скажете: «Здравствуй, Морис Карем!» — он, несомненно, вас услышит.

Н. РАЗГОВОРОВ

Здравствуй, солнце!

— Здравствуй, лес! —
Кричит мальчишка.
— Здравствуй, мальчик! —
Крикнул лес.

— Луг, привет! —
Кричит мальчишка.
— Добрый день! —
Ответил луг.

— А со мной? —
Сказало солнце.—
Поздоровайся со мной!
Ты забыл меня,
Как будто
Мы поссорились с тобой!

— Я кричал тебе все утро:
«Здравствуй, солнце!»,
Но в ответ
Доносился почему-то
Только слабый, сонный свет.
Ты еще спало, наверно,
Завернувшись в облака.
Здравствуй, солнце!
Здравствуй, небо!
Я бегу к тебе,
река!

Морис КАРЕМ

Волшебник

И превратилась комната в колодец,
А лампа — в отражение луны,
И пузырек, стоявший на комоде,—
В хрустальный кубок, полный тишины.

На глобусе все реки, слившись вместе,
Показывали первый час весны.
И старый чайник — меднокрылый
лебедь —
Плыл вдоль стены.

И было тихо. Только еле-еле
Чуть слышно доносился звон капели,
Как дальний смех...
И лишь волшебник сам
Нахмурился, никак не веря снова,
Что власть его магического слова
Действительно приводит к чудесам!

*

Туман

Осенний день тосклив, уныл.
Пришел из-за реки
Густой туман и все сложил
В холщовые мешки.

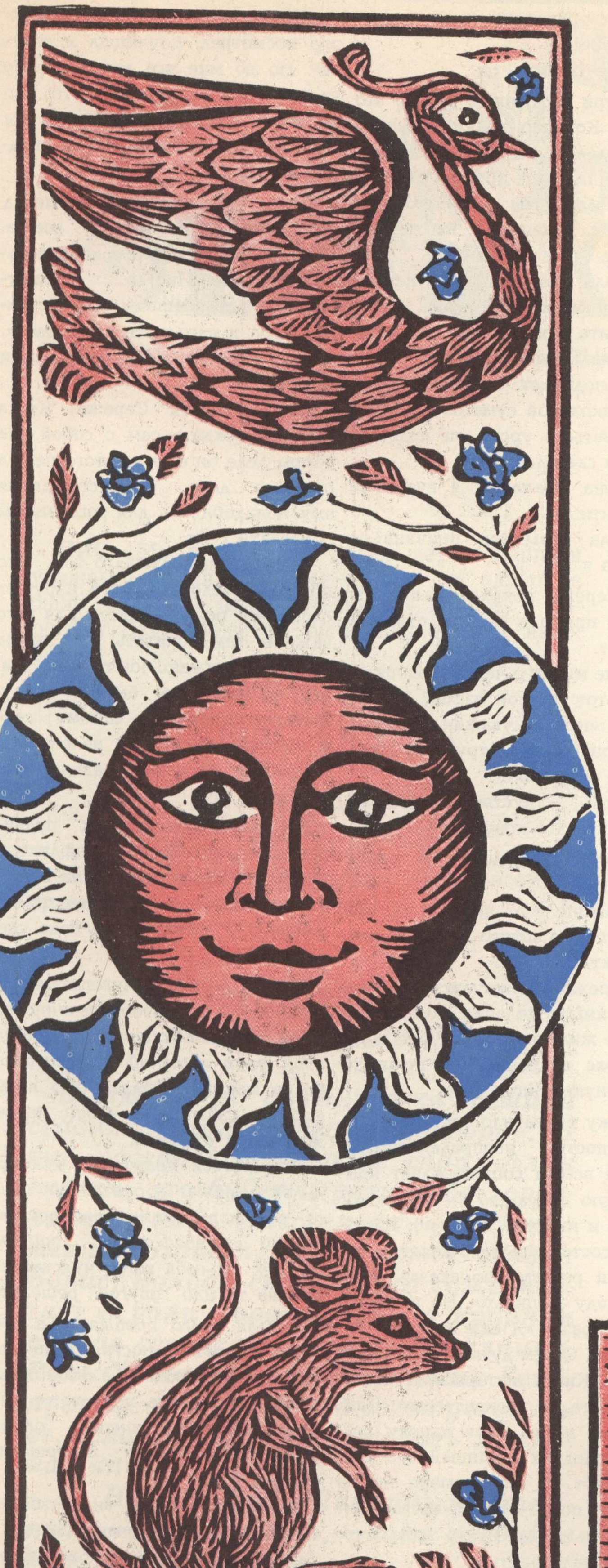
Он спрятал сад, соседний двор,
И вот с мешком в руке
Он лезет к нам через забор
И шарит в цветнике.

— Густой туман, слепой туман,
Ответь, что ищешь ты?
— Я подарил своим друзьям
Последние цветы.

*

Хамелеон

Бедный, бедный хамелеон:
То он желтый, как лимон,
То зеленый, как камыш.
То вдруг серый, словно мышь.
Все не может он решить:
Ну каким же лучше быть?
Много-много тысяч лет
Он обдумывает цвет.
И пройдет еще миллион,
Будет думать хамелеон.

Мышкина сказка

Одна мышка,
Две мышки,
Три мышки.
Жили-были на свете три мышки.
Одна мышка читала книжки,
А сестрицы все дни недели
Непрерывно что-нибудь ели.

Голубая, как небо, страница,
На картинке — красивая птица.
Мышка долго про птицу читала
И на ус себе что-то мотала.
А потом — поучительный случай! —
Мышка сделалась мышкой летучей.

Те же сестры, которые в норке
Грызли кексы от корки до корки
И сидели с набитыми ртами,
Вскоре стали слепыми кротами!

Эту сказку я вычитал в книжке
«Сочинения Бабушки Мышки».

*

Тростинка и сверчок

Сверчок за печкою сидит,
Забившись в полумрак,
Сверчок историю зубрит,
Не вызубрит никак.

Поет тростинка над ручьем,
Тростинку ветер гнет,
Она не думает, о чем
Ее струна поет.

Всю ночь тружусь я, как сверчок,
Над строчкою своей,
Чтоб каждый в ней услышать мог
Тростинку и ручей.

Перевел с французского
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

КАК ВОСПИТАТЬ ВОЛЮ?

МОЖНО ЛИ ПЕРЕДЕЛАТЬ ХАРАКТЕР??????

ПОЧЕМУ НЕ СКЛАДЫВАЮТСЯ ОТНОШЕНИЯ С товарищами?

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

Е. И. САВОНЬКО,
кандидат психологических наук

Вовсе не от нечего делать приходят в голову человеку мысли о самом себе.

Чаще всего человек задумывается о себе, о своем характере в трудные моменты. Таких трудных моментов в твоей жизни бывает множество.

Например, списать задачу или решить самому, пойти с ребятами красить парты в школе или увильнуть, помочь товарищу или пройти мимо, сдержать слово, данное маме, или нарушить, навестить заболевшего друга или укрыться за делами, довести дело до конца или бросить на полдороге, сказать правду или обмануть, отстоять свою правоту или сдаться?

Такие случаи, когда надо сделать выбор, как поступить, называются «конфликтными ситуациями».

Есть такой психологический закон: человек, и маленький и большой, не может долго жить в состоянии конфликта. Он обязательно ищет выход из конфликтной ситуации. И, оказывается, есть правила решения конфликтов. Правила эти можно понять, усвоить и потом пользоваться ими.

Давай разберем один из множества возможных случаев.

Однажды я попросила Сережу Елисеева и еще двух шестиклассников прийти в школу после уроков и помочь мне подобрать материалы к литературному вечеру.

— Ты сможешь прийти? — спросила я Сергея.

— Да, — ответил он.

Ни в три часа, ни в четыре его не было. Конечно, мы с Володей и Мишей сделали все, что надо было. А Сергей так и не пришел. На следующий день мы встретились с ним (куда денешься?) на первом же уроке.

Я видела, что у Елисеева неуютно, неспокойно на душе. Даже спрашивать ни о чем не хотелось — жаль было человека. Думала, сам подойдет. Потом закрутилась в школьной суматохе. Только после третьего урока он подошел ко мне и сказал:

— Елена Ивановна, я вчера не мог прийти.

— Была серьезная причина? — спросила я.

Тут Сережа покраснел, посмотрел мне прямо в глаза и ответил:

— Нет.

Больше мы ни о чем не говорили. Но за этот прямой взгляд, за это честное «нет» я уважаю Сережу. Видно, он пережил трудную внутреннюю ситуацию.

— Это пустяки,— скажешь ты.— Разве это конфликт?

Согласна, конфликт не очень острый.

Но именно этот простой случай поможет нам понять, как решить конфликт.

У Сережи столкнулись два несовместимых желания. Одно — искреннее желание помочь мне, другое—тоже искреннее — почитать интересную книгу.

Сережу охватило чувство напряженности, неопределенности, которое всегда сопровождает конфликтную ситуацию («И в школу не иду, и книгу не читаю»). И когда это состояние стало непереносимым, он решительно сказал себе: «Не пойду в школу». Но и читать сел не сразу: «Я еще подумал немножко». О чем думал? Дадим ему слово: «Книга интересная. Почитать охота, а уроков много. Там, в школе, и без меня народу хватает, Володька с Мишей все равно придут. И так времени нет, а тут еще после уроков заставляют приходить». (Как будто забыл, что сам обещал прийти.)

После этого разговора с самим собой Сережа уютно устроился с книгой на диване.

А потом?

«Почитал, сделал уроки, телевизор посмотрел, поужинал и спать лег. Но во мне все время сидело что-то такое неприятное». Что было утром на следующий день, ты уже знаешь. Сереже было стыдно, неловко.

Стыд, раскаяние, страх перед «расплатой» возникают всегда, когда человек принял неправильное решение. Иногда их пытаются скрыть за внешним спокойствием. («Ну, и наплевать, что подвел», «А вот я такой», «Подумаешь, ну и что?»)

Когда ошибся Сережа? Когда стал рассуждать сам с собой. На самом деле он еще до этого решил остаться дома, и рассуждения ему понадобились для того, чтобы оправдать себя.

Если бы он подумал о том, что подводит человека, что нарушил слово, что пойти в школу для него важнее, чем почитать, что завтра ему будет стыдно (он-то себя знает!), не пришлось бы ему придумывать оправдания самому себе и не было бы утром неловкости, конфликт был бы решен правильно.

Вот несколько простых правил решения подобных конфликтов. Конфликт существует, если в тебе столкнулись два несовместимых желания и между ними надо сделать выбор.

У тебя возникло чувство напряженности и неопределенности. Надо взвесить, оценить, какое из этих двух желаний ты считаешь более важным. Обязательно подумай. Не избегай, не уходи, не отмахивайся от этого.

Разобраться правильно в конфликте поможет прочитанная книга, разговор с мамой или другом, случай из твоей жизни (припомни, как ты себя тогда чувствовал, приняв то или другое решение).

Нельзя долго пребывать в состоянии напряженности, надо активно вмешиваться в возникший конфликт, думать над своим поступком. Если начинаешь оправдывать себя, значит, совершаешь ошибку.

В следующий раз мы разберем с тобой один из очень распространенных и трудных конфликтов.

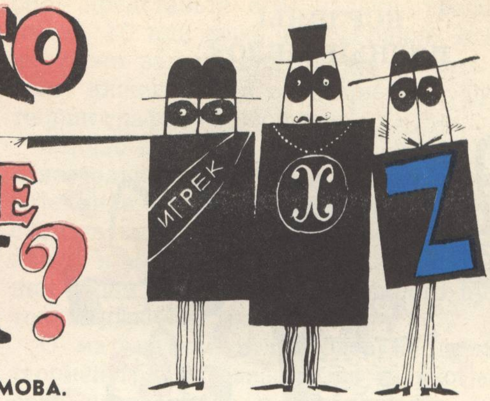
Для начала тебе задание: посчитай, сколько раз в день ты обижаешься? На кого обижаешься и за что?

ОТЧЕГО НЕ ПРИНИМАЮТ В ИГРУ??

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ГРАФАХ?

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ИКС. Мы в большом долгу перед нашими уважаемыми читателями — очень уж давно не было новых задач. Слово — нашему дорогому Зету. Кажется, он припас кое-что интересное...

ЧЕТЫРЕ ЗАДАЧИ ИЛИ ОДНА?

ЗЕТ. Для начала три задачи. Они совсем не трудные, но с общим секретом!

КТО ИГРАЕТ ЛЯПКИНА-ТЯПКИНА?

В школьном драмкружке решили ставить гоголевского «Ревизора». И тут разгорелся жаркий спор. Алик сказал, что будет играть либо городничего, либо Хлестакова — на меньшее не согласен. То же самое заявил Борис. Володя сказал, что тоже мечтает о роли городничего, в крайнем случае согласен сыграть Землянику. Роль Хлестакова очень просил Гена, правда, он сказал, что готов уступить ее, если ему позволят сыграть Ляпкина-Тяпкина.

— Нет, я буду Ляпкиным-Тяпкиным,— сказал Дима,— а не то дайте мне роль Осипа.

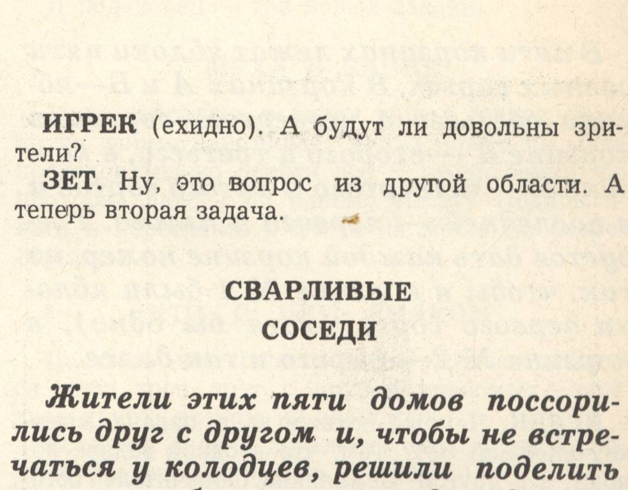
Как ты думаешь, удастся ли так распределить роли, чтобы все были довольны?

ИГРЕК (ехидно). А будут ли довольны зрители?

ЗЕТ. Ну, это вопрос из другой области. А теперь вторая задача.

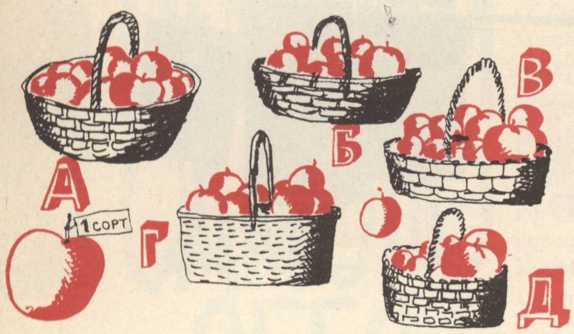
СВАРЛИВЫЕ СОСЕДИ

Жители этих пяти домов поссорились друг с другом и, чтобы не встречаться у колодцев, решили поделить их так, чтобы хозяин каждого домика ходил к «своему» колодцу по «своей» тропинке. Удастся ли им это сделать?

КОРЗИНЫ, ПОЛНЫЕ ЯБЛОК

В пяти корзинах лежат яблоки пяти разных сортов. В корзинах А и Б—яблоки третьего и четвертого сортов, в корзине В — второго и третьего, в корзине Г — четвертого и пятого сортов и в последней — первого и пятого. Требуется дать каждой корзине номер, но так, чтобы в корзине № 1 были яблоки первого сорта (хотя бы одно), в корзине № 2—второго и так далее.

ИГРЕК. Чем же похожи ваши задачи, высокоученейший Зет? Тем, что в одной задаче яблоки, а в другой Земляника, попечитель богоугодных заведений? Прямо как в пословице: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». То есть я хотел сказать, Земляника.

ЗЕТ. Я не хуже вас, уважаемый Игрек, отличаю яблоки от Земляники. Сходство задач легко увидит тот, кто знаком с теорией графов. Сейчас я всех с ней познакомлю. Речь идет, конечно, совсем не о тех графах, которые сродни баронам и виконтам. Наши графы имеют корнем греческое слово «графо», что значит «пишу». Тот же корень и в словах «график», «география», «голография». Теория графов — довольно молодая наука. Она берет свое начало от знаменитой задачи петербургского академика XVIII века Леонарда Эйлера.

Итак, четвертая задача, которая и убедит вас, что все четыре сводятся к одной.

Попробуйте решить эту задачу.

ГОРОД СЕМИ МОСТОВ

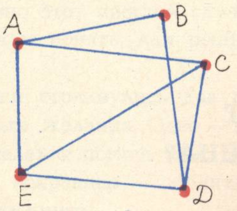
Город расположен на берегах реки и двух островах. Различные части города были соединены семью мостами. По воскресеньям горожане прогуливались по городу. Вопрос заключается в том, можно ли вернуться с прогулки, пройдя в точности один раз по каждому мосту.

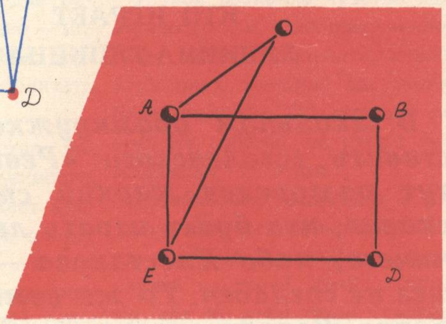
ГРАФ — ЭТО ФИГУРА!

ЗЕТ. Не смейтесь, пожалуйста, граф — это действительно фигура (в математическом смысле) или схема. Но не всякая фигура и не всякая схема, а лишь та, что состоит из точек (вершин графа) и соединяющих их отрезков (ребер). Ребра иногда прямые, иногда криволинейные.

Такими схемами мы часто пользуемся в обычной жизни. Возьмите схему железных дорог: здесь станции — это вершины графа, перегоны (участки пути) — ребра графа.

Каждому школьнику знакомы многогранники — пирамиды, кубы. Оказывается, и это тоже графы: ребра и вершины многогранников совпадают с ребрами и вершинами графа.

Когда болельщики обсуждают ход футбольного первенства, они тоже рисуют граф. Предположим, в турнире участвуют пять команд А, В, С, Д, Е. Каждая должна сыграть с каждой из остальных один раз. Через несколько дней после начала соревнований оказалось, что команда А сыграла с командами В, С и Е; В с А и Д; С с А, Д и Е; Д с В, С и Е, а Е с А, С и Д. Это можно изобразить при помощи такого графа (каждую команду обозначаем кружком).

Если команды сыграли друг с другом, кружки соединяем отрезками прямой.

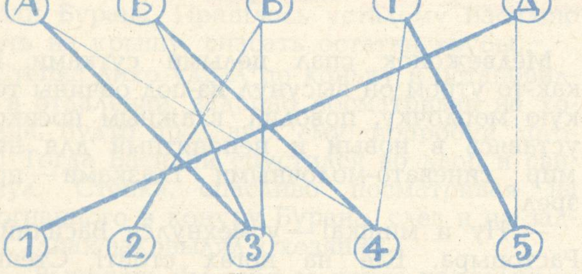
Мы видим, что точки пересечения некоторых отрезков не становятся вершинами. Так про-

изошло потому, что мы наш граф изобразили на плоскости. Надо построить его в пространстве — вместо ребер представить себе спицы, вместо вершин — горошины. Тогда все будет ясно.

Теперь смотрите, как графы облегчат нам решение задачи о школьном драмкружке.

Изобразим на нашей схеме-графе юных актеров кружками верхнего ряда: А — Алик, Б — Боря, В — Володя, Г — Гена, Д — Дима, а роли, которые они собираются играть,— кружками второго ряда (1 — Осип, 2 — Земляника, 3 — Городничий, 4 — Хлестаков, 5 — Ляпкин-Тяпкин). Затем от каждого участника проведем отрезки к ролям, которые он хотел бы сыграть. У нас получился граф с десятью вершинами и десятью ребрами.

Чтобы решить задачу, нужно из десяти выбрать пять ребер, не имеющих общих вершин. Сделать это легко. Ясно, что надо выбрать ребра, соединяющие 1 с Д (Осипа играет Дима), 5 с Г (вершина Д — Дима уже занята). Затем выбираем ребро, соединяющее 4 с Б, а 3 с А или, наоборот, 4 с А, а 3 с Б. Вот и все.

Итак, граф отчетливо показывает, что у задачи есть только два этих решения.

Подобным же образом легко построить граф второй задачи о колодцах.

ИГРЕК. Но у меня во второй задаче получился тот же граф!

ЗЕТ. Согласны теперь, что это та же самая задача? Теперь на этом графе тоже найдите пять ребер, не имеющих общих вершин.

А ТАК ЛИ УЖ НУЖНЫ ЭТИ ГРАФЫ?

ИГРЕК. Разве нельзя, уважаемый Зет, решить ваши задачи просто с помощью логических рассуждений? Без всяких графов?

ЗЕТ. Конечно, можно. Но согласитесь, дорогой Игрек, что графы придали задаче наглядность, упростили решение и заодно превратили три задачи в одну. А это не так уж мало. Теперь представьте себе задачи, графы которых имеют 10 или даже 100 вершин. А ведь именно такие задачи приходится решать современным инженерам и экономистам. Тут уж без теории графов не обойтись.

Сейчас в любой отрасли науки и техники обязательно встречаешься с графами. В электротехнике — при построении электрических схем, в химии и биологии — при изучении молекул и их цепочек, в экономике — при решении задач о выборе оптимального пути для потоков грузового транспорта.

О математике и говорить не приходится. С теорией графов связаны не только математические развлечения и головоломки, но и такие серьезные науки, как теория отношений и теория групп.

И под конец — три новых задачи.

МУХА В БАНКЕ

Муха забралась в банку из-под сахара. Банка по форме напоминает куб. Сможет ли муха последовательно обойти все 8 ребер банки, не проходя дважды по одному месту? Подпрыгивать и перелетать с места на место не разрешается.

КТО С КЕМ ЗНАКОМ

Доказать, что среди любых 6 человек найдутся либо трое друг с другом знакомых, либо трое друг с другом не знакомых.

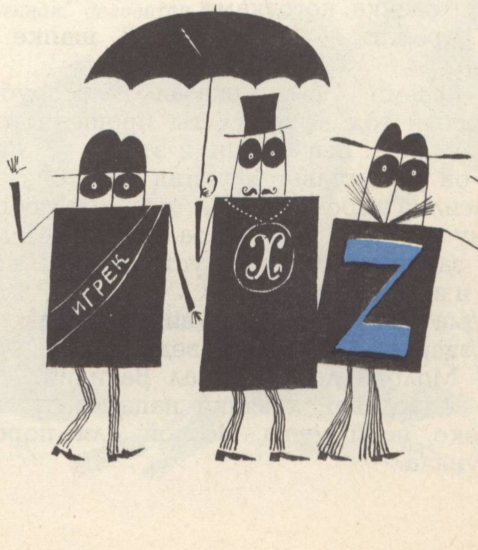
Если эта задача покажется вам трудной, попробуйте сначала решить третью.

КРАСНОЕ И СИНЕЕ

Каждая вершина правильного шестиугольника соединяется с каждой из остальных вершин красным или синим отрезком. Докажите, что всегда найдется треугольник со сторонами одного цвета.

Подсказка. Из первой вершины выходит пять отрезков. Из них хотя бы три одного цвета. Рассмотрите эти три отрезка.

Вопрос. В чем сходство второй и третьей задач?

СТЕПКА

РАССКАЗ

Георгий КУБАНСКИЙ

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА.

Василий не спеша шел по просеке, разделяющей владения заповедника и леспромхоза. Запущенная дорога уже заросла мелким осинником и березнячком. Нависшие над снегом голые ветки держали лыжи, мешали идти.

Василий остановился. Счищая налипший на лыжи снег, он увидел появившегося из-за поворота знакомого лесоруба.

— Охотники за Синим ручьем медведицу взяли.— Лесоруб достал из мохнатой шапки крохотного слепого медвежонка.— И мне удружили... Пожалел я его. А теперь иду и сам не знаю, как меня с такой живностью женка встретит.

Василий взял беспомощно растопырившего лапки почти голого зверька с цепкими, как у котенка, коготками.

— Дрожит,— сказал он.— В шапке и то замерз.

— Возьми его,— сказал лесоруб.— Запрошлый год вы́ходил ты брошенного маткой лосенка. Вырастишь и этого.

И он решительно зашагал по тропе.

Василий посмотрел в его удаляющуюся спину и сунул зверька за пазуху. Медвежонок заворочался там, устраиваясь поудобнее, и затих в тепле.

Дома Тая удивилась, увидев на ладони мужа зверька. Ну и медведь!

— Молока дай,— сказал Василий.

У запасливой хозяйки нашлось не только молоко, но и соска, весной для поросенка покупала.

Медвежонок долго и сосредоточенно сосал подогретое молоко; сосал, вкусно причмокивая и по-ребячьи посапывая. А когда отвалился от бутылки, розовое брюшко его, покрытое легким серым пушком, округлилось, стало упругим.

Василий поставил в угол за печью ящик, бросил туда старую овчину и опустил на нее медвежонка.

Зверек поерзал в ящике, зарылся в теплый мех и заснул...

Однажды заскочил со двора лохматый пес Буран и замер у ящика. На умной собачьей морде было самое неподдельное изумление. Лежит в ящике что-то маленькое, пахнущее медведем. Недовольно ворча, Буран отошел в сторону.

Медвежонок спал целыми сутками. Но как-то утром он высунул из-под овчины тонкую мордочку, поводил влажным носиком, уставясь в новый и непонятный для него мир синевато-молочными глазками — прозрел!

— Ну и мишка! — усмехнулся Василий.— Растопыра. Еле на ногах стоит! Степка! Степка-растрепка!

Тая налила в бутылочку парного молока. Василий свистнул. Медвежонок поднял мордочку. Черные блестящие ноздри задвигались часто-часто. Зверек ухватил соску и довольно заворчал.

Так и повелось с того дня на кордоне. Степку приучали к порядку: есть по свистку. А пока нет свистка — спи, подрастай.

К весне Степка впервые выбрался из ящика и стал обследовать горницу. Больше всего привлекал медвежонка половик. Очень уж богат был он запахами! Интересно шуршал под коготками стоящий у печи веник. А вот болотные сапоги Василия Степку пугали. Медвежонок подолгу принюхивался к ним издали, но подойти так и не решился. А когда Василий надел их и, обминая портянки, гулко затопал по полу, перепуганный Степка забился за диван.

С наступлением теплых дней Степку вместе с его ящиком поселили между сараем и поленницей. Буран, проходя мимо зверька, обычно брезгливо отворачивался, а иногда презрительно чихал в сторону. Но стоило Степке неосторожно приблизиться к

конуре, как пес грозно рычал, и медвежонок, забавно вскидывая кургузый хвостик, удирал прочь.

Но самым страшным во дворе оказался не Буран. В первый же день переселения Степки во двор на него наскочил рыжий петух и принялся бить его клювом, шпорами. Медвежонок метался по двору, визжал, а потом забился под крыльцо и долго лежал там, жалобно поскуливая.

Степка рос, и не всегда его проделки были безобидными. Как-то Василий, возвращаясь из обхода, издали услышал отчаянный крик Таи: «Слазь!.. Слазь, вот я тебя!..» Последние слова ее заглушил басистый лай Бурана.

Василий прибавил шагу и увидел, что Тая швыряет на крышу щепки, комья земли. Туда же полетела и подвернувшаяся собачья миска. Возле Таи бесновался Буран. А на коньке крыши сидел медвежонок и разбирал трубу. Снимет кирпич, положит его плашмя на драночную крышу и приподнимется от любопытства столбиком. Кирпич с нарастающим шорохом сползет по дранке и шлепнется во дворе. Степка снимет следующий кирпич, положит его на крышу и, наклонив голову, смотрит, как тот ползет вниз. Все это он проделывал спокойно, не обращая ни малейшего внимания на крики Таи и лай Бурана. Пришлось усталому Василию лезть на крышу, спасать остатки трубы.

Степка лихо удрал по коньку и остановился в отдалении, задорно посматривая на хозяина, будто предлагал ему: попробуй догони! Тогда Василий спустился во двор и свистнул. Степка, опасливо посматривая на прогнанного в конуру Бурана, слез и на задних лапах заковылял к хозяину.

— Выпороть бы тебя за такие проделки,— проворчал Василий,— да нельзя. Всыплю, и ты перестанешь на свист подходить.— Он сунул медвежонку подвернувшуюся морковку и ушел в дом.

В тот же вечер Василий размял в ведре глину, починил трубу. А назавтра Степка за плохое поведение был выселен вместе со своим ящиком к стоящей на отшибе у самого озера бане.

Первые дни Степка все искал лазейку в плетне, окружавшем двор и огород. Но плетень был сделан по-хозяйски — не проберешься. Да и Буран понял, что медвежонок попал в немилость. Пришлось Степке смириться с изгнанием.

Впрочем, обернулось все это не так-то плохо. За огородом можно было полакомиться первой земляникой, слизнуть с ветки улитку или гусеницу, а если постараешься, то и поймать толстого кузнечика.

Конечно, и в лесу не все было хорошо. Погнался он за мышонком, и вдруг что-то как куснет за ухо. Степка заверещал от боли и со всех ног припустил к дому. Пока бежал, еще две осы ужалили его.

Ну и медведь! Ну и печник!..

— Эк тебя перекосило, приятель! —встретил его вечером Василий.— Ничего. Это полезно. Не станешь совать нос куда не следует.

И правда, теперь медвежонок стал держаться в лесу осторожнее. Идет, идет — остановится. Поведет носом: нет ли где опасности? Пойдет дальше. Запомнились ему осы!

Степка быстро рос, наливался жирком и силой. Но по-прежнему стоило появиться поблизости рыжему петуху, убирался подальше от опасного задиры.

С первым снежком медвежонок стал беспокоен. Все время он что-то искал, бродил то по лесу, то по задам огорода.

— Степка-то наш,— сказал как-то за обедом Василий,— зимнюю квартиру себе подыскал. И знаешь, где? В старом погребе! Подрыл себе там местечко...

— Говори!..— удивилась Тая.

— Верно. Сена натаскал, листьев. Да вон... гляди!

Тая посмотрела в окно и увидела Степку. Морда медвежонка была озабоченная, деловитая. В зубах он нес пучок сухого камыша.

Морда у медвежонка была озабоченная, деловитая.

На кордоне он появился весной — изголодавшийся, в клочкастой шерсти, с затекшими после долгой зимней спячки глазами. Калитка была открыта. Степка вошел во двор, повел носом и зашагал к куриной кормушке. Жадно вылизывая остатки картошки, он увидел надвигавшегося на него боком петуха и опрометью выкатился со двора.

А есть хотелось! Степка кружил возле крыльца, хватал первые травинки, подобрал оброненную Таей картофелину, прихлопнул на стволе черемухи бабочку. Да разве это еда после зимней голодовки?

Тая вернулась из лесу и увидела Степку. Он мчался навстречу размашистым галопом. С разбега ткнулся ей в ноги и жалобно заскулил.

— Что мне делать с тобой? — Тая почесала медвежонка за ухом.— Навязал Василий дармоеда на мою голову. Ну и отощал же ты, милый, за зиму! Одни кости да шерсть.

Отпихнув ногой мохнатого гостя, она вошла в дом и захлопнула дверь. Степка переминался с ноги на ногу, поднимал голову и жалобно скулил.

Наконец дверь распахнулась. Тая вышла с хорошо знакомым ящиком. Из него вкусно пахло — картошкой, хлебными корками.

Степка рванулся — чуть Таю не свалил. Довольно урча, набросился на еду. Оторвал его от ящика знакомый свист. Степка припустил к Василию. Он всячески показывал свою радость: терся о ноги, тыкался холодным носом в ладони, поднимался на задние лапы и, по-бабьи всплескивая передними, лез обниматься.

— Хватит, хватит! — увещевал его Василий. Но Степка угомонился, лишь получив кусок сахара.

Весь день бродил медвежонок по лесу, добывая корм: искал под корой личинки, лакомился на болоте прошлогодней клюквой, объедал свежие почки. А вечером он подбирал все, что оставляла в его ящике Тая. Скоро он полностью перешел на лесные корма. А в ящик заглядывал больше из любопытства. Да и Тая перестала подкармливать подросшего медвежонка. И без него весной забот хватает. Но стоило Василию посвистать в лесу, Степка выбирался из чащи, подходил и привычно поднимался на задние лапы, выпрашивая угощение. К осени это был уже довольно крупный медведь с густым мехом, топорщащейся на груди плотной и длинной шерстью. Зимовать он ушел в глубь леса.

Услышал Василий о Степке неожиданно, ранней весной. Приехал к нему Федор Федорович, наблюдатель с соседнего кордона, и рассказал, что в воскресенье готовится у него отстрел медведя.

— Да разве у тебя на участке есть медведь?

— Осенью залег.— Федор Федорович смотрел в сторону, избегая встречаться взглядом с хозяином.

— Где залег? — тревожно спросил Василий.

— А вот слушай...— Федор Федорович подробно рассказал, как добраться до берлоги.— Хитро выбрал берлогу,— закончил он.— Хитро! А все же засекли ее.

Больше наблюдатели не сказали о медведе ни слова. Потолковали о мышах, что нынешней зимой сильно точили сено в стогах, о шалом лосе, забравшемся в огород Федора Федоровича, помянули недобрым словом росомаху, передушившую гусей лесничего... Когда гость уехал, Василий долго не мог успокоиться. Не мог он представить себе, что добродушного зверюгу выгонят из берлоги, застрелят, превратят в тушу мерзлого мяса...

Утром он поднялся рано. Тихо, чтобы не отвечать на Таины расспросы, куда он едет да зачем, взял двустволку, паклю, бутылку машинного масла и вышел из кордона. До глухого ложка, где, по словам Федора Федоровича, была берлога, вела прямая, ровная просека. Дальше пошло мелколесье. Приходилось пробираться под палыми деревцами, а иногда и перелезать через них.

Василий вышел к поваленной бурей старой ели. Издали осмотрел корневища, вывороченные вместе с глыбой песка. Под ними, на снегу, усыпанном сухой хвоей, не сразу заметил он желтоватое пятно, окаймляющее небольшое отверстие — «продых». Наблюдатель зашел за ствол березы. Прикинул взглядом расстояние до «продыха». Пропитанная маслом горящая пакля полетела к желтеющему под корневищем пятну. Разгораясь, она чадила, оплавляла снег. Резкий запах горелого масла усиливался, щипал ноздри. Из-под снега послышалось глухое ворчание...

Ошибаются люди, полагающие, будто медведь зимой спит. Скорее он дремлет. Слух и обоняние продолжают работать, предупреждать зверя об опасности.

Желая подогнать медведя, Василий быстро зарядил ружье бекасинником, самой мелкой дробью, и выпалил по желтому пятну.

Над берлогой вспыхнула снежная тучка. Из нее показался бурый зад зверя и тотчас исчез. Когда несколько осела белесая завеса, Степка скакал галопом, подминая грудью кусты и оставляя за собой снежные вспышки да глубокую синеватую борозду. Василий снял шапку, вытер потный лоб, шею.

Назавтра, в воскресенье, Василий весь день не находил себе места. После ужина он не выдержал, позвонил на соседний кордон.

— Шуму, брат, было! — рассказывал Федор Федорович.— Наехали охотники, а зверя нет.

— Ну и что охотники?

— Обыкновенно,— усмехнулся в трубку Федор Федорович.— Закусили чем бог послал и к поезду.

Василий решил, что все обошлось благополучно. А несколько дней спустя снова приехал к нему Федор Федорович.

— Я к тебе, Василий, с худой вестью,— сказал он без обиняков.— Нашел в лесу остатки оленя.

— Думаешь, он?

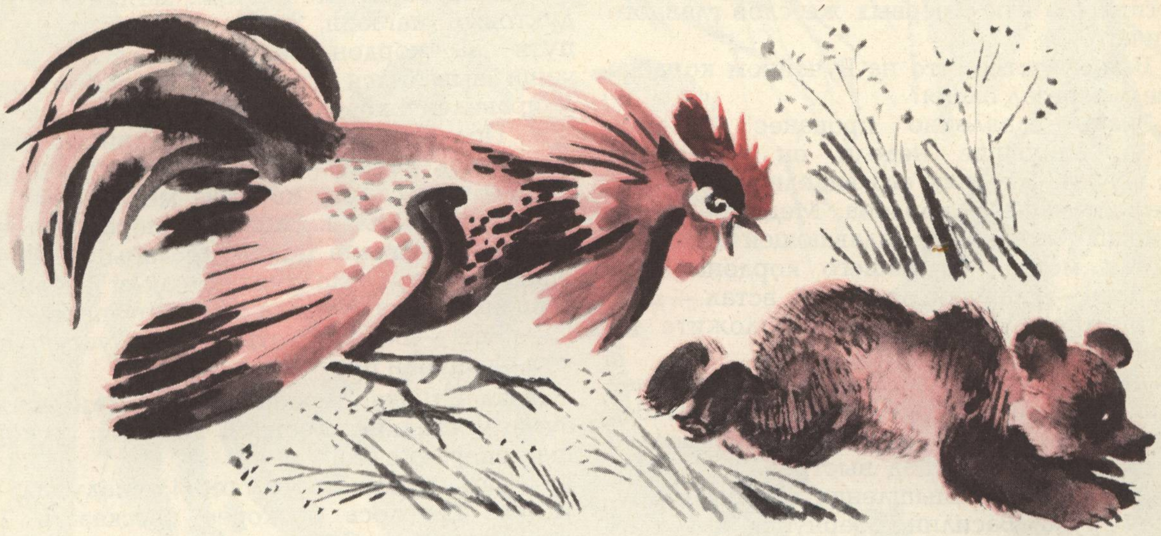
— Больше некому,— ответил Федор Федорович.— Да и следы...— Он помолчал и с усилием произнес: — Хоть и друзья мы с тобой, а придется, Вася, сообщить в управление. Олень...

Василий молчал... Поднятый из берлоги медведь — отощавший, изголодавшийся за зиму — оказался в холодном лесу. Растительной пищи нет. Личинками не проживешь. Поневоле пришлось стать хищником. Правда, весна шла дружная, лес оживал, полнился птичьими голосами, журчанием не видных еще под снегом ручейков. Пройдет неделя-другая, и оленя медведю не взять.

Так думал Василий. Но едва сошел снег, он нашел в бору кровавое пятно. По следам на песке Василий разобрался в том, что произошло здесь. Медведь бросился из засады на проходившую к водопою дикую козу. Два прыжка, и она стала недосягаемой для хищника. А вот малыш ее даже не пытался бежать. От него остались лишь пятна крови на песке.

Так Степка вынес себе смертный приговор.

Назавтра Василий взял карабин и отправился в лес. Долго ходил он по тропкам и просекам, искал Степку; искал, но не свистал. Не мог он вызвать Степку привычным свистом, а затем всадить пулю в доверчиво тянущуюся к нему медвежью морду. Но что делать? Нельзя держать зверя на воле. Ручной-то он ручной, но раз попробовал горячей крови, вошел во вкус. Придет время — появится у него подруга. Вдвоем они натворят!.. Недаром медведя считают вредным хищником, разрешают бить в любое время года. Размышляя так, Василий едва ли сознавал, что готовит себя к неизбежному выстрелу. Решимость его крепла. Надо кончать. И чем скорее, тем лучше. Он свистнул. Невольно сдерживая дыхание, вслушался. Ничего в лесу, кроме весеннего птичьего грая. Василий свистнул еще раз — протяжно, заливисто. Даже досадно стало, что сейчас, когда пришла решимость, медведь не выходит.

Как налетит он на бедного Степку, как налетит!

Василий свернул к кордону. И тут несколько впереди него вывалился из зелени Степка. Мотая головой вверх-вниз, он с радостным ревом двинулся на хозяина. Василий сбросил с плеча карабин. Прицелился. Степка шагал с широко раскрытой пастью. Сбежавшиеся на морде морщины походили на добродушную улыбку. Василий ловил на мушку лоб медведя, чтоб конец его был скорый, не мучительный. Больше всего боялся он сейчас взгляда раненого Степки. Боялся, что придется его добивать. А мушка никак не совпадала с прорезью прицельной рамки. Поймай-ка лоб медведя, когда тот мотает башкой от радости...

Степка надвинулся на Василия, бесцеремонно отстранил от себя так и не выстреливший карабин. Вытянув слюнявую нижнюю губу, он шевелил ею, выпрашивал вкусного.

Василий не выдержал: привычным движением закинул карабин за плечо и повернул к кордону. Степка грузно свалился на пе-

редние лапы, обогнал хозяина и снова встал на пути с разинутой пастью. Василий вытащил из кармана завернутые в бумагу бутерброды, не глядя, сунул их Степке и ушел.

Вечером Василий все рассказал жене. Долго сидели они за столом, думали, как быть.

— Застрели ты его,— вздохнула Тая.— Иного ничего не придумаешь. Рано или поздно Степка такого натворит...

Несколько дней Василий не видел медведя. Да и не искал встречи. Корма весной в лесу сколько угодно. Не станет Степка резать животных. А там, может, и переберется в другое место. С глаз долой...

Неожиданный вызов в контору встревожил Василия. Смутные предположения его обратились в явь с первых же слов главного лесничего.

— Вам известно, что на Ручейном кордоне медведь зарезал оленя?

— Знаю,— сдавленно произнес Василий.

— За минувшие недели он уничтожил двух козлят. На днях его видели в двухстах метрах от вашего кордона. Медведь искал в камышах гнезда водоплавающей птицы. В двухстах метрах от вашего кордона. Черт знает что! — Главный лесничий встал.— Даю вам три дня! Об исполнении доложите по телефону.

Василий простился и вышел. Все сильнее накипала в нем досада. Чего он медлил? Все равно иного выхода нет. Рано или поздно подвернется Степка под выстрел.

Оборвала его размышления знакомая дружеская рука. Василий обернулся и увидел Федора Федоровича.

— Ну, что думаешь делать?

— А чего думать? — безнадежно махнул рукой Василий.— Думай не думай, а придется застрелить.

— Все может быть,— уклончиво ответил Федор Федорович.— Зайдем-ка.

Василий оглянулся. Остановились они у междугородной телефонной станции.

Почти три часа провели они у застекленных кабин. Звонили в область, потом в Москву: предлагали молодого, спокойного и почти ручного медведя. В зоопарке сразу отказались. В зооцентре завели долгий разговор о том, что посылать экспедицию для отлова одного зверя невыгодно. Вот если бы... Но никаких «если бы» на территории заповедника быть не могло!

Неожиданно откликнулся на предложение наблюдателя известный укротитель Станислав Дорохов.

— Вы беретесь вызвать медведя из леса? — спросил он.

— Вызову,— уверенно ответил за Василия Федор Федорович.

— И вам не помешает, если рядом будут посторонние люди?

— Выйдет и при посторонних,— заверил Федор Федорович.— Он людей не боится.

Дорохов согласился взять медведя.

— Только поскорее,— настойчиво повторял Федор Федорович.— На него охотники целятся. Зверюга добрейший. А в лесу не укараулишь.

Дорохов ответил, что пришлет за медведем в пятницу.

Прямо с междугородной наблюдатели отправились к главному лесничему. Вопреки ожиданиям Василия, тот сразу согласился и тут же приказал приготовить разрешение.

— А чему тут удивляться,— говорил после Федор Федорович.— Он же, главный-то, сам всю жизнь лесничил. Зверя зря в обиду не даст!

Из управления заповедника Василий вышел в хорошем настроении, заглянул в продуктовый магазин, купил пачку сахара. По пути на кордон заливисто свистнул. Из чащи вывалился Степка и, мотая головой, направился к хозяину.

— Подходи, зверюга! — Василий протянул ему кусок сахара.— Угощайся на прощанье.

Почти до самого кордона медведь не отставал от Василия. Забежит вперед, встанет, широко расставив мохнатые лапы, и ворчит, просит сахара. Получит кусок и свернет в сторону. Съест и снова забегает вперед.

— Все! — Василий отдал ему пустую пачку.— Кончили пировать.

Пока Степка теребил пачку, слизывая с бумаги сладкие крошки, Василий, ускорив шаг, опередил его.

— Вот и пристроил тебя! — подумал он вслух. Хотелось поскорее рассказать Тае, как решилась Степкина участь.

В пятницу на кордон пришла крытая грузовая машина с прочной клеткой. Из машины вышла немолодая, по-спортивному подтянутая женщина.

— Ассистентка Станислава Петровича Дорохова,— представилась она, крепко, по-мужски пожимая руку Василия.— Где ваш воспитанник?

Несколько часов спустя Василий зазвал Степку в устланную еловым лапником клетку. Впервые в жизни медведь получил сразу целую пачку сахара, и тут же лязгнула задвижка.

— Прощай, дармоед! — Тая помахала рукой вслед машине, но Степка даже головы не поднял. Слишком занят он был рассыпавшимся по лапнику сахаром.

Василий доехал с укротительницей до шоссе. Прощаясь с ней, он попросил:

— Напишите мне, как он у вас... привыкнет.

Спустя два месяца на кордон пришло письмо.

«Степка ваш,— писал Василию Дорохов,— оказался на редкость понятливым и усердным учеником. Думаю в недалеком будущем выпустить его на манеж. Если у вас будут еще такие же удачные воспитанники,— пишите».

Ах ты, пострел эдакий!

ИЗМАИЛ, «БЕЛАЯ ЛАДЬЯ»...

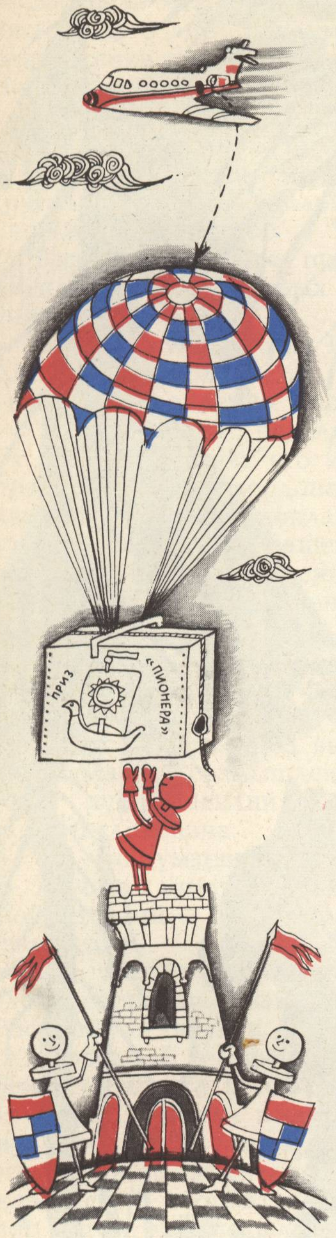
Тот, кто регулярно читает «Пионер», помнит, конечно, обложку нашего третьего номера (вот она, кстати): стены высокой шахматной крепости омывают голубые воды какой-то чудесной реки. А по волнам ее на виду у всего шахматного народа мчит искусно вырезанная ладья, приз «Пионера». И сам Пешкин управляет ею.

Обложка эта сразу вспомнилась нам, когда мы приехали в Измаил, на финал соревнований «Белая ладья». То было самое начало лета. Голубой Дунай разлился привольно и широко.

Но точеная ладья, приз «Пионера», не проплыла вдоль причалов Измаила. Ее еще в Москве упаковали в прочную коробку и самолетом доставили прямо в зал, где сражались шахматисты.

Многие ребята, однако, говорили: «Ну ладно, пусть «Белая ладья» прибыла сюда не по воде, а по воздуху. Это, допустим, даже современней. Но где же сам Пешкин?»

— Как где Пешкин? — послышался вдруг знакомый голос. И тут все увидели: строгой своей походкой в турнирный зал входит знаменитый шахматный сыщик, боец и комментатор Пешкин!..

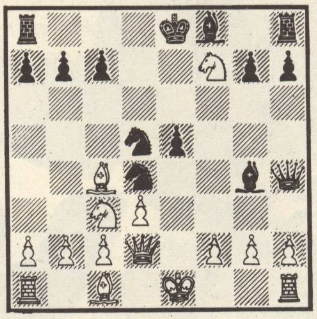

ЗАЩИТА ДВУХ КОНЕЙ

Много всего видал на своем веку наш герой. Но то, что произошло в партии между **Назаретом Геворгяном** (школа № 2 города Октомберяна, Армянская ССР) и **Виталием Майоровым** (школа № 1 города Плунге, Литовская ССР), поразило даже его.

Вот она, эта короткая партия. Пешкин предлагает вам, ребята, самим составить к ней примечания. Лучшие анализы он опубликует в журнале, а ребят, которые укажут ошибки белых, наградит грамотами «Ферзя и ладьи».

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Kg8—f6 4. Kf3—g5 d7—d5 5. e4:d5 Kc6—d4 6. Kb1—c3 Kf6:d5 7. Kg5:f7 Фd8—h4 8. d2—d3 Cc8—g4 9. Фd1—d2.

(Диаграмма № 1)

9... Kd5—e3 10. Cc4—b3 Ke3:g2+ 11. Kpe1—f1 Фh4—h3 12. Kf7—g5 Kg2—e3++13. Kpf1—e1 Фh3—f1+ и мат следующим ходом.

Литовский школьник отлично провел атаку на белого короля!

Много и других интересных партий было сыграно в финальном турнире клуба «Белая ладья». Борьба была очень упорной и трудной.

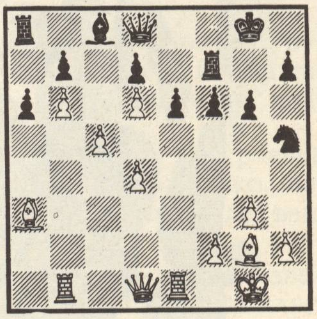
Заслуженно одержали победу и завоевали почетные призы газеты «Пионерская правда» и переходящий приз «Пионера» шахматисты из 130-й новосибирской школы. Вот кто входил в команду чемпионов:

Сережа Кудрин, Сережа Захаров, Александр Филиппов, Антон Войтишек, Ира Никифоровская.

О том, какой спор разгорелся за первые места, можно судить по двум цифрам. Сибиряки набрали 16 очков, и лишь на пол-очка отстали от них ребята из 188-й киевской школы.

Лидером этой команды была перворазрядница **Вита Артамонова.** Десять матчей провели украинские школьники, и в десяти партиях Вита одержала девять побед, сделав лишь одну ничью. Это лучший личный результат в финальном турнире. Вита получила специальный приз телевизионного клуба «Белая ладья».

Внимательно следил Пешкин за партиями Виты, он очень подружился с ней. Вита рассказала Пешкину, что ей очень нравится стиль игры Михаила Таля. И это понятно: киевская школьница тоже любит атаки, комбинации.

(Диаграмма № 2)

Это позиция из партии, в которой Вита играла белыми против школьницы из Октомберяна **Асмик Бабаян.** Пешкину очень понравилось, что белые так хорошо распорядились своими пешками.

Смотрите, как зажат ферзевый фланг черных, а бедный слон c8 даже шевельнуться не может в своей клетке.

Пришло время решительного штурма, и Вита сыграла 24. d4—d5!

Партия продолжалась так: 24... e6—e5 (плохо 24... ed 25. C:d5, и гибнет ладья f7) 25. c5—c6 (пешки идут вперед и вперед!) 25... d7:c6 26. d5:c6 Cc8—e6 27. c6—c7. **Черные сдались.**

На третье место в турнире вышла команда пионерской дружины

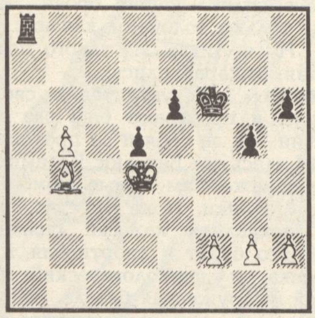
школы № 21 города Бухары, та самая, что в прошлогоднем финале заняла самое последнее, восемнадцатое место. Год не прошел даром. Ребята не упали духом, они тренировались, анализировали свои партии, искали в них ошибки, чтобы больше никогда их не повторять.

Как это бывает всегда, дружная коллективная работа дала хорошие результаты. На этот раз бухарские школьники вышли на первенстве в число сильнейших.

Хорошие шахматисты были, конечно, в каждой команде. Вот взять, к примеру, третьеклассника Валерика Салова из 11-й ленинградской школы.

Он еще так мал, что, сидя за шахматным столом, никак не мог дотянуться до восьмого ряда доски, где располагались главные силы противника. Пешкин пришел ему на помощь: поставил на стул Валерика большой ящик, чтобы шахматист мог спокойно действовать на всей доске.

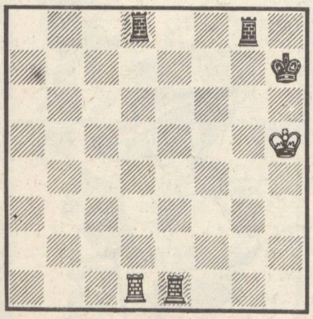
Эта позиция создалась в партии

(Диаграмма № 3)

между **Валериком Саловым** и **Александром Филипповым** из Новосибирска. У черных лишнее качество, но проходная пешка белых очень сильна. Вот как Валерик использовал ее грозную силу:

44. Cb4—d6! Ла8—а7 45. b5—b6 Ла7—b7 46. Кpd4—c5 e6—e5 47. Кpc5—c6 Лb7:b6+ 48. Кpc6:b6 d5—d4 49. Cd6—b4 Кpf6—5 50. Кpb6—c5 Кpf5—e4 51. Кpc5—c4 h6—h5 52. Cb4—d2 g5—g4 53. Cd2—g5 Кpe4—f5 54. Cg5—h4 Кpf5—e4 55. Ch4—g3 Кpe4—f5 56. Кpc4—d3 Кpf5—f6 57. Кpd3—e4. **Черные сдались.**

(Диаграмма № 4)

Разберите внимательно это окончание и обратите внимание на то, как хорошо Валерик маневрировал королем. Пешкин похвалил его за то, что он не двигал пешки королевского фланга. Как вы думаете, почему?

Валерик Салов получил второй спортивный разряд и приз за упорство и мужество в игре. Шахматистами первого разряда стали **Сережа Захаров** (Новосибирск), **Юлий Караханов** (Москва), **Сережа Галахов** (Бухара) и **Миша Манов** (Киев).

Пешкин смотрел-смотрел, как играют ребята, а потом и сам сыграл одну занятную партию.

(Диаграмма № 4)

— Ничья,—объявил противник Пешкина, но тот неожиданно провел красивую атаку на черного короля.

Как добился Пешкин выигрыша?

С ПОЖЕЛАНИЕМ УДАЧИ

С. ИВАНОВ

Перед вами команда города Плунге — команда, за которую я болел в Измаиле на финале «Белой ладьи». Первым слева стоит капитан **Виталий Майоров,** дальше **Римантас Шакинис,** третий — **Йогминас Саулюс.** А это тренер **Виталюс Казимирович Андрюшайтис.** Рядом с ним **Рита Арлаускайте** и **Авритас Кишракис.**

Я сказал им:

— Хочу вас сфотографировать, буду писать очерк.

Сразу удивление, смущение. И никак не могут они забыть, что на них наведен стеклянный фотоглаз. Не привыкли эти ребята к славе, к вниманию прессы... Город Плунге? Едва ли найдется один читатель из десяти, который знал бы, что есть такое местечко в Литовской ССР. А теперь о юных шахматистах из Плунге узнают полтора миллиона читателей «Пионера».

И вот явилась оттуда команда и уверенно, на равных, сражается с Москвою, Ленинградом, с Новосибирском и Киевом... Тем-то как раз и хороши соревнования «Белой ладьи», что они до самого дна умеют всколыхнуть пионерское шахматное море. Почему? Да потому, что турнир этот дает равные шансы и огромной столице — признанному шахматному центру, и крошечному городку, который только и разглядишь на карте его собственного района и в котором все шахматисты наперечет. Это ведь соревнование не сборных городов или областей, это — соревнование пионерских дружин. А шахматные силы каждой дружины примерно равны. Значит, все — или очень многое — будет зависеть лично от твоего упорства, тренированности, желания победить.

Итак, команда города Плунге. Не думайте, что я один обратил на нее внимание. За нею следили многие участники соревнований, тренеры, болельщики. Говорили: «Вот сразу видно — культурная команда: в дебютах, в окончаниях... ну, словом, в теоретических положениях ошибок почти нет. А как умеют концентрировать внимание на игре!»

Однако эти ребята не стали первыми. Призерами даже не стали. Но ведь пробиться в финал Всесоюзных соревнований — это тоже немалый успех! И в Измаиле плунгенцы в грязь лицом не ударили! Москва, Ленинград, команды из Латвии, Эстонии, Грузии, Таджикистана и многие другие отстали от них на изрядное количество очков.

И все же они могли бы, пожалуй, сделать немножко больше. Несколько тренеров на вопрос о недостатке команды Плунге ответили мне почти одними и теми же словами:

— Спортивная злость прихрамывает... Упорства им не хватает... Слишком мягкая команда, не борется до конца...

После удачного матча.

В этих словах есть правда. Действительно, убегали от плунгенцев очки из-за желания сыграть поспокойней. А иной раз весомые шансы на победу разбивались об упорную защиту противника, и не хватало ответного упорства... Это все правда!

Но правда и то, что ни одного упрека не бросили друг другу ребята из Плунге. Потому что победа, конечно, очень нужна. Однако куда важнее дружба!

По мере того, как «Белая ладья» приближалась к финишу, спортивная ситуация на турнире становилась все более напряженной и жесткой. Вот случай. У мальчишки стоял под ударом ферзь. Он сидел, думал, куда бы убрать главную свою фигуру. Потянулся

Рисунки А. БОРИСОВА.

к ферзю — толкнул нечаянно короля. Противник говорит:

— Дотронулся — ходи!

Обратились к судье, тот пожал плечами:

— Правила...

Что ж, по правилам тот противник действительно был прав, а по жизни? По самому духу спорта?..

Отличительная черта ребят из Плунге — корректность, уважение к противнику. Перед началом сражения непременно пожмут «неприятелю» руку, вручат значок своего родного города и маленький сувенир. Я потом заметил: хорошая эта традиция — сделать подарок противнику — привилась на турнире. Не плунгенцы ли были ее зачинателями?..

Другой пример. Опять идет ответственный матч. Игроки той и другой команды томятся вокруг первой доски. Все партии уже сыграны. Осталась последняя. И от исхода этого поединка зависит очень многое!..

Напряженное молчание, словно перед взрывом мины замедленного действия... И вот конец! Один из соперников останавливает часы, говорит кисло:

— Поздравляю...

Команда победителей тут же уходит. Шагают, о чем-то переговариваются весело, шлепают друг друга по плечу... Побежденные угрюмо сгрудились над шахматами.

— Продул, как дурак! — говорит кто-то.

— Чего ты?! — вскидывает голову первая доска.

— Детского хода не заметил, вот чего!..

— Какого хода?!

— Да что с ним говорить!..

В следующем туре эта команда проиграла уже начисто. Спортивная злость переродилась в злость обычную...

Я не хочу сказать, что такого рода истории были на турнире обычным делом. Нет, конечно!.. И все-таки они случались.

А вот в команде Плунге — за это я могу, как говорится, дать голову на отсечение — ничего такого и в помине не было. Их главный козырь — дружба, доброжелательность и к противнику и друг к другу. Каждый из них уверен, что товарищ сделал в игре все, что мог, а значит, столько же, сколько ты сам. Чувство дружной команды воспитывать в себе, думаю, важнее, чем спортивную злость. Это, по-моему, куда больше соответствует духу «Белой ладьи».

Соревнования в Измаиле проходили, между прочим, в два этапа. Сперва команды по итогам предварительных туров были разбиты на три подгруппы: финальную (места с первого по шестое), вторую и третью. Плунгенцы пробились в первую шестерку, набрав в предварительных соревнованиях двенадцать с половиной очков. Это было как раз ровно столько, сколько необходимо, чтобы попасть в главный финал. Еще бы на пол-очка меньше и...

Команда Украины — очень серьезный противник!

И вдруг узнаю, что один из плунгенцев заработал в предварительных играх всего пол-очка. Думаю: это что же такое за результат! Слабее слабого! А как, интересно, относятся к этому сами ребята? Рита Арлаускайте сказала твердо (и видно, она была не очень довольна моим вопросом):

— Ну что же? Старался как мог! Мы же видели.

Капитан Виталий Майоров ответил:

— Так вы же поймите: без этой половинки очка мы бы уже только двенадцать набрали. А тогда в шестерку нам дорога была бы закрыта!

Я подумал: а ведь правда, так оно и есть. И больше не стал приставать к ребятам с неприятным этим вопросом.

А теперь я хочу сказать о самом главном человеке в их команде — тренере Виталюсе Казимировиче Андрюшайтисе.

Что и говорить, ребятам из школы номер один города Плунге повезло. Их тренер и шахматист — отличный и уважаемый в школе, в городе человек. Но главная его отличительная черта — он настоящий вожатый... Нет, профессия-то у него другая. Он вожатый по призванию. С ним ребятам хорошо — и дружить, и спорить, и вместе отстаивать честь школы, родного города.

Вот идет матч с Киевом. Дела у литовской команды не клеятся. Андрюшайтис с бесстрастным лицом стоит за ограждением. Я встречаюсь с ним взглядом, молча развожу руками. А что тут скажешь!..

Виталюс Казимирович отводит меня подальше от команды. И тут же на лице его проступает горечь, досада, спортивный азарт:

— Не знаю, что творится!.. Не понимаю!

Достает карманные шахматы. Варианты молниеносно сменяют один другой... Куда только девалась его сдержанность. Он будто сам играет все пять партий.

Но вот Андрюшайтис снова в зале. И опять спокойное, доброжелательное лицо. Кто знает, может быть, именно поэтому команда начинает играть удачливей. Уже киевляне сидят — супят брови. Зрители только головами качают:

— Ну и Литва. Из такого положения выкарабкались!..

Вечером они усядутся в своем номере и проиграют еще раз все партии — и за себя и за противника. И здесь же Виталюс Казимирович покажет им новые комбинации, ловушки. И не упустит случая похвалить каждый сильный ход. Это будет и спортивная тренировка, и психологический настрой, и дружеская беседа. Завтра утром они опять войдут в зал соревнований, подтянутые, сдержанные, сосредоточенные. И каждый из них, сделав очередной ход — сильный или слабый,— встретит спокойный и доброжелательный взгляд своего тренера.

Пройдет не так уж много месяцев — три или четыре,— и шахматные сборные пионерских дружин снова выйдут на старт «Белой ладьи». Вновь сядут за шахматные столики и наши друзья из литовского города Плунге. Теперь они уже будут обстрелянные, опытные — «ветераны».

В 1973 году эти ребята не стали призерами. А вот на следующем финале, я надеюсь, станут.

Давайте все вместе пожелаем им успеха!

Живживка ОБИДЕЛСЯ

Капитан Перо-86 сказал как-то Живживке: — Ты ужасный фантазер и ничего не можешь нарисовать по строго продуманному плану.

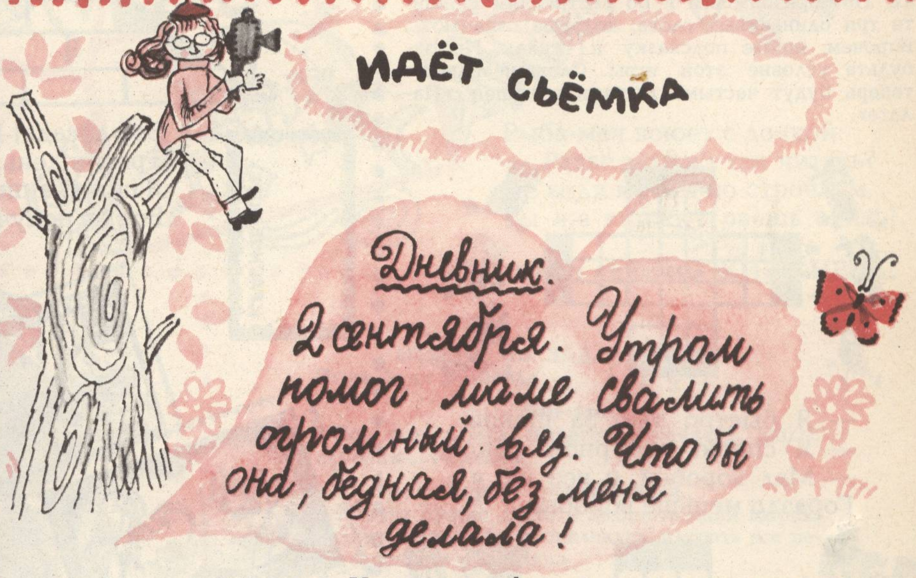
Живживка обиделся, и вот перед вами его новый рисунок. Цифрами Живживка точно обозначил разные цвета, в которые он собирается его раскрасить. Но, может быть, вы и так догадаетесь, что здесь нарисовано?

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ИДЁТ СЪЁМКА

Дневник.

2 сентября. Утром помог маме свалить огромный вяз. Что бы она, бедная, без меня делала!

У этого диафильма пока еще нет названия. Жду ваших предложений.

Живживка.

АВАРИЯ

— Я несчастная лиса,
Мне вцепилась в хвост оса.
Я, бедняжка, так вертелась,
Что на части разлетелась!
Три сороки возле пня
Стали складывать меня.
Между ними вспыхнул спор:
Получился мухомор!
Помогите, помогите!
Из кусков меня сложите!

Совет Живживки. Перерисуйте мухомор на плотную бумагу, разрежьте на части, как показано на рисунке, и попробуйте из них сложить лису. Я начал складывать с правого уха, и лиса у меня получилась как живая.

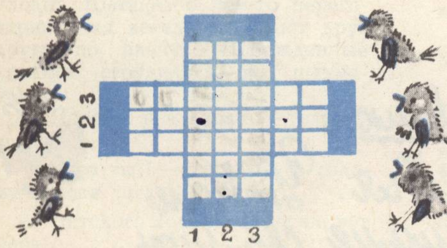
Привет. ЖИВЖИВКА.

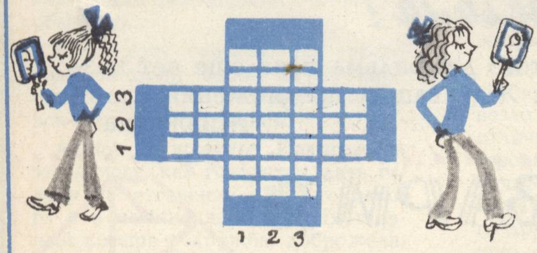

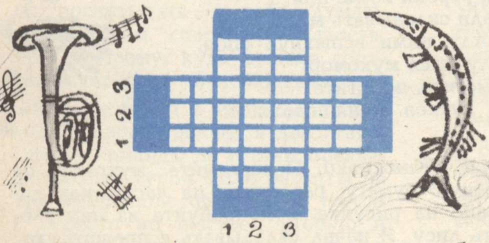
Посмотрите, к цветку, как пчела, подлетает птица. Хотите узнать, какой это цветок и что это за птица? Вам помогут слова-невидимки. По горизонталям и по вертикалям впишите три одинаковых слова, которые означают... Впрочем, ищите подсказку в стихах. Не забудьте условие этой игры. Слова-невидимки теперь будут частыми гостями в нашей «Палате».

— Я быстро таю за щекой.
— Я спорю с бурною рекой.
— Мал воробей, и все же я
Гораздо меньше воробья.

— Таких, как я, красавиц мало.
— Во всем меня ищи сначала.
— На вкус я, правда, горьковата,
Но любят грызть меня ребята.

— Боюсь попасться щуке в зубы.
— Во мне и флейты есть и трубы.
— Меня услышать каждый рад,
Я драгоценней всех наград.

Игры Лупы и Пинцета

Штурмуем пирамиду!

Вот досада! Вот обида!
Третий день кончается,
Я сижу, а пирамида
Все не получается!

Такую записку прислал Живживка, который пытался решить нашу новую задачу. Пирамиду надо сложить из марок двенадцати африканских стран: Египта, Судана, Заира, Эфиопии, Кении, Ливии, Габона, Уганды, Камеруна, Конго, Республики Чад, Центральной Африканской Республики.

На рисунке вы видите свободную марку. На ней написано: «Красное море». Эта марка должна прилегать только к омываемым этим морем странам. Как всегда, соприкасаться по вертикалям и горизонталям могут только граничащие между собой государства. Покажите Живживке, как решать задачу.

Только что он позвонил и радостно сообщил, что все-таки решил ее. Четыре дня решал!

МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ

Ранним утром аист сына
Учит в пруд нырять с трамплина.

Сын слонихи будет ловким,
Папа с мамою вдвоем
Без скакалок, без веревки
Развивают ловкость в нем.

Ну и внук у муравьеда,—
Он совсем замучил деда.
Нет прекраснее игры —
Едет с носа, как с горы!

Рыба-меч воюет с дочкой:
— Разве можно так читать?
Не води мечом по строчкам,
Ты же книжку рвешь опять!

Жду ваши снимки. ЖИВЖИВКА.

Капитан Перо-86 ищет помощника

Мне очень нужен помощник, который мог бы быстро читать зашифрованные тексты. Надеюсь, среди вас есть такие. Кто хочет испытать себя, беритесь за дело! Перед тобой записка. На ней написано предложение. Из каких слов оно состоит? Буквы для образования слов можно брать справа, слева, сверху, снизу, только не по диагонали и только по одному разу. Соедини слова одной линией, и тогда ты узнаешь, что я о тебе думаю.

Капитан ПЕРО

И	К	А	Ы	С
Н	И	А	Т	О
Щ	В	Е	И	Д
О	П	Н	Ш	Ь
М	О	М	Я	С

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Игры Деда Буквоеда

Что это?

Вот что: иголка, пылесос, ступенька, ягоды, клубника, телевизор.

Карату грозит двойка.

Карату нужно достать двадцать один шарик. Задачу-шутку **«Аргиропелекусы клюют»** все ребята решили правильно.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

Входной билет

Вот слова, которые нужно написать на входном билете: марка, шмель, смех, слепень.

Кроссворд носорога и улитки

Носорог и улитка поселили в кроссворд: аиста, сороку, утку, тигра, сокола, лису, крота.

Поздравляем с победой!

Таблицу нужно заполнить так:

	Сыграно матчей	Выиграно	Ничьи	Проиграно	Кол-во очков
Пантера	3	2	1	0	5
Тигр	3	1	1	1	3
Барс	3	1	0	2	2
Львята	3	0	2	1	2

Игры Лупы и Пинцета

Пантеры и гиены.

1. Марка с гиеной — из Ирака. 2. Марка с изображением пантеры тоже из Ирака. 3. Другая марка с пантерой из Мавритании. 4. Эта марка с гиеной тоже из Мавритании.

помощники мне | Да, ты в помощники мне годишься

САМИ О СЕБЕ

САМЫЕ ВИНОВАТЫЕ

Вместо географии пятым уроком объявили черчение и сказали, что заниматься мы будем вместе с восьмым «Г». Ни наш класс, ни восьмой «Г» не отличаются особенно хорошей дисциплиной. Учителя никто не слушал. Урок сорвали. Пришла завуч Елена Ефимовна и стала выяснять, кто сорвал.

Староста нашего класса написала, что виноват весь класс. Сначала никто с этим не спорил. Но когда попросили положить на стол дневники, встала Оля Сакович и сказала, что ей попадет, если родителей вызовут в школу, и пусть староста запишет фамилии самых виноватых. Ее поддержали еще несколько девочек. Староста подумала и записала фамилии трех мальчишек.

Три человека виноватых, а сколько было шуму в классе... Родителей этих трех вызвали в школу, а мы, остальные, сорок пять человек, аккуратненько убрали дневники в портфели и отправились на следующий урок. Получается, опять можно бузить за чужой спиной, все равно накажут тех, кто делал это открыто, а не исподтишка.

Вы можете спросить: «Что же ты раньше молчала в классе?» Да, вот раньше молчала, а теперь больше не буду.

Люба Скакун, г. Орша, Витебская обл.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (зам. главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. Н. ВЕСЕЛОВСКАЯ.** Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Сдано в набор 26/VII 1973 г. А 02646. Подписано к печати 30/VIII 1973 г. Формат 84 × 60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2142. Заказ № 972.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Академия Домашних Волшебников

Когда Марина вернулась из школы, за стеной в Алешиной квартире старинные, немножко волшебные часы «Бим-бом» сипло проговорили:

— Ква, ква-к-х-с...

— Два часа! — Маринины глаза округлились от удивления.— Скорее, скорее! В два часа тридцать семь минут должна прилететь Калинка! А до этого надо успеть переодеться, умыться, разогреть обед, пообедать, вымыть тарелки, убрать чуть-чуть в кухне и просмотреть «Пионерскую правду».

Ровно тридцать семь минут третьего раздался телефонный звонок, и ясный Калинкин голосок сказал:

— Здравствуйте, это квартира Ромашовых?

— Здравствуйте. Да.— Марина удивилась: почему Калинка ее не узнала?

— Позовите, пожалуйста, Марину.

— Это я! Я! — не выдержала Марина.— Калинка, ты меня не узнаешь?

— Очень плохо слышно. Я от тебя далеко-предалеко. Звоню по междугородному автомату. Не успею прилететь к вам, прости, пожалуйста. Но твою просьбу не забыла. Загляни в почтовый ящик, найдешь там пакет. До свидания. Я позвоню тебе еще, вдруг ты не разберешься в чертежах.

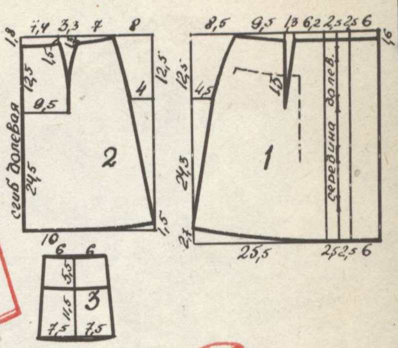
— Спасибо! Калинка! До свиданья!

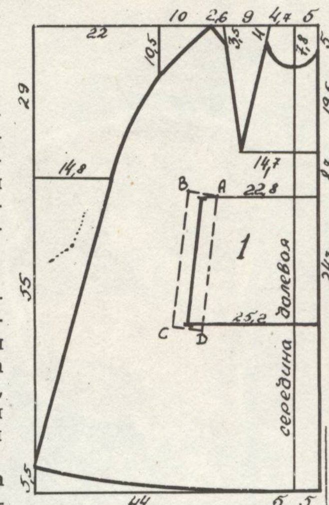
В синем пакете с калиновым листком вместо марки лежали три листка — на одном была нарисована симпатичная-пресимпатичная накидка и хорошенькая юбка на пуговицах, на другом были чертежи этой накидки и юбочки, а на третьем ровным Калинкиным почерком было написано объяснение, как эту накидку и юбочку шить.

Марина внимательно два раза посмотрела чертежи, прочла объяснение и быстренько перевела маленький чертеж в большой чертеж, в натуральную величину, на миллиметровке. Она не забыла, что на чертеже припуски на швы не указаны, поэтому при раскрое прибавила на подшивку низа юбки и пелерины 7 сантиметров, на открытые срезы швов — 2 сантиметра, а на скрытые — 0,7 сантиметра. Конечно, она не забыла перед раскроем продекотировать ткань, прогладив ее через мокрую хлопчатобумажную ткань.

Для юбочки мама купила Марине тонкую шерстяную клетчатую ткань — красную с синим, а для пелерины синюю, мохнатую пальтовую ткань, для подкладки Марина выбрала красную. У нее есть еще синие сапожки — получится очень нарядный осенний ансамбль.

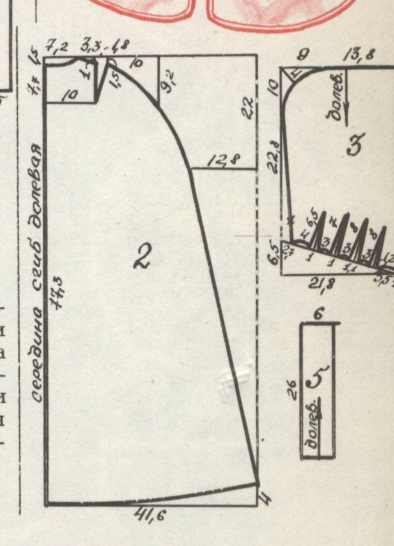

Все детали кроя Марина разложила на ткани и обвела мелом контуры, а потом осторожно вырезала, оставляя припуски на швы. Подкладку для пелерины кроила по чертежам пелерины.

* ЮБКА НА ЗАСТЕЖКЕ *

42-й размер, длина — 37 сантиметров, объем бедер — 92 сантиметра, объем талии — 64 сантиметра.

При ширине ткани 140 сантиметров надо полметра, при ширине ткани 90 и 80 сантиметров — один метр.

Детали кроя:

1) передняя половина юбки — 2 детали,
2) задняя половина юбки — 2 детали,
3) карман — 2 детали.

На выкроенных деталях Марина сначала отметила контрастной ниткой линии центра и ширину планки у застежки, потом заметала вытачки, сметала боковые швы и попросила Лёку помочь сделать примерку.

После примерки сострочила все швы и вытачки, отстрочила широкой строчкой (толщина нитки — № 20) карманы и планки, на юбке выметала петли, пришила корсаж, отгладила ее хорошенько и пришила пуговицы. Очень нарядная получилась юбочка!

* ПЕЛЕРИНА С КАПЮШОНОМ *

42-й размер, длина по спинке — 85 сантиметров, объем груди — 84 сантиметра, бедер — 92 сантиметра. При ширине ткани 140 сантиметров надо один метр и шестьдесят сантиметров.

Детали:

1) передняя половина пелерины — 2 детали,
2) задняя половина пелерины — 2 детали,
3) боковые половинки капюшона — 2 детали,
4) центральная часть капюшона — 1 деталь,
5) клапан — 4 детали.

Марина опять в первую очередь отметила линии центра на полочках и спинке, линии прореза для рук. Сметала капюшон, заметала вытачки, а потом боковые швы пелерины, приметала капюшон и опять попросила Лёку помочь ей сделать примерку.

— Все хорошо! Просто отлично! — сказала Лёка.— Не буду тебе завидовать, а просто сошью себе такую же накидочку. Да и юбочку, пожалуй, тоже.

Цена 25 коп
Индекс 70694

НАГРАЖДАЕТ КОМСОМОЛ

Почетный Знак ВЛКСМ

Знак Лауреата премии Ленинского комсомола

Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть»

Знак ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть»

Значок ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле»

Знак ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть»

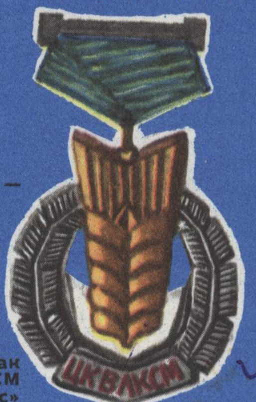
Значок ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства»

Знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»

Знак ЦК ВЛКСМ «Мастер — золотые руки»

Знак ЦК ВЛКСМ «Золотой колос»

Знак Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина «За активную работу с пионерами»

Значок ЦК ВЛКСМ «Лучшему молодому хлопкоробу»

Книга в алом переплете, которую ты видишь на первой обложке, — Книга Почета ЦК ВЛКСМ. А знак на муаровой ленте с дорогим всем нам силуэтом Ильича дается тем, кто занесен в эту летопись комсомольской славы: комсомольцам-героям суровых боев, героям самоотверженного и окрыленного труда и целым коллективам — комсомольско-молодежным бригадам, комсомольским организациям.

Пятиконечная звезда с разноцветными лучами — Почетный Знак ВЛКСМ, высшая награда комсомола. Получить ее — большая честь. Одним из первых кавалеров Почетного Знака ВЛКСМ был Юрий Алексеевич Гагарин.

Рядом — знак Лауреата премии Ленинского комсомола. Эту премию вручают деятелям искусства и литературы, молодым ученым, инженерам, рабочим и колхозникам за вдохновение и творчество, открытия и изобретения.

Знаки ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», «Спортивная доблесть», «Трудовая доблесть» присуждаются за смелость и мужество, за выдающиеся спортивные успехи, за славные трудовые свершения.

Для тех, кто стал подлинным правофланговым пятилетки, для передовиков производства, лучших молодых рабочих, хлеборобов, хлопководов, для удостоенных звания «Мастер — золотые руки» тоже есть у комсомола высокие и почетные награды.

Если на груди у твоих друзей-комсомольцев ты увидишь значки, перевитые лентой со словами «За активную работу в комсомоле», «За активную работу с пионерами», знай, что эти люди — надежные, умелые, горячие комсомольские и пионерские руководители.

Есть у Ленинского комсомола и другие награды, все не уместились на этой странице.

И ты можешь получить награду, хотя еще не стал комсомольцем: ЦК ВЛКСМ утвердил значок «За отличную учебу».

Заслужи ее!